

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

О. Р. БОРОДИН,
С. Н. ГУКОВА

ИСТОРИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ В ВИЗАНТИИ

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Р. БОРОДИН, С. Н. ГУКОВА

**ИСТОРИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ В ВИЗАНТИИ**

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров,
И. С. Чичуров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко*

О. Р. БОРОДИН, С. Н. ГУКОВА

**ИСТОРИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ В ВИЗАНТИИ**

Составитель
О. Р. Бородин

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

УДК 910
ББК Д8г(4)4
Б 83

Бородин О. Р., Гукова С. Н.

Б 83 История географической мысли в Византии. —
СПб.: Алетейя, 2000. — 179 с. — (Византийская
библиотека)
ISBN 5-89329-317-7

В монографии впервые дается комплексное исследование развития византийской географической мысли. Детально анализируются ее теоретические основы, представления восточных отцов Церкви о строении Вселенной; описываются географические представления Михаила Пселла, Евстратия Никейского, Георгия Гемиста Плифона, других выдающихся византийских мыслителей. Рассматривается весь комплекс сочинений византийских авторов, посвященных вопросам географии. Особое внимание уделяется почти неизученной теме эволюции картографии с позднеримского времени до падения Константинополя.

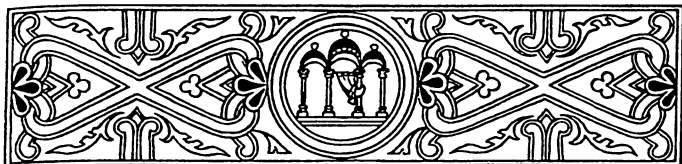
ISBN 5-89329-317-7

97858934293173

На форзаце: Евангелист Матфей. 1312–1315. Церковь св. Апостолов, Салоники. Мозаика на парусе.

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.
© О. Р. Бородин, С. В. Гукова, 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

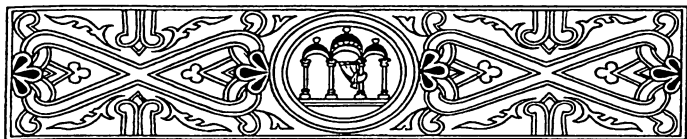
Эта книга является первым обобщающим монографическим исследованием истории византийской географической мысли. Она представляет собой переиздание соответствующих глав академической «Культуры Византии» (т. 1–3, М., 1984–1991). Изменены в соответствии со спецификой монографической работы только названия глав. Ссылки на некоторые источники даются непосредственно в тексте монографии, прочие примечания приводятся в подстрочнике.

В главах 1 и 2 в первых разделах рассматриваются сочинения византийских теоретиков о проблемах космогонии и космографии, общих принципах землеустройства. Вторые разделы глав посвящены конкретным географическим представлениям византийцев и отражающим их произведениям. Наконец, в третьих разделах речь идет об изображении земной поверхности, то есть о картах и глобусах. Иную структуру имеет третья глава. В ней рассказывается лишь о собственно географических произведениях и картах эпохи Палеологов. Причина в том, что в поздневизантийский период не появлялось оригинальных сочинений по космографии.

Второй раздел главы 2, где характеризуются космографические взгляды византийских авторов в VIII–XII вв., принадлежит перу С. Н. Гуковой. Все остальные

разделы написаны О. Р. Бородиным. При подготовке первого тома «Культуры Византии» в него была включена глава главного редактора издания, ныне покойной, члена-корреспондента АН СССР З. В. Удальцовой «Косьма Индикоплов и его “Христианская топография”». В связи с этим в главе О. Р. Бородина «Развитие географической мысли» характеристика «Христианской топографии» отсутствует. Поскольку без анализа самого знаменитого византийского географического памятника — «Христианской топографии» Косьмы — история географической мысли Византии невозможна, текст З. В. Удальцовой воспроизводится в настоящем издании в качестве приложения к монографии О. Бородина и С. Гуковой.

Глава 1

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

В области географической теории, как и в прочих сферах культуры, византийская научная мысль обнаруживает прямую зависимость от античной традиции. Античная география прошла тысячелетний путь развития, имела целый ряд важнейших достижений, которые оказались в IV–V вв. в распоряжении ранневизантийских географов.

Безусловно, главным завоеванием античной географической мысли было представление о Земле-шаре. Мысль о шарообразности Земли, по-видимому, была впервые сформулирована в V в. до н. э., возможно Парменидом или пифагорейцами, развита Евдоксом Книдским (ок. 406–355 гг. до н. э.) и нашла полное выражение в работах Платона и Аристотеля. Прежде всего благодаря трудам этих двух крупнейших философов античности она стала достоянием раннесредневековой космогонической теории.

В то же время в античной науке существовало не менее стойкое представление о Земле как о плоском диске, идущее от Гекатея из Милета (ок. 546–480 гг. до н. э.) и Демокрита и развитое в работах Эфора и Ктесия (IV в.

до н. э.). Однако исследования географов этого направления были гораздо хуже известны в раннее средневековье, и идеологи христианства, придерживавшиеся плоскостной теории, исходили в своих умозаключениях не из трудов античных классиков, а из Библии.

В связи с идеей земной шарообразности стоит теория природной широтной зональности, сопутствовавшая античной науке на всем протяжении ее развития (начиная, видимо, с Евдокса Книдского). В общих чертах смысл ее в том, что земной шар делится в широтном направлении на ряд тепловых поясов. Как правило, считалось, что поясов этих — пять: северный холодный, северный умеренный, центральный жаркий, южный умеренный и южный холодный. Лишь оба умеренных пояса приспособлены для жизни людей: в холодных поясах царит слишком большая стужа, в срединном жарком — ужасный зной. Именно поэтому никто из жителей северного умеренного пояса, где была расположена древняя ойкумена, не побывал в южном. Однако в южном умеренном поясе также имеется населенная земля, где живут «антиподы». Гипотеза о земле антиподов стала в дальнейшем предметом дискуссий в раннесредневековой науке.

Античная география сформулировала понятие широты и долготы и умела определять местоположение точки на земной поверхности. Античные географы предпринимали попытки установить размеры Земли и отдельных крупных географических объектов (областей, островов и т. д.). Колоссальный античный опыт в области прикладной географии был обобщен Клавдием Птолемеем, чьи труды пользовались в раннее средневековье огромной популярностью как на западе, так и на востоке Средиземноморья. На них базировалась система средневекового обучения географии.

К сказанному необходимо добавить, что античная география установила и обобщила множество конкретно-географических реалий, связанных с местоположением различных земель и стран, направлением морских течений, тектоническими процессами, изменяющими форму земной коры, и т. д. Таким образом, географическая наука накопила к IV–V вв. значительный потенциал теоретического и конкретно-прикладного знания. Часть этого сложного комплекса географических идей, гипотез и фактов оказалась в распоряжении ранневизантийских географов и послужила основой для их собственных научных построений. Однако их теоретический арсенал не исчерпывался унаследованной от древности географической традицией.

Решающую роль в формировании раннесредневековой географической теории сыграли представители латинской и греческой патристики. В этой сфере, как и во всех иных, их главным исследовательским методом стала экзегеза — толкование Священного Писания. Естественно поэтому, что содержащиеся в Библии географические положения и выводы предопределили как особый интерес экзегетов к определенным аспектам географической проблематики, так и их основные теоретические заключения.

Следует отметить, что Библия не содержит сколько-нибудь определенной географической концепции и позволяет составить лишь самое общее и суммарное представление об устройстве мироздания. Так, в Ветхом Завете часто (хотя и не повсеместно) Земля предстает плоским кругом, ограниченным куполообразным небесным сводом. Впрочем, из некоторых высказываний следует, что земная плоскость имеет концы (т. е. она — не круг), а небо зиждется на опорах и столпах, но не лежит непосредственно на земле. По форме небо напоминает шатер

(скинию) или тонкую ткань, распростертую над землей (новое противоречие!). При этом, когда речь идет о небесах, в Библии используются два термина — οὐρανός и στερέωμα — и, очевидно, имеются в виду два разных неба. Нижнее — στερέωμα — «твердь небесная». На ней снизу крепятся светила, ее противоположная плоскость служит дном небесного моря. Верхнее небо — οὐρανός — крыша своеобразного двухэтажного здания, которое образует Вселенная. Впрочем, во втором Послании к Коринфянам у апостола Павла есть упоминание и о третьем небе.

Воды, сосредоточенные над «твердью небесной», проливаются на землю в виде дождя через особые окна. Однако в другом месте говорится об облаках как о хранилище воды. Земные же воды окружают всю сушу, но не способны ее затопить.

Протяженность земли и высота небес недоступны человеческому разумению. В Ветхом Завете декларируется принципиальная невозможность для человека установить их размеры, что заставляло в дальнейшем христианских богословов скептически воспринимать попытки античных ученых вычислить длину и ширину ойкумены.

Писание содержит несколько конкретно-географических постулатов, оказавшихся в центре внимания раннесредневековой географии. Это утверждение о том, что в середине Земли находится Иерусалим, указание о земном местоположении Рая и о четырех райских реках: Тигре, Евфрате, Геоне и Фисоне, а также краткие и смутные упоминания о народах Гоге и Магоге. Перед христианами географами вставали проблемы идентификации Геона и Фисона, разрешения противоречия между определением Тигра и Евфрата как райских рек и тем фактом, что все их течение от истоков до устья было хорошо известно ученым средневековья, наконец, проблемы локализации Рая и места обитания Гога и Магога.

Сказанным в основном исчерпывается содержащийся в Библии географический и космологический материал. Его крайняя противоречивость и фрагментарность предоставляли экзегетам широкие возможности для дискуссий, и не случайно раннехристианские географы с одинаковым успехом подкрепляли библейскими цитатами взаимоисключающие суждения. В то же время именно Библия заставила большинство деятелей патристики принять некоторые космогонические догмы (например, о двух небесах), не связанные с античной традицией и не вытекающие из непосредственного опыта, а также отвлекла интеллектуальные силы теоретиков географии на решение надуманных псевдогеографических проблем.

Большая часть памятников, в которых христианские богословы разрабатывают проблемы космогонии — это «Гексамероны», т. е. комментарии к 1-й Книге Бытия («Шестодневу»). Приводимое в ней описание творения мира Богом, весьма темное и непоследовательное, ставило перед комментаторами задачи доработки, доведения до конца, воссоздания картины мироустройства. С другой стороны, «Шестоднев» был единственной частью Библии, дававшей христианскому мыслителю повод поразмыслить об этих важнейших научных и философских проблемах. Неудивительно, что «Гексамероны» составили целый жанр богословской литературы и создавались с III по XVII в. в большинстве христианских стран (в настоящее время известно около 125 «Гексамеронов»). Однако расцвет жанра пришелся на время поздней Римской империи и раннего средневековья (III–VI вв., на Востоке — до VIII в.), когда были написаны десятки «Гексамеронов» под самыми разными названиями («Гомилии на “Бытие”», «Комментарии к “Шестодневу”», «О творении мира» и т. д.)¹.

¹ См.: *Zahlten I. Creatio Mundi: Darstellungen der 6. Schöpfungstage und naturwissenschaftlichen Weltbild im Mittelalter.*

В многочисленных иных произведениях патристики встречаются лишь частные высказывания по вопросам космогонии.

На протяжении IV–VII вв. в восточнохристианском богословии сложились две основные космогонические школы, которые ориентировочно можно обозначить как антиохийскую и каппадокийско-александрийскую. Их отличия определялись степенью зависимости от античного наследия (очень сильной в Александрии, незначительной в Сирии) и привязанностью богословов этих школ к разным методикам экзегезы: буквалистской у антиохийцев, аллегорической у египтян и частично у каппадокийцев.

Все без исключения представители антиохийской школы отвергали теорию шарообразности Земли и считали ее плоской. Так, о Феодоре Мопсуэстийском Иоанн Филопон сообщает (*De orificio mundi*, III, 9, 10), что он представлял себе мир в виде рассеченного по оси цилиндра, так что в основании его находился плоский четырехугольник, длина которого была больше ширины. «Края неба», по мнению Феодора, лежали на Земле. Противником учения о Земле-шаре называет патриарх Фотий Дио-

Stuttgart. S. 231–232. Здесь дана таблица авторов и названий «Гексамеронов», созданных в разных странах, достаточно полно отражающая западную традицию (восточную — с большими пропусками). О греческих комментариях к «Шестодневу» см.: *Robbins F.* The Hexaemeron Literature. Chicago, 1912. См. также о сербских «Гексамеронах»: *Драгојловић Д.* Хексамерони в средновековној српској књижевности. Књижевна историја. Београд, 1975, VIII. С. 165–181; о болгарских средневековых географических памятниках и, в частности, «Шестодневах» см.: *Дуйчев И.* Географски описания в средновековната българска книжнина. София, 1959. С. 157–170; о «Шестодневах» на Руси см.: История русской литературы. М., 1941. Т. 1. С. 199–204.

дора Тарсского (PG. Т. 103. Col. 837). Идею сферичности Земли отвергал в своих гомилиях Иоанн Златоуст (PG. Т. 52. Col. 507). Ефрем Сирийский (Ephr. Syr. Т. I. P. 121) считал Землю плоским кругом (не прямоугольником, как большинство антиохийцев). С ним солидаризировался и Равеннский Аноним VI в. (Pinder et Parthey. P. 1–12).

Для теологов антиохийской школы признание Земли плоской исключало идею ее вращения. О небескинии, лежащем на Земле как шапка, писал Диодор Тарсский (PG. Т. 33. Col. 837). Неизвестный малоазийский богослов IV в., обычно именуемый Псевдо-Кесарием, вновь напоминал читателям библейскую цитату о том, что небо распростерто над Землей как шатер. Но поскольку шатер не может быть распростерт над вращающейся основой, Земля должна быть неподвижной. Отсюда следует, что небо имеет начало и конец и опирается о Землю (PG. Т. 38. Col. 964). Последнее соображение содержит отрицание сферичности небес — положение, принципиально важное для антиохийских богословов. Примыкавший к ним в этом вопросе Лактанций пояснял, что если считать небо сферическим, то необходимо признать таковой и Землю, «ибо невозможно, чтобы не было шарообразным то, что заключено в шаре» (De opificio Dei, III, 24).

Идея шарообразности Земли была близко связана с важнейшей для античной географии концепцией существования антиподов. Тот же Лактанций прямо заявлял, что если Земля — шар, то на противоположной ее стороне должны существовать горы, реки, поля, моря, звери, люди. Принять эту точку зрения — значит согласиться с тем, что существуют люди, которые ходят вверх ногами, кусты и деревья, растущие наоборот, моря и горы, висящие в воздухе, снег и дождь, падающие вверх. Кроме того, плоская форма Земли согласуется с Писанием (Ibid). Аргументацию Лактанция, направленную против антиподов, повторил в дальнейшем Косьма Индикоплов.

Все антиохийские богословы, за исключением Иоанна Златоуста, были уверены в существовании нижнего неба, расположенного под верхним и служащего для поддержания небесных вод. Весьма характерны в этом плане соображения их общего учителя Феофила Антиохийского (II в.). Он писал, что «твердь небесная» отличается от собственно небес: это небо, видимое человеческому глазу. Над ним находится вода, которая в виде дождя и росы выпадает на землю. Антиохийцы полагали, что «твердь небесная» состоит из воды, иногда отмечая, что это — отвердевшая вода¹.

Представление о плоской Земле и распростертом над нею в виде шатра небе ставило перед антиохийскими и сирийскими экзегетами важную проблему: куда исчезает Солнце на ночь, пройдя свой путь с востока на запад, и как утром оно вновь оказывается на востоке? Мысль о том, что Солнце освещает противоположную сторону Земли, исключалась антиохийской концепцией мироздания. Так впервые появляется в богословской географической литературе идея о высоких горах на севере земной плоскости. Заслоненное ими Солнце возвращается ночью с запада на восток, проходя свой путь близко к земной поверхности и невидимо для людей. О двух огромных кристаллических горах на крайнем севере говорил Ефрем Сирин (Т. I. Р. 121). Псевдо-Кесарий, проявляя на редкость узкий географический кругозор, считал, что эти горы расположены на севере Каппадокии (PG. T. 103. Col. 904). В данном случае идеи антиохийцев странным образом перекликались с античной традицией, идущей еще от Анаксимена и утверждавшей, что земной диск приподнят к северу и опущен к югу. Мысль о Солнце, прячущемся за горами, привлекала в дальнейшем многих средневековых географов.

¹ *Robbins F.* Op. cit. P. 40.

Привязанные к буквальному истолкованию Писания, представители антиохийского богословского направления воспринимали библейское «собрание вод» как единый океан. Этот океан, по их мнению, омывал землю со всех сторон. У Ефрема Сирина он окружает землю «как стена — город» (Т. I. Р. 121). У Псевдо-Кесария он «по кругу опоясывает землю» (PG. T. 38. Col. 932). Феодорит пишет о море, охватывающем всю сушу, которое одни зовут Океаном, другие — Атлантическим морем (PG. T. 80. Col. 93). В этом вопросе с антиохийцами были солидарны и многие западные богословы (Амвросий, Августин).

До начала V в. космогонические представления антиохийских и сирийских теологов не были закреплены и выражены в виде целостной системы. Своеобразный итог предшествующему развитию антиохийской космогонии подвел Севериан из Габалы.

О нем известно немного. Лишь один период его жизни — конец IV — первые годы V в. — отражен в источниках. К этому времени честолюбивый и энергичный, наделенный ораторским талантом и, видимо, довольно молодой Севериан оставляет небольшой городок Габала в Келесирии, где он был епископом, и приезжает в Константинополь, рассчитывая прославиться на проповедническом поприще. Действительно, очень скоро Севериан становится модным при дворе проповедником, а главное — доверенным лицом патриарха Иоанна Златоуста. Симпатии Златоуста к Севериану были настолько велики, что, уезжая с инспекционной целью в Эфес, патриарх оставил Севериана викарием константинопольского престола. В эти дни сирийский епископ близко сходитя с враждебным Златоусту окружением императрицы Евдоксии, разрабатывавшим планы низложения патриарха. Севериан видит себя преемником Златоуста. Естествен-

но, что после возвращения Иоанна из Эфеса его отношение к малоазийскому выскочке резко меняется. Вскоре пустячная оговорка Севериана в одной из проповедей вызывает против него обвинение в ереси, и, хотя дело удалось замять, патриарх предписывает Севериану немедленно отбыть к месту службы в Габалу. Спустя некоторое время настойчивые просьбы императрицы Евдоксии заставляют Златоуста пойти на формальное примирение с Северианом, но никогда в дальнейшем последний не пользовался сколько-нибудь заметным влиянием в столице. Неудивительна ненависть к Златоусту Севериана, активно способствовавшего в дальнейшем осуждению и изгнанию патриарха и ставшего одним из главных инициаторов преследований Иоанна после низложения. О жизни Севериана в более позднее время ничего не известно.

Главный труд Севериана — «Шесть речей о мироздании» (PG. T. 56. Col. 429 sqq.). Севериан считает, что мир можно уподобить дому (вариант библейского шатра). Плоским полом этого дома является Земля, поэтому вращение Земли исключено. Дом этот — двухэтажный, и перемычка образована нижним небом, созданным Богом на второй день творения под верхним небом первого дня. На нижнем небе покоятся верхние воды, которые необходимы для того, чтобы кристаллическая основа верхнего неба не растаяла под воздействием солнечных лучей. Эти воды, которые Господь первоначально создал солеными, а затем опреснил, способны проливаться на землю, но, для блага людей, не сразу, а по капле, в виде осадков. Нижнее небо — совершенно плоское, и по обращенной к Земле его стороне ходят Солнце и другие светила (Севериан не дает ответа на вопрос, как же в таком случае выглядит грань неба и Земли). По словам Севериана, свет обладает свойством стремиться только вверх, а не вниз, поэтому Солнце должно было бы освещать только небо-

свод, оставляя Землю во мраке. Однако верхние воды отражают солнечный свет на Землю. Суша на Земле омывается океаном, на севере океан ограничен высокой стеной. Прячась за этой стеной, а также за морскими волнами, Солнце проходит путь с запада на восток, чтобы утром вновь взойти над Землей. Севериан полагал, что зимою Солнце садится ближе к юго-западу и восходит ближе к юго-востоку, поэтому ночью оно вынуждено проходить более длинный путь, и ночи становятся длиннее. Обратная картина наблюдается летом.

Такова в общих чертах космогоническая концепция Севериана из Габалы, который, по верному замечанию И. Целлингера, «впервые представил нашим глазам сирийскую ученую традицию в осязаемом и подробном виде»¹. Легко заметить, что во всех своих основных чертах она соответствует более поздней космогонической системе Косьмы Индикоплова.

Следует остановиться еще на одной черте, отличавшей антиохийскую школу. Стремясь к буквальному истолкованию Писания, экзегеты-антиохийцы с особой тщательностью «исследовали» географические вопросы, непосредственно вытекающие из Библии. Так, именно им принадлежит инициатива в разработке проблемы местонахождения Рая. Антиохийцы настаивали на исключительно земном существовании Рая, исходя из библейской фразы: «И насадил Господь Рай в Эдеме на Востоке»². Севериан из Габалы впервые теоретически обосновал это положение тем, что жизнь человека подобна движению светил от восхода до заката, и если светила всходят на

¹ *Zellinger J.* Die Genesishomilien des Bishofs Severian von Gabala. Münster, 1916. S. 88.

² См.: *Kretschmer K.* Die physische Erdkunde im christlichen Mittelalter. Wien; Olmütz, 1889. S. 79.

востоке и садятся на западе, то и человек должен был выйти с востока (PG. Т. 56. Col. 479). Ефрем Сирий (Т. III. P. 562–568) полагал, что Рай находится на острове в океане. Здесь чувствуется связь с античной теорией «Острова блаженных»¹.

По-видимому, наиболее распространенное мнение выразил, со ссылкой на Афанасия Александрийского, зависящий от антиохийской школы Равеннский Аноним, заявив, что Рай находится в дальней Индии, ибо ветры доносят оттуда запах ладана (P. 14–15). Эта идея о местонахождении Рая была воспринята конкретной географией средневековья и нашла отражение в итинерариях и картах. От остальной суши Рай отделялся непроходимыми горами или пустыней, перейти которую человек не в силах. Равеннский Аноним отмечал, что даже великий Александр не смог ее преодолеть (P. 19).

Из четырех райских рек — Геона, Фисона, Тигра и Евфрата — две последние были хорошо известны. Геон большинство экзегетов идентифицировало с Нилом, причем, как и в эпоху античности, считалось, что Нил берет начало в Индии (PG. Т. 89. Col. 359; Т. 94. Col. 904). Так полагали и многие светские авторы, например Прокопий Кесарийский (В. Г., II, 1,6). Фисон обычно соотносили с Гангом. Лишь некоторые богословы (в основном сирийцы) связывали Фисон с Дунаем².

Антиохийские теологи и их последователи считали единую райскую реку источником всей воды на Земле.

¹ «Острова блаженных», согласно древнегреческой мифологии, — посмертная обитель праведников. Однако уже в эпоху классической древности они отождествлялись с некоторыми малоизвестными, но реально существующими островами — Азорскими, Мадейрой, Порто-Санто. См.: *Томсон Дж. О. История древней географии*. М., 1953. С. 267–268.

² *Kretschmer K. Op. cit. S. 90.*

Океан воспринимался как устье этой реки (PG. Т. 94. Col. 904). В мире происходило круговращение воды, и все реки, впадающие в океан, должны были по подземным каналам возвращаться к собственным истокам, чтобы снова начать там свой путь¹. Иоанн Дамаскин называл эти каналы «кровеносными сосудами» Земли (PG. Т. 94. Col. 94). Что же касается четырех рукавов райской реки, то эти потоки невидимо струятся под землей, пока не появляются на поверхности в тех местах, которые люди привыкли считать их истоками (PG. Т. 56. Col. 479).

Малоазийские экзегеты не прошли мимо вопроса о местожительстве народов Гога и Магога. Если западные церковные писатели часто отождествляли их с готами, или гетами (PL. Т. 23. Col. 1316), то на Востоке их идентифицировали с гуннами². Часто богословы просто указывали, что Гог и Магог придут с севера³.

Итак, антиохийская космогоническая школа, оперируя библейскими высказываниями, создала собственную фантастическую географию, не имеющую ничего общего с научным знанием. Ограничив географическую науку рамками христианской экзегезы, сирийско-антиохийское богословие сыграло реакционную роль в развитии географии.

Если для того чтобы антиохийская космогоническая теория нашла свое полное выражение в трудах Севериана из Габалы, потребовалась долгая подготовительная

¹ *Kretschmer K.* Op. cit. S. 84. Еще некоторые античные авторы высказывали мысль о едином подземном океане — источнике всех вод. См., например: *Seneca. Nat. Quest.* III, 8.

² Идея Андрея Кесарийского. См.: PG, Т. 106. Col. 415–416.

³ См. подробнее: *Marinelli G.* La geographia e i padri della Chiesa // *Bolletino della Società Geographica italiana*, 1882, maggio — luglio. P. 19 sqq.

работа многочисленных представителей этого богословского течения, то основные принципы противоположной школы были сформулированы в первом же крупном произведении данного направления — «Беседах на Шестоднев» Василия Великого (PG. T. 29. Col. 5–208). Причина в том, что, в отличие от антиохийцев, Василий Великий активно использовал наследие античной географии. Лишь Ориген (и то с большой долей допущения) может быть назван предшественником Василия в христианской космогонии, в языческой же науке его идеи имеют длительную традицию, восходя к Платону и Аристотелю.

В представлении Василия Великого Земля — это шар, заключенный внутри другого шара — небесной сферы. Небесная сфера вместе со светилами вращается вокруг своей оси и вокруг Земли, так как Земля находится в самом ее центре. Василий считает бессмысленным вопрос о том, на чем стоит Земля. Он отмечает, что сколько бы теоретики ни рассуждали о воде или воздухе, на которые опирается Земля во Вселенной, они не смогут ответить на вопрос, на чем покоятся этот воздух и эта вода, и будут вынуждены придумывать до бесконечности новые и новые подпорки, не позволяющие Земле устремиться вниз (PG. T. 29. Col. 21–22). Их ошибка в том, что они ищут «низ» не там, где он находится в действительности. «Низ» для тел, находящихся в шаре, полагает Василий, — в его центре. «Куда стремятся части, туда стремится и целое. Если же камни, деревья и все земляные частицы стремятся к низу, то это самое положение будет свойственно и целой Земле» (Ibid. Col. 23–24). По мнению Василия, Земля держится в центре небесного шара, благодаря действию центростремительной силы, ибо «окружающее ее отовсюду равенство делает совершенно невозможным движение ее к чему-нибудь» (Ibid.). Объявление срединного положения Земли во Вселенной выдержано у Василия в чисто аристотелевском духе.

Значительная часть Земли, по Василию Великому, покрыта водой. Моря образуют единую взаимосвязанную систему. Василий полагает, что внутри Земли существуют каналы, по которым совершается круговращение вод. Однако этот круговорот никак не связывается им в «Гексамероне» с течением райских рек: данный вопрос вообще не привлекает к себе внимания экзегета (Ibid. Col. 85–86).

Чисто светское объяснение дает Василий метеорологическим явлениям. Он считает, что частицы влаги, конденсируясь в облаках, образуют капли, под действием силы тяжести выпадающие на землю в виде дождя. Будучи раздроблены ветрами и превратившись в пену, те же частицы затем замерзают и образуют снег (Ibid. Col. 73–74).

Как видим, в основных своих чертах космогоническая система Василия Великого не зависима от Библии и построена по принципам античной науки (в основном — ее аристотелевской струи). В то же время, будучи экзегетом, Василий не мог, разумеется, пройти мимо некоторых проблем, прямо поставленных Писанием. Это прежде всего проблема небесных вод. Василий принимает положение Библии о водах, которые покоятся на небесном своде. Он оригинально решает вопрос, почему вода не скатывается вниз со сферической поверхности небес. «Если небо сферическое, т. е. вогнутое изнутри, — говорит Василий, — то это еще не значит, что его внешняя сторона также имеет форму сферы... его верхняя поверхность может быть плоской и гладкой» (Ibid.). Иными словами, у Василия Великого небеса образуют сферу лишь внутри, но он не знает, как выглядит их внешняя сторона. Верхние воды играют роль своеобразного буфера между землей и «высшим огнем, который иначе мог бы спалить всю землю» (Ibid.) (общее место в патристической литературе).

Проанализировав ряд контрсоображений, Василий Великий в конце концов положительно решает вопрос о существовании второго неба, поскольку в Библии оно называется отличным от первого именем и обладает иными функциями (PG. Т. 29. Col. 73–74). Впрочем, в этом плане Василий не противоречит и Аристотелю. Экзегет не склонен много распространяться о материале, из которого изготовлено второе небо, «так как мы научены Писанием не давать себе свободы представлять умом что-либо, кроме дозволенного» (Ibid.).

Поскольку сердцевину космологической системы Василия Великого составили идеи Аристотеля, исследование проблем чисто библейских было, в сущности, для нее бесполезно. Именно поэтому полна умолчаний вторая гомилия Василия «О тверди небесной», поэтому он отмахивается от вопроса о природе этой тверди и т. д. В его картине мироздания осуществлен синтез греко-римской и библейской космогонии, но античность играет в нем ведущую роль.

Сходных представлений об устройстве мира придерживался брат Василия Великого Григорий Нисский. Убежденный сторонник идеи шарообразности Земли, он признавал и сферичность небес. Небесных сфер, по его мнению, существует не две, а три (ссылаясь на послания апостола Павла, Григорий, по сути дела, отдает дань идущей еще от Евдокса Книдского теории множественности небесных сфер)¹. Первым небом для него является «предел более грубого воздуха, до которого возносятся облака, ветры и естество высокопарящих птиц» (PG. Т. 44. Col. 80). Стремясь строить картину мироздания в аллегорическом духе, Григорий считает, что второе небо — στερέωμα — это граница между миром материальным и ду-

¹ *Gisinger F.* Erdbeschreibung des Eudox. Leipzig, 1921.

ховным. По своей субстанции оно огненное («крайний предел чувственной сущности, по которому... круговращается естество огня»). Два мира изолированы друг от друга, и верхние воды, разлитые над перемычкой (нижним небом), никогда не могут смешаться с нижними и отличаются от них по природе (Ibid. Col. 80). Именно особая их сущность не позволяет им испаряться от огня. В этом своем толковании Григорий ближе, чем к Василию Великому, стоит к Оригену, считавшему верхние и нижние воды отображением небесных и земных сил¹.

Интересно, что верхний, духовный мир, видимо, подчиняется у Григория тем же физическим законам, что и материальный. По внутренней стороне нижнего неба ходят небесные светила, видимые человеческому глазу. Внешняя поверхность небес изрезана, имеет горы и долины, похожие на земные; в этих долинах и заключается вода. Так как небесная сфера вращается, вода должна была бы стекать с нее. «Не предположить ли, — пишет Григорий Нисский, — что имеются в глубине шара сосуда, в которых она заключается?» (PG. T. 44. Col. 89–90). Ясно видно, что в космогонии Григория Нисского идея о разграничении материального и духовного миров — лишь богословская фикция. По существу он рисует картину мира в традициях той же аристотелевской школы.

Космогонические идеи «великих каппадокийцев» не имели развития на протяжении полутора столетий (хотя их и воспринял Амвросий Медиоланский, дословно пересказавший «Беседы на “Шестоднев”» Василия Великого в своем «Гексамероне»)². Первым значительным продолжателем каппадокийской линии в космогонии стал Иоанн Филопон.

¹ *Pepin I. Théologie cosmique et théologie chrétienne. P. 1964. P. 390–391.*

² *Robbins F. Op. cit. P. 58.*

Иоанн Филопон, живший и работавший в Александрии в первой — начале второй половине VI в., был учеником Аммония — одного из последних представителей александрийского аристотелизма. Уже в зрелом возрасте Филопон порвал с аристотелизмом и выступил как богослов.

Иоанн поставил перед собой своеобразную задачу: показать, что все ценное в космогонических концепциях древних авторов в конечном счете почерпнуто ими из Писания. Разумеется, для решения этой задачи ничего не могла дать антиохийская космогоническая теория. В поисках предшественников Иоанн Филопон, естественно, обратился к Василию Великому.

Вслед за Василием Филопон признает Землю шаром, а небо — вращающейся сферой. Ему кажется «смехотворной» попытка антиохийцев представить Землю плоской (III, 10). Ошибка прежних толкователей Писания, по его мнению, заключается в том, что они принимали за все небо видимую его часть. Именно к видимой небесной полусфере относится библейское сравнение небес с шатром и скинией (III, 10).

Филопон исходит из воспринятой Василием концепции Платона и Аристотеля о том, что Земля находится в центре Вселенной (II, 4). Он повторяет доводы Василия о равноудаленности Земли от поверхности небесной сферы во всех ее точках как причине ее неподвижности. Он также выступает сторонником концепции двух небес — *'oupanós* и *стерéωμα*. На нижнем небе крепятся небесные светила, верхняя сфера лишена звезд. Филопон знает, что Птолемей и Гиппарх развивали учение о беззвездной верхней сфере, но подчеркивает, что впервые эта мысль прозвучала в Библии. По мнению Филопона, небеса состоят из воды и воздуха, соединившихся в твердую субстанцию — твердь: ведь именно вода — единственный, кроме воздуха, элемент, обладающий прозрачностью.

Между двумя небесами находится вещество жидкое и прозрачное. «Поэтому вслед за Моисеем и мы можем, по типу омонима, называть водой субстанцию, которая занимает пространство между двух небес». Филопон — единственный представитель восточной патристики, считающий, что «воды небесные» — не воды в собственном смысле слова.

Оригинальность Филопона проявилась и в том, что, вопреки большинству раннехристианских теологов, он воспринял античное учение о зонности и о существовании антиподов. Обосновывая своеобразный взгляд, что ойкумена не может быть окружена морем со всех сторон, он пишет, что в противном случае хотя бы один моряк проплыл бы морем южнее Ливии. Некоторые утверждают, что это невозможно, так как человек не в силах перенести жару, царящую в срединном обитаемом поясе. Но ведь известно, что через срединный пояс протекает Нил, который берет начало у антиподов. Поскольку невозможно, чтобы он впадал в южный океан, а затем продолжал бы течь дальше под водой (или под дном океана), ойкумена составляет с землей антиподов единый материк (IV, 5).

В традициях классиков решает Иоанн Филопон проблему возникновения землетрясений. Как и Аристотель, он считает, что внутри Земли бушуют подземные ветры, которые колеблют почву, стремясь вырваться наружу (IV, 10). Ветры же надземные возникают вследствие земных испарений, а в дальнейшем — вновь превращаются в воду (II, 10). И здесь Филопон следует за Аристотелем¹.

¹ В то же время библейское высказывание о возвращении ветра «на круги своя» навело Филопона на мысль, что ветер постоянно находится в кругообразном вращательном движении над поверхностью Земли (III, 10).

Но, вопреки Стагириту, он правильно указывает, что Земля внутри горячая. По его мнению, об этом свидетельствует существование вулканов и горячих водных источников типа гейзеров (II, 10).

Как видим, трактат Иоанна Филопона «О сотворении мира» представляет собой явление «антикизирующей» христианской мысли, произведение в основном христианское по форме, в основном античное по существу.

И в дальнейшем в Александрии создавались космогонические труды, лежавшие в русле античной, главным образом — аристотелевской традиции. Один из последних учеников Аммония Олимпиодор написал ок. 564 г. комментарий на «Метеорологию» Аристотеля¹. Его труд был составлен следующим образом: в начале автор приводил отрывок текста из «Метеорологии», затем в нескольких фразах формулировал основную идею этого пассажа. Комментарий Олимпиодора был лишен оценочного элемента и представлял собою пособие для изучения Аристотеля. Характерно, что дошедший до нас текст — это конспект, составленный одним из учеников Олимпиодора.

Авторитетный астролог Стефан Александрийский был, по-видимому, учеником Олимпиодора². В Александрии он опубликовал две работы астронома III в. Феона — последователя Птолемея, развивавшего теорию шарообразности Земли³. Здесь же Стефан написал трактат «Аст-

¹ См.: *Commentaria in Aristotelem graeca*. В., 1900. Т. 12, fasc. 1.

² *Vancourt R.* Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristotele. Lille, 1941. P. 27.

³ Халкидий, комментировавший в IV в. «Тимей» Платона, цитирует работы Феона Александрийского, где приводятся доказательства шарообразности Земли. См.: *Mulfach Fr. W.* Fragmenta philosophorum graecorum. В., 1887. Т. II. P. 1811.

рологическое сочинение». В нем он исходил из античной концепции о циклическом движении Солнца, Луны и планет вокруг Земли. Около 618 г. Стефан был приглашен в Константинополь для преподавания в столичном университете и занял пост *οἰκουμηνικός διδάσκαλος*. Он был близок к императору Ираклию, как известно, увлекавшемуся астрологией. В соавторстве ими был написан комментарий к одному из трактатов Феона¹. Таким образом была сделана попытка привить на столичной почве космогонические идеи александрийской школы.

Как Олимпиодор, так и Стефан Александрийский были представителями светской космогонической мысли². Их творчество не имело ничего общего с теологией. Однако в условиях христианского средневековья «мирская» астрономия и космогония имели шансы сохраниться, только если они включались в богословскую традицию. Светская александрийская школа исчезла в момент арабского завоевания Египта, но ее идеи мы можем встретить в дальнейшем в творчестве христианских богословов, живших на территории халифата. Неслучайно хорошо знакомый с работами александрийцев Яков, епископ Эдесский, отстаивал в конце VII в. идею шарообразности Земли³. Что же касается деятельности в Константинополе Стефана Александрийского, то она во многом подготовила появление в столице империи нового крупного кос-

¹ См.: De Stefano Alexandrini Hermanni Useneri Commentatio. Bonnae, 1880. P. 38–54.

² Олимпиодор, возможно, даже был язычником. См. подробнее: *Tannery P. Un fragment d'Anaximéne dans Olympiodore le chemist // Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. 1, № 3. P. 316.*

³ См. его сохранившийся в отрывках «Гексамерон»: *Journal Asiatique. P., 1888. Ser. 8. Vol. 11–12.*

могониического произведения, развивавшего античные представления о мироздании, — «Гексамерона» Георгия Писиды.

Известный эпический поэт Писида жил и творил в первой половине VII в. Он был хорошо знаком с античной философской и космогонической литературой, знал труды Платона, Аристотеля, Птолемея, Евклида, Гиппократа, Галена. Ему были известны работы александрийских астрономов¹.

Как и его предшественники, Писида исходит из сферичности Земли и небес. Небесных сфер — две, и на нижней размещаются светила (Hexameron, 221–222). Она вращается вокруг неподвижной Земли, и поэтому Солнце днем находится над Землей, ночью — под Землей. В стихотворном «Шестодневе» Писиды впервые в христианской литературе отчетливо прозвучала платоновская идея² (лишь упомянутая у Василия Великого) о том, что нижняя звездная небесная сфера вращается в направлении, противоположном направлению вращения всей Вселенной. Эти два вращательных движения взаимно уравнивают друг друга, и лишь благодаря этому Солнце не сходит со своей орбиты и не сжигает весь мир (Ibid., 110). Верхнее небо ограничивает Вселенную, удерживая в себе всю совокупность воды и воздуха и не давая им разлиться. Равномерным давлением своей массы на внутреннюю поверхность неба они обеспечивают его сферическую форму (Ibid., 155–161).

¹ См. подробно о творчестве Писиды: *Pertusi A. I poemi di Georgio di Pisia* — fonti per la storia del secolo VII // Actes des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. München, 1960.

² О его «Шестодневе» см. монографию: *Радошевић Н. Шестоднев Георгија Писиде и његов словенски превод* // Византолошки институт Српске академије наука и уметности. Посебна издања. Књига 16. Београд, 1976.

Будучи хорошо знаком с творчеством каппадокийских экзегетов, Писида повторяет мнение Григория Нисского об огненной природе небес (Ibid., 165). Но в другом месте пишет, что небо состоит «из дыма» (Ibid., 94), отдавая дань буквальному пониманию текста Библии («небо словно дым»). В «Гексамероне» Георгия Писиды находит отчетливое выражение стоическая идея о противоборстве в природе противоположных начал, в особенности влаги и огня (мысль, близкая также Григорию Нисскому). Развивая ее, Писида приходит к идее, популярной в античной философии еще со времен Анаксагора, творчество которого вряд ли было знакомо поэту. Он утверждает, что Луна не является самостоятельным источником света, а лишь отражает свет Солнца. Месяц у Писиды — влажный, Солнце — огненное. Их содружество не дает Месяцу затопить Вселенную водой, Солнцу — спалить огнем (Ibid., 250–258).

Естественно, что в ряде случаев при освещении сложных теоретических вопросов космогонии Писида просто ограничивается ссылкой на Писание. Сам жанр стихотворного «Гексамерона» зачастую не позволял ему быть более подробным; кроме того, не вызывает сомнения и христианская ограниченность его мировоззрения, проявлявшаяся в ироническом отношении к Евклиду и Гиппократу (Ibid., 1176, 941), попытке высмеять гипотезу Аристотеля о происхождении града (Ibid., 554) и т. п. Но в целом бесспорно, что Писида должен быть отнесен к «просвещенной струе “гексамеральной книжности”»¹, так как продолжает традиции «великих каппадокийцев» и Иоанна Филопона.

К тому же направлению в космогонии можно отнести и выдающегося армянского астронома и математика Ана-

¹ См.: Радосевич Н. Указ. соч. С. 56.

нию Ширакаци (ум. в 685 г.). Анания родился в Армении вблизи Ширака в первом десятилетии VII в., учился на родине, затем — в Феодосиополе и, наконец, в Трапезунде у греческого ученого Тихика, был хорошо знаком с трудами Птолемея и его александрийских последователей, с работами греческих математиков. Анания — автор крупных трудов: «Арифметика», «Теория календаря»; он впервые в истории математики составил арифметические сводные таблицы с четырьмя действиями, написал ряд астрономических сочинений. В 70-х гг. прошлого века К. П. Патканов атрибутировал как принадлежащую Анании анонимную «Географию», приписывавшуюся прежде Моисею Хоренскому¹. Вместе с его же фундаментальной «Космографией» «География» содержит важнейший материал для изучения космогонических представлений автора.

Основными источниками «Космографии» Анании — своеобразного учебника по космогонии и астрономии — послужили труды Птолемея, трактат «О мире» Псевдо-Аристотеля, сочинения Филона Александрийского, армянского богослова V в. Егише («Толкование Бытия»), «Беседы на “Шестоднев”» Василия Великого. «География» составлена на основе компиляции из Птолемея, сделанной в III в. н. э. александрийским астрономом Паппом. Уже из этого перечня видно, что если Анания вообще может быть отнесен к христианской космогонической традиции, то, конечно, к ее каппадокийской струе. Глав-

¹ См.: Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К. П. Патканова. СПб, 1877. Можно считать убедительными доводы К. П. Патканова о принадлежности этого труда Анании Ширакаци. Дополнительные доказательства см.: *Тер-Давтян К. С., Аревшатын С. С.* Анания Ширакаци и его космогонические труды. Анания Ширакаци. Космография / Пер. и коммент. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатына. Ереван, 1962.

ным же материалом для обобщений ему служат работы античных мыслителей. Его «География» начинается словами: «Не найдя в Св. Писании ничего обстоятельного о землеописании, кроме редких, разбросанных и в то же время трудно постигаемых и темных сведений, мы вынуждены обратиться к писателям языческим, которые установили географическую науку, опираясь на путешествия и мореплавания, и подтвердили ее геометрией, которая обязана своим происхождением астрономии»¹.

Анания определенно заявляет: «Чтобы изобразить Вселенную, следует устроить ее подобие в виде шара»². В «Космографии» говорится: «Если же кто пожелает получить от языческих философов наглядный пример, воспроизводящий положение Земли, то мне кажется подходящим (пример) с яйцом: подобно тому как в середине (яйца) расположен шарообразный желток, а вокруг него белок, и скорлупа заключает в себе все, точно так же и Земля находится в середине, а воздух окружает ее, и небо заключает собою все»³. Здесь Анания цитирует мнение язычников (Аристотеля), но относится к нему благожелательно. Это — мнение «добрых» космографов, в отличие от «злых». Собственного суждения о форме Земли Анания в «Космографии» не высказывает, но тот факт, что он склоняется к идее шарообразности, не вызывает сомнений. Так, он не сомневается в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Будучи закреплено на небесной сфере, оно совершает вместе с ней один оборот за 24 часа, отчего зависит смена дня и ночи. Кроме того, Солнце само движется по сфере и описывает круг в течение года. Благодаря этому меняются времена года⁴. Небо для Ана-

¹ Армянская география... С. 1.

² Там же. С. 6.

³ Анания Ширакаци. Космография. С. 43.

⁴ Там же. С. 81.

нии — это «самобытное единичное тело, твердое, несгибаемое, гладкое, ровное, без впадин, охватывающее все»¹. Он признает, как и большинство христианских мыслителей, и второе небо — небесную твердь. Как и Иоанн Филопон, Анания считает, что второе небо состоит из воды и воздуха². Впрочем, в небольшом трактате «Об астрономии» Анания вводит семь небесных сфер³ (явно под влиянием Птолемея).

Склоняясь, по-видимому, к идее срединного положения Земли во Вселенной, Анания не может принять библейский тезис о том, что Земля держится на водах. «Я недоумеваю, если Земля держится на водах, то каким образом на таком количестве водяной природы, не погружаясь, держится безмерная тяжесть Земли и она не погружается под воду»⁴. Он полагает, что о «водах» говорится «по той причине, что вода смешана с преисподней»⁵.

Как в связи с теорией шарообразности, так и сами по себе очень интересны идеи Анании о возможности существования антиподов. Анания отмечает, что теория антиподов «противоречит божественному слову». Затем, однако, он пересказывает приснившийся ему сон, в котором он беседовал с Солнцем. На вопрос, имеются ли живые существа на противоположной стороне Земли, Солнце ответило: «Не имеются, а свет я даю горам и оврагам и безжизненным пещерам»⁶. Таким образом, если не существует антиподов, то существует «противолежащая земля». Идея «противолежащей земли» выдвигается

¹ Анания Ширакаци. Космография. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 6.

и в «Географии», хотя здесь автор считает ее обитаемой¹. Возможно, в «Географии» следуя за компилятором Птолемея, Анания не считал необходимым приводить имеющийся в его распоряжении материал в согласие с христианской догмой. Автор «Географии» — сторонник античной теории климатических поясов, из которых первый расположен к югу от экватора, остальные — севернее². В жарком поясе «ничего не растет вследствие постоянного присутствия в нем Солнца». Вслед за ним располагается океан, отделяющий ойкумену от противоположной земли³. Этот океан — Средиземный. Ни на крайнем севере, ни на крайнем юге суша не омывается океаном, она сплошная, и площадь морей на Земле значительно меньше площади материков. Анания знает, что Каспийское море — закрытое озеро, и использует этот факт как довод против идеи всемирного океана.

На протяжении всей книги автор «Географии» делает лишь одну явную попытку пренебречь данными науки в угоду Священному Писанию. Он отмечает, что Птолемей считал серединой обитаемой земли Счастливую Аравию, но это противоречит Библии, по которой центр земли — Иерусалим. «Следовательно, — говорит Анания, — необходимо при подсчетах по Птолемею считать к востоку от Иерусалима каждые два градуса за один, и тогда расстояние до краев ойкумены в обоих направлениях окажется одинаковым»⁴. В остальном армянская «География» — произведение вполне светское, в отличие от «Космографии», в которой Анания систематически подчеркивает свой пиетет перед Писанием. Однако основное теоре-

¹ Армянская география... С. 10, 12.

² Там же. С. 4–5.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 16.

тико-географическое содержание обеих книг не дает причин сомневаться в их принадлежности одному автору. Более благочестивый тон «Космографии» вполне вероятно объясняется конъюнктурными обстоятельствами, прежде всего тем, что она была написана с учебными целями, и эллинистическое свободомыслие, возможное в специальной научной работе, представлялось недопустимым в учебнике. Так или иначе, оба армянских научных трактата продолжают в христианской географической мысли линию Василия Великого и Иоанна Филопона, причем обнаруживают даже большую близость к традициям античной науки, чем произведения родоначальников этой школы.

Дальнейшая история каппадокийского течения в христианской космогонии выходит за хронологические рамки данной главы. Следует все же отметить, что теории каппадокийцев, Филопона и Писиды не были забыты потомками. В последующие века их взгляды развивали Евстратий из Никеи, Михаил Пселл, Мануил Фил — мыслители пусть немногочисленные, но принадлежащие к наиболее образованной и творчески активной части византийской интеллигенции. Однако значение теоретико-географической работы школы Василия Великого значительно шире. Ее усилиями ряд важнейших положений античной географии был включен в христианскую культуру. На протяжении веков христианские читатели знакомились с ними по «Шестодневам» Василия Великого и Иоанна Филопона. Но и это еще не все. Совершенно ясно, что античные географические теории, являясь языческими, не могли бы быть приняты византийским православием. И лишь в той своей части, в какой они вошли в труды теологов, прежде всего «великих каппадокийцев», они избежали обвинения в паганизме и получили право на существование. Каппадокийцы повторили, неполно и сумбур-

но, некоторые постулаты античной географии, и их созидательная роль в истории географической науки очень невелика. Но компилируя, они освящали взгляды античных ученых своим авторитетом, вторя древним, они сохраняли их идеи для последующих поколений. Поэтому их заслуги в передаче географам средневековья античной географической традиции невозможно переоценить.

Итак, в IV–VII вв. существовали две взаимоисключающие христианские концепции мироздания, в основе которых лежали различные представления о форме Земли — шарообразной или плоской. Предпринятая в VI в. Прокопием Газским неуклюжая и неудачная попытка совместить в одной космогонии элементы обеих теорий на практике продемонстрировала их антагонистический характер¹. В чем причина популярности в средние века обскурантской космогонии антиохийской школы? При ответе на этот вопрос вряд ли могут что-либо объяснить ссылки на авторитет различных богословов, тем более что слава сторонников теории шарообразности — «великих каппадокийцев» — намного превосходила славу Севериана из Габалы и его сирийских и малоазийских предшественников. Широкая известность «Христианской топографии» Косьмы вполне уравнивалась популярностью «Бесед на “Шестоднев”» Василия Великого, безусловно, самого читаемого из средневековых «Гексамеронов».

Обычно успех плоскостной теории в средние века объясняют тем, что для бытового, житейского мировосприятия она более понятна и естественна. Ум человека

¹ Прокопий Газский считал, что плоская Земля покоится на воде. У нее есть нижняя, противоположная сторона, но она вся целиком погружена в воду, почему и невозможно существование антиподов (PG. Т. 87. Col. 69).

раннего средневековья с трудом воспринимал научные абстракции, и если Земля представляла человеческому глазу плоской, то именно как плоская она и осознавалась¹. Знаменитая инвектива Лактанция против антиподов («...невозможно, чтобы люди ходили вверх ногами!...») как нельзя лучше иллюстрирует подобный стиль установления основополагающих мировоззренческих постулатов на основе обычного житейского опыта и так называемого здравого смысла. Однако такое объяснение явно недостаточно. Несомненно, что многие антиохийские экзегеты (и Диодор, и Феодорит, и Ефрем Сирий) были людьми весьма образованными, знакомыми с античной культурой и способными к теоретическому мышлению (что и доказывали в иных сферах богословия). Они выступали поборниками теории плоской Земли не потому, что не могли себе представить землю шарообразной. Причина — в ином.

Как отмечалось выше, космогонические и географические идеи Библии крайне противоречивы. Священное Писание не содержит сколько-нибудь цельной картины мироздания. Однако комбинируя данные Библии и других современных ей источников (ряда библейских апокрифов, литературных произведений, надписей и т. д.), историки науки в общих чертах восстановили древнеиудейскую космогонию. Для нее оказалось характерным представление о плоской Земле, куполообразном твердом небе, двух небесах, между которыми заключены небесные воды, суше, со всех сторон окруженной водой, едином подземном океане, земном Рае и т. д. Таким образом, в ряде важнейших характеристик антиохийская концеп-

¹ См., например: *Kretschmer K.* Op. cit. S. 34; *Robbins F.* Op. cit. P. 60.

ция мироустройства совпадает с древнеиудейской. Пытаюсь вывести космогонию из Библии, антиохийцы опирались на определенную традицию понимания Писания и, безусловно, стояли ближе к Библии, чем их оппоненты — каппадокийцы. Это обстоятельство должно было обеспечить им успех у значительной части населения империи, жившей в той же интеллектуальной среде, прежде всего — на Востоке: в Сирии, Палестине, Малой Азии. В настоящее время доказано, что библейская космогония, отразившая мировоззрение древних евреев, в то же время испытала сильное воздействие иных идеологических систем древних народов. Еще большее число старейших космогоний рисовало типологически сходную картину мироздания¹. Характерно, что в представлении греков архаической эпохи Земля являла собой плоский диск, со всех сторон окруженный Океаном (ср. описание щита Ахилла в «Илиаде», XVIII), над которым возвышалась небесная сфера, поддерживаемая Атласом². И здесь мы сталкиваемся с концепцией, близкой к антиохийской. К сожалению, в послегесиодовское время источники позволяют нам говорить определенно только об ученой, а не о народной греческой космогонии. Мы вправе, однако, предпо-

¹ См. об ассиро-вавилонском влиянии: *Heidel A.* The Babylonian Genesis. The Story of Creation. Chicago; London, 1951. P. 82–140. Этруссские и финикийские параллели см.: *Hermann A.* Die Erdkarte der Urbibel. Mit einem Anhang über Tartessos und die Etruskerfrage. Braunschweig, 1931. Об источниках Книги Бытия — основного космогонического раздела Библии — см.: *Eissfeldt O.* Die Genesis der Genesis. Vom Werdegang der ersten Buches der Bibel. Tübingen, 1958.

² См. подробнее: *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности: Ранняя греческая наука о «природе». М., 1979. С. 116–136.

ложить, что, несмотря на все успехи элитарной античной науки, космогонические взгляды большинства рядовых, малообразованных эллинов сохранили свою архаическую основу. Антиохийская теория мироздания была более доступна для восприятия, чем каппадокийская, так как в своих главных чертах она уже существовала в сознании большинства людей поздней античности¹. В этом заключается важнейшая причина превращения ее в ведущую космогоническую систему средневековья.

Итак, в IV–VI вв. был осуществлен синтез античной и библейской традиций в области географической науки. При этом если представители антиохийской школы следовали Библии во всех своих теоретических построениях, допуская античное влияние лишь в частности и, как правило, бессознательно, то каппадокийцы, Писиды и Филопон положили античную (аристотелевскую) концепцию в основу своих представлений о мироздании. Идея шарообразности Земли, геоцентрическое строение мира, представление о широтной зональности — эти наиболее важные идеи древней космогонии и географии были переданы ими средневековью и включены в христианскую культуру. Каппадокийская теория мироздания, разумеется, неслала на себе и явный библейский отпечаток (представления о двойном небе, небесных водах и т. д.), но именно она в условиях раннего средневековья представляла прогрессивное направление в развитии географической мысли, так как в отличие от реакционной теории антиохийцев заключала в себе ядро позитивного научного знания, добытого античной древностью.

¹ Как отмечал Ф. Роббинс, «это, несомненно, соответствовало верованиям большинства менее образованных христиан данной эпохи» (*Robbins F. Op. cit. P. 60*).

Географические памятники раннего средневековья часто вызывали разочарование у историков науки¹. В самом деле, за весь длительный период с IV по VIII в. не было создано ни одного произведения, в котором содержалась бы самостоятельная разработка крупной научной проблемы, произведения, отмеченного самостоятельным подходом к географическому материалу и заключающего в себе научное открытие. Общий упадок образованности, характерный для переходного периода от античности к средневековью, кризис классической науки, церковная монополия на теоретическое знание осложнили и замедлили развитие географической теории.

И все же эпоху раннего средневековья нельзя считать бесплодной в истории географии. На всем ее протяжении создавались многочисленные географические памятники, имевшие практическое значение: учебные пособия и индексы, итинерарии и периплы, путеводители и карты. Это был период систематизации накопленного опыта, значительная часть которого стала доступной последующим поколениям лишь благодаря усилиям раннесредневековых географов. Важнейшая черта их трудов — зависимость прежде всего от античной традиции, ибо христианство, определив для себя некоторые общие теоретико-географические принципы, не имело собственной практической географии. Неслучайно даже насквозь христианские географические сочинения вроде равеннской «Космографии» VII в. обнаруживают связь с трудами Птолемея.

¹ См., например: *Travel and Travellers of the Middle Ages* / Ed. by A. P. Newton. L., 1968. P. 23–27; *Kimble G. H. T. Geography in the Middle Ages*. L., 1938. P. 19; *Bunbury E. H. A History of Ancient Geography*. N. Y., 1952. Vol. II. P. 675.

Неслучайно целая семья памятников разных жанров от трактатов до карт берет начало от карты Римской империи, выполненной в I в. Агриппой и выставленной по приказу императора Августа в римском портике Полла¹.

Неудивительно, что основные типы географических памятников, распространенных в раннее средневековье, появляются в античности. Чаще всего это компиляции или просто конспекты трудов по географии классической древности (в первую очередь Птолемея), иногда — комментарии к этим произведениям. Так, конспект Птолемея был составлен в III в. н. э. александрийским математиком Паппом и послужил основой для «Географии» Анании Ширакаци. Несколько позже другой александрийский астроном, уже упоминавшийся Феон, прокомментировал трактат Птолемея «Система астрономии». В том же III в. н. э. Агафимер составил компиляцию из трудов Птолемея под названием «Сокращенная география»². До нас дошли два анонимных конспекта Птолемея, написанные примерно в то же время (GGM, I. Col. 489–591).

Уже в византийскую эпоху эта традиция была продолжена Маркианом. Маркиан был уроженцем Гераклеи (Ираклии) Вифинской, жил и работал на родине и, вероятно, в Константинополе, на рубеже IV–V вв., хорошо знал классическую географическую литературу. Будучи компилятором, Маркиан, однако, выгодно отличался от большинства своих коллег тем, что стремился придать каждой своей работе практическое значение. Так, дошедший до нас в немногих фрагментах его труд «Эпитома одиннадцати книг “Географии” Артемидора Эфесского» является не просто конспектом, а вполне законченным

¹ *Müllenhoff K. Ueber die Weltkarte und Chronographie des Kaiser Augustus. Kiel, 1856.*

² См.: *Томсон Дж. О. Указ. соч. С. 511.*

периплом Средиземного моря, составленным на базе извлечений из Артемидора, и напоминает античные памятники этого жанра (ср. «Перипл Эритрейского моря», «Перипл Евксинского Понта» и др.) (GGM, II. Col. 574–576). Более традиционна эпитама «Перипла внутреннего моря» (в трех книгах), принадлежавшего географу I в. н. э. Мениппу Пергамскому. В первой книге Менипп описывал Черное море, Пропонтиду и Геллеспонт, во второй — северный берег Средиземного моря от Геллеспонта до Геркулесовых столбов, в третьей — южный его берег до Геллеспонта. В данном случае Маркиан лишь несколько сократил перипл, уже написанный Мениппом (GGM, II. Col. 563–573).

Значительно интереснее главный труд Маркиана «Перипл внешнего моря» (GGM, II. Col. 515–562. Сохранился не полностью: недостает двух больших разделов, много значительных лакун). Во введении автор адресует работу морякам как практическое руководство и отмечает, что видит в ней продолжение труда Артемидора, написавшего «Перипл внутреннего моря». Он последовательно описывает океанское побережье, сперва от Ливии до Индии, затем от Геркулесовых столбов до Сарматии. Источниками Маркиану послужили «География» Птолемея и «Геометрия» Протагора. На протяжении всего перипла составитель выписывает информацию о географических объектах из Птолемея и приводит расстояние между ними по Протагору. При всей несамостоятельности эта компиляция представляет собой ценное пособие для мореплавания. Маркиан снабдил его дополнением — небольшой работой «О расстоянии достопамятных городов ойкумены от города Рима» (к сожалению, утраченной). В творчестве Маркиана из Гераклеи нашли отражение наиболее характерные черты раннесредневековой географии: с одной стороны, несамостоятельность и за-

висимость от классических образцов, с другой — четкая практическая направленность и утилитарность.

Теми же свойствами характеризуется тесно связанный с Маркиановой эпитомой Мениппа «Перипл Евксинского моря» Псевдо-Арриана (конец V в.). Эта откровенная компиляция из нескольких периплов (Мениппа, Арриана, Скимна, Скилака) представляет собой полный и подробный обзор побережья Черного моря, который должен был пользоваться определенной популярностью среди ранневизантийских моряков (доказательство — три сохранившихся списка такого раннего памятника) (GGM, I. Col. 402–423).

В конце IV — начале V в. была опубликована «Космография» Юлия Гонория¹. Ее автор был уроженцем Цезареи (Кесарии), возможно не каппадокийской, а испанской или палестинской. Будучи педагогом-ритором (*orator utriusque artis, magister peritus et doctissimus*), он обучал школьников также и географии с использованием карты, а возможно, и глобуса². Для лучшего усвоения географического материала Юлий Гонорий диктовал ученикам перечни географических названий, помещенных на карте. Один из учеников, «не ставя в известность учителя», издал эту работу как учебное пособие. Оригинальность «Космографии» Гонория — в изобретенном им способе группировки географических наименований. Юлий Гонорий выделяет четыре океана, окружающих землю: Восточный, Западный, Южный (в сущности, Черное море) и

¹ См. о Юлии Гонории: *Kubitchek W. Die Erdtafel des Julius Honorius // Wiener Studien*, 1885. Bd. 7. Heft. 1; GLM. S. 21–55.

² Ученик Гонория, опубликовавший «Космографию», ссылается на замечание учителя, что «эта книга выдержек не должна использоваться отдельно от сферы» (см.: GLM. P. 55).

Срединный (Средиземное море). К каждому океану при-мыкает какая-либо часть ойкумены. Соответственно и свое пособие Гонорий делит на четыре части и в каждой последовательно перечисляет относящиеся к данному океану моря, острова, горные хребты, провинции, города, реки (с указанием их устьев, истоков и протяженности), народы. Поэтому в каждой части семь разделов. При перечислении в восточной и южной частях автор движется с востока на запад, в западной и северной — с запада на восток. «Космография» состоит почти исключительно из этих перечней номенклатуры. Лишь в нескольких случаях автор сообщает какие-либо дополнительные сведения об упоминаемых объектах. Так, говоря о Ниле, Гонорий отмечает, что на его берегах расположены пирамиды и дворцы фараона (Р. 51).

Разумеется, «Космография» Гонория — произведение сугубо учебное, но его научная ценность в том, что здесь впервые была выработана стройная система классификации географических названий. В сущности, «Космография» Гонория стала первым дошедшим до нас указателем к географической карте (или глобусу). Об ее достаточно широкой популярности в раннее средневековье (правда, главным образом, на латинском Западе) говорят следующие факты: во-первых, до нас дошло три ее списка с рядом дополнений и интерполяций; во-вторых, «Космография» Гонория была известна Иордану и ирландскому географу IX в. Дикуилу, ее в качестве ценного пособия для изучения «Географии» рекомендовал читателям Кассиодор¹; в-третьих, в VI в. она с незначительными изменениями была воспроизведена компилятором Этиком из Истрии в его собственной «Космографии».

¹ *Kubitchek W.* Op. cit. S. 12.

Значительную часть памятников раннесредневековой географии можно отнести к разряду учебной литературы. Огромная популярность античного стихотворного пособия по географии Псевдо-Дионисия Периегета (I в. н. э.), известного в Византии более чем в 100 рукописях, свидетельствует о том, насколько широко было поставлено в это время преподавание основ географии. Показательно, что тот же учебник Псевдо-Дионисия дважды переводился на латынь — в IV в. поэтом Авиемом и в VI в. константинопольским грамматиком Присцианом¹. Вероятно, для школьников была предназначена и «Космография» Этика. В этой работе, состоящей из двух частей, первая часть почти дословно воспроизводит «Космографию» Гонория, вторая — вторую главу первой книги «Истории против язычников» Павла Орозия². Сама по себе «Космография» Этика не внесла в науку ничего нового. Показательно, однако, что Этик писал свою компиляцию по-гречески, и лишь впоследствии она была пере-

¹ Miller K. *Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten.* Stuttgart, 1898. Heft VI, S. 95.

² Публикация «Космографии» Этика: GLM. P. 71–103. См. о нем: Ritschl T. *Die Vermessung des römischen Reiches unter Augustus, die Weltkarte des Agrippa und die Cosmographie des sogenannten Aethicus (Julius Honorius) // Rheinisches Museum für Philologie.* Frankfurt am Main, 1842. Вторая глава первой книги известного труда Павла Орозия — своеобразный географический трактат. В нем дается трехчастное деление ойкумены (Европа, Азия, Африка), а затем перечисляются находящиеся в этих частях света римские провинции с указанием их границ; иногда указывается количество проживающих там народов, число городов и т. п. В конце главы приводится перечень средиземноморских островов. Эта глава Орозия пользовалась колоссальной популярностью, особенно на латинском Западе; от нее зависят многие нарративные географические памятники и карты.

ведена на латынь. Следовательно, «Космография» Гонория была известна и в грекоязычной среде.

Несравненно значительнее книги Этика анонимная «Космография», написанная в VI в. в византийской Равенне. В теоретическом отношении «Космография» Равеннского Анонима — малооригинальная работа, выполненная в традициях антиохийской школы. Картина мироздания, соответствующая ее основным принципам, рисуется в кратком введении. Затем следует основной раздел «Космографии», в котором автор приводит списки городов и рек по различным регионам мира. В каждом случае он сначала характеризует местоположение данного региона и дает ссылки на использованные источники. В данном разделе Равеннский Аноним применяет весьма своеобразный способ группировки географического материала. Он делит всю ойкумену на 24 сегмента (12 часов дня и 12 часов ночи) и последовательно описывает ее с запада на восток — от Германии до Гиркании по «странам дня», а затем — в обратном направлении — «по странам ночи». Радиусы, ограничивающие сегменты, исходят из Равенны (хотя центром Земли для Анонима остается Иерусалим). Эта схема не имеет конкретно-географического смысла, но позволяет привести в систему колоссальное собрание географических наименований¹. «Космография» Равеннского Анонима содержит их многие сотни, выписанные из разных источников, частично до нас не дошедших. Равеннский Аноним использовал античных ав-

¹ См.: *Бородин О. Р.* «Космография» Равеннского Анонима (К вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ, 1982, 43. С. 61–62. С полемическими возражениями против этой статьи выступил А. В. Подосинов. См.: *Подосинов А. В.* Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства территории СССР. Материалы и исследования. М., 1989, С. 248–256.

торов — Птолемея (весьма редко), Ямвлиха, Ливания, христианских писателей — Павла Орозия, Василия Великого, Афанасия Александрийского и неизвестных по другим источникам готских и римских космографов (особенно часто — Кастория)¹. Он сознательно старается сохранить античную географическую номенклатуру, чтобы «различные народы, пожелавшие из-за беспричинной гордыни чужих или лучших земель или теснимые другими племенами и покинувшие родные очаги, по варварскому обычаю не переименовывали бы города и реки страны, получившие названия в древности» (Р. 4). Таким образом, Равеннский Аноним предлагает потомкам индекс географических названий, древних для них и близких ему самому, призывая их сохранить античную систему наименований. С этой же целью он дает в конце своей книги списки островов по различным морям и океанам.

Несколько особняком стоит в «Космографии» третий ее раздел, в котором приводятся по порядку названия населенных пунктов Средиземноморья. Список начинается Равенной, ею же и заканчивается. Он разбит на части, в каждой из которых называются селения, лежащие между двумя крупными городами. Сообщается расстояние между начальными и конечными пунктами каждого списка. Этот раздел «Космографии» — перипл Средиземного моря, сопоставимый со сходными периплами Маркиана из Гераклеи. Он пользовался определенной известностью в средние века и явился основным источником «Географии», написанной в XII в. известным ученым-энциклопедистом Гвидо из Пизы². Что же касается «Космографии»

¹ Об источниках Равеннского Анонима см.: *Schnetz J. Untersuchungen über die Quellen der Cosmographie des Anonymen Geographus von Ravenna. München, 1942.*

² Памятник опубликован Пиндером и Партаем вместе с «Космографией» Равеннского Анонима.

в целом, то и она не была забыта, и еще в XIII в. ее основательно изучал и конспектировал Риккобальдо из Феррары¹.

«Космография» Равеннского Анонима — труд, написанный с оригинальной целью, но по форме он чрезвычайно близко стоит к многочисленным раннесредневековым памятникам, так же, как и он, заполненным бесконечными перечнями географических названий. Более того, именно он в наибольшей степени демонстрирует характерное для географов раннего средневековья увлечение систематизацией, каталогизаторством, полигисторством. По сравнению с Юлием Гонорием и Этиком из Истрии, Равеннский Аноним сделал новый шаг на пути к выработке эффективной структуры географического справочника-индекса, и в этом его заслуга перед географией.

Очень сходным по форме является другой известный памятник ранневизантийской географии — «Синекдем» Иерокла. «Синекдем» содержит списки городов, расположенных в различных провинциях империи. В начале каждого перечня дается название провинции и указывается титул управляющего ею администратора. В историко-географическом отношении памятник представляет собой такой же индекс номенклатуры, как и равеннская «Космография». Однако «Синекдем» Иерокла — произведение официального характера. Это — составленный в начале царствования Юстиниана I справочник по статистической географии империи, предназначенный для византийских чиновников. Его главная задача — дать читателю информацию об административном делении империи. Предполагают, что это — не первое сочинение такого типа и что его составитель Иерокл использовал более

¹ *Parthei G. Geographus Ravennas beim Riccobaldus Ferrariensis // Hermes, 1878. Bd. 4.*

ранний индекс, составленный при Феодосии II или Маркиане. Сопоставление «Синекдема» Иерокла с латинскими географическими словниками Юлия Гонория, Этика и Равеннского Анонима позволяет заключить, что в этот период как на Западе, так и на Востоке Средиземноморья развитие географии осуществлялось в одном и том же направлении¹. От раннего средневековья сохранилось и несколько латинских и греческих текстов, представляющих собой списки географических наименований. Они составлялись либо с учебной целью, либо как пособия для государственных чиновников. Такова написанная полатыни в последние годы IV в. работа «Названия всех провинций». В ней перечисляются диоцезы и входящие в них провинции, затем дается список варварских народов, проживающих на территории империи, и отдельно — список городов, расположенных за Рейном (GLM. P. 127–132). В 449 г. некто Полемий Сильвий использовал этот каталог для написания собственной, еще более краткой работы под тем же названием (Ibid. P. 130–132).

Около 435 г. появился небольшой труд «Деление мира» («*Divisio orbis terrae*»). В традициях Павла Орозия Земля делилась здесь на три части света, а затем перечислялись отдельные области и страны с примерным указанием их границ и протяженности (GLM. P. 15–20). Работа была выполнена по заказу Феодосия II, о чем говорится в небольшом стихотворении, помещенном в ее конце.

Очень близко к ней стоит другое небольшое произведение, принадлежащее некоему пресвитеру Иерониму, —

¹ Опубликовано: *Honigmann E. Le Synecdémos d'Hierocles et l'Opiscule géographique de Georges de Chypre. Bruxelles, 1939.* См. о нем: *Ramsay W. M. Phrigian Orthodox and Heretics. III. Hierocles: Date: Principle of formation of his list // Bys., 1931. VI. P. 27–32.*

«Измерение провинций» («*Dimensuratio provinciarum*») (GLM. P. 9–14). Однако в отличие от «Деления мира» здесь иногда сообщаются и краткие сведения об описываемых областях. Например, об Индии говорится: «Там находится река Ганг и царство, где родится перец, а также (живут) слоны, драконы, сфинксы, попугаи». Как указал издатель А. Ризе, оба произведения обнаруживают зависимость от античной карты Агриппы (Ibid. P. XVIII).

В 1938 г. М. Шангин опубликовал русский перевод небольшого греческого географического текста из собрания Исторического музея¹. Текст начинается указаниями на то, что «древние разделили землю на три части: Азию, Ливию и Европу». Названы границы между частями света: Танаис (Дон) между Европой и Азией, Нил между Азией и Ливией, пролив Геракловы столбы между Ливией и Европой. Затем перечисляются области (в тексте — «епархии») Европы, Азии и Ливии без каких-либо дополнений и пояснений. В целом документ отражает географическую ситуацию IV–V вв. и очень хорошо вписывается в традицию близких ему по форме и содержанию латинских манускриптов. Таким образом, подобные сводки названий областей были в раннее средневековье явлением не только латинской, но и греческой географической литературы.

Известный латиноязычный географический памятник «*Expositio totius mundi*» по форме напоминает перечни провинций типа «*Divisio...*» или «*Dimensuratio...*» и кажется лишь несколько более подробным. Однако по существу это документ иного типа. Внимание его составителя было сосредоточено не на номенклатуре как таковой, а именно на дополнительных сведениях, главным

¹ См.: Шангин М. Новый географический текст // ВДИ, 1938, 4. С. 252–255.

образом экономического характера, из жизни различных областей империи. В дошедшем до нас виде «Expositio...» распадается на две части. Первая представляет собой пересказ раннехристианского греческого итинерария «Подорожные от Эдема», сокращенный вариант которых дошел до нас в греческой и грузинской версиях¹. Вторая часть «Expositio...» (§ 21–68), по-видимому, принадлежит языческому автору. Весь текст написан на весьма неправильной латыни. Вероятно, оба памятника были переведены на латынь не очень образованным переводчиком и им же объединены.

Латинский текст «Подорожных от Эдема», вошедших в «Expositio...», подробнее и полнее сохранившихся греческого и грузинского вариантов. В начале его приводится описание Эдема, в основном согласное с Библией (райская река, ее четыре русла и т. п.). Затем рассказывается о жителях Рая — благочестивейшем народе камаринов. Они не знают никаких болезней и пороков, живут по 120 лет, никогда не трудятся, ибо хлеб падает к ним прямо с неба, а пьют они цветочный нектар. Они не умеют использовать огонь и не имеют одежды. Камарины не имеют государства и живут при полном безвластии. Их единственное несчастье — необходимость в течение дня сидеть в водах райской реки, ибо Солнце в Эдеме такое жаркое, что может спалить все живое дотла (§ 6–7). Рассказ о счастливом народе камаринов очень схож с античной легендой о жителях островов Блаженных. «Подорожные от

¹ Составляет § 3–20 «Expositio...» Издание греческого текста «Подорожных от Эдема» см.: *Klotz A. Odoiporiai apo Edem // Rheines Museum für Philologie*, N. F. 1910, T. 65. Грузинскую версию см.: *Avalischvili Z. Géographie et légende dans un récit apocryphe de St. Basile // Revue d'Orient Chrétien*, 1927/28, 3-e sér. Vol. 6 (26). P. 279–304.

Эдема» — первый известный христианский памятник, где древние μακάριοι превращены в жителей Рая. В дальнейшем легенда о камаринах получила широкое распространение в христианской литературе.

Последующие параграфы «Подорожных...» посвящены отдельным странам, расположенным по направлению от Эдема к границам империи. Это — типичная переизгега за с указанием расстояний от одной области до другой и очень лаконичными характеристиками этих областей. Вслед за Эдемом идет Брахмания, далее — Индия, Персия и т. п. По своему географическому содержанию эта часть «Подорожных...» близко стоит к Певтингеровой таблице (см. ниже). Говоря о Брахмании и Индии, составитель «Подорожных...» явно пользовался устаревшими и часто фантастическими источниками. Начиная с Персии, его описания весьма реалистичны, хотя более кратки и сухи. «Подорожные от Эдема» — практический итинерарий для путешественников. Вместе с тем включение в него Рая свидетельствует об определенном пропагандистском значении этого документа. (Интересно, что от Рая до границ Брахмании — всего 70 дневных переходов, § 7.) «Подорожные от Эдема» дают хороший пример того, как христианство пыталось освоить, «теологизировать» вполне практические, светские по существу, области культуры.

Вторая часть «Expositio...» — это составленное в IV в. описание провинций Римской империи. Ее восточная часть охарактеризована значительно подробнее, чем запад. Автор называет важнейшие города всех провинций, упоминает об их достопримечательностях. Однако главное содержание этой части — экономическая характеристика областей империи. Автор перечисляет основные продукты, производимые в них, непременно останавливается на предметах экспорта. Так, об Испании говорит-

ся, что она вывозит одежду, растительное масло, жир, скот, канаты (§ 59), Мавритания торгует одеждой и рабами (§ 60), Нумидия — конями (§ 60). Из провинции Азии вывозятся вино, масло, полба, ячмень, пурпур (§ 41). Автор упоминает о египетском папирусе (§ 36) и иерихонских фисташках (§ 31), сирийском вине (§ 29) и яблоках Аскалона (§ 31). Составленное им описание предназначено для «деловых людей», прежде всего купцов, ведущих дальнюю торговлю. Это — своеобразный справочник, который, бесспорно, был ценным пособием в практической деятельности ранневизантийских коммерсантов. Для современного историка это полезнейший источник по экономической истории империи¹. Безусловно, с практическими целями была составлена и компиляция из описания провинций и «Подорожных...». Ее составитель попытался объединить сведения об империи и странах, лежащих за ее пределами, создать свод необходимой купцам информации. Сугубая утилитарность трактата «*Expositio totius mundi*» позволяет оценить его как географический памятник, очень характерный для эпохи раннего средневековья.

Чисто утилитарный характер носит и небольшое сочинение «Град Константинополь — новый Рим», написанное в эпоху Феодосия II. Это, в сущности, справочник, содержащий сводку необходимых приезжему сведений о столице империи. После краткого риторического вступления, восхваляющего город и императора, следует описание столицы по городским районам (*regiones*). В каждом случае указываются границы соответствующего ге-

¹ Это блестяще доказало исследование Н. В. Пигулевской. См.: *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VII вв. М.; Л.; 1951. С. 41–54.

gió, называются расположенные в нем церкви, общественные здания и сооружения, дома знатнейших горожан. Например, во втором regio названы «церковь Великая, церковь древняя, сенат, здание трибунала с пурпурными ступенями, термы Зевскиппа, театр, амфитеатр» (GLM. P. 134). Затем дается количество улиц и переулков, домов, бассейнов, государственных булочных, рынков, размещенных в том или ином районе. Далее перечисляются представители районной администрации — кураторы, ночные стражники, пожарные и т. п. По этой схеме последовательно описываются все regiones Константинополя. Работа завершается разделом «Collectio civitatis», в котором вновь называются основные достопримечательности, на этот раз — по всей столице, подсчитываются дворцы, церкви, базилики, термы, форумы, портики, переулки и дома в масштабах города, приводится численность сотрудников городских служб и сообщается протяженность города в длину и ширину. Небольшая книжка «Град Константинополь — новый Рим» является первым дошедшим до нас городским справочником. Его можно считать предшественником современных изданий подобного типа, и по логичности построения, полноте и ценности сообщаемых сведений этот ранний опыт следует признать удачным.

Справочным изданием несколько иного типа является «*Ἔθνικá*» Стефана Византийского (VI в.). Это — энциклопедия по географии народонаселения. В алфавитном порядке перечисляются в ней все известные в раннем средневековье народы ойкумены, и каждому дается краткая характеристика. Составитель широко использовал сочинения древних авторов — Гекатея, Феопомпа, Александра Полигистора. Труд Стефана Византийского оригинален по содержанию (демографический справочник) и по форме (лексикон) и еще раз свидетельствует о

серьезных и плодотворных поисках византийцев в разработке принципов систематизации географических знаний.

Говоря о византийских географических справочниках, следует вновь обратиться к «Географии» Анании Ширакаци. О его теоретико-географических взглядах уже говорилось выше. Но их изложение занимает сравнительно небольшую первую часть работы. Основное ее содержание, как и в «*Expositio totius mundi*», — характеристика отдельных областей ойкумены, в данном случае — построенная по частям света (Европа, Ливия, Азия). Указываются размеры этих областей, определяется их местоположение. Описание их лишено четкого плана. В некоторых случаях называется количество городов, провинций, островов в том или ином регионе¹, в других эти данные опускаются. Иногда дается информация о хозяйстве области (например, о добыче ароматических смол в Ликий). О Китае говорится, что там «много шелка превосходного достоинства»².

Рассказ Анании пестрит фантастическими сведениями о достопримечательностях отдаленных от Армении частей империи (например, о Корсике говорится, что там есть гора, из которой «золото и серебро растут подобно спарже»)³. Много сообщений о чудовищных животных (живущий в Далмации бык — «баласос», который сжигает огнем преследующих его охотников⁴, звери, имеющие вид людей, лошади-тигры, сатиры, человекоподобные звери с собачьей мордой, обитающие в Африке⁵, драконы

¹ Армянская география... С. 28.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 25–27.

и гигантские муравьи в Индии¹ и т. д.; однако Анания отказывается верить Плинию², что в Неизвестной стране за Китаем — «Синэ» — водятся человекоподобные звери, звери с двумя лицами и другие странные существа³). Как уже говорилось, «География» Анании в основном представляет собой конспект работы Паппа Александрийского (хотя армянский географ обнаруживает знакомство и с «Естественной историей» Плиния, возможно, в пересказе Солина)⁴. Самостоятельный характер носит лишь раздел о Закавказье (прежде всего об Армении)⁵. Здесь Анания особенно подробен. Он перечисляет многие мелкие области и владения, четко определяет их границы. По сравнению с окружающими территориями Закавказье описывается как бы в 4–5-кратном увеличении. Ясно, что здесь Анания Ширакаци активно использовал собственный опыт и не зависит от Паппа. Данный раздел его труда — ценнейший источник по исторической географии раннесредневековой Армении.

Из всех ранневизантийских жанров географической литературы нам хуже всего известны итинерарии. «Подорожные от Эдема» — единственный дошедший до нас

¹ Армянская география... С. 81–82.

² См.: *Plinii Historia Naturalis*, VII, 2.

³ Армянская география... С. 84.

⁴ Солин — римский географ III в., составивший сокращение «Естественной истории» Плиния с небольшими добавлениями из произведений других авторов (главным образом, Помпония Мелы). Солин использовал для своей компиляции почти исключительно рассказы о заморских чудесах и диковинах, чудовищных людях и зверях. Работа Солина пользовалась колоссальной популярностью и оказала широкое влияние на средневековую географию (особенно на Западе). См., например: *Kimble G. H. T. Geography in the Middle Ages*. L., 1938. P. 5–6.

⁵ Армянская география... С. 34–54.

византийский итинерарий в собственном смысле слова. Кроме него мы располагаем лишь своеобразным памятником, который носит название «Итинерарий Александра». Он был составлен по заданию императора Констанция в преддверии очередной римско-персидской войны и содержит обзор походов против персов Александра Македонского и Траяна, сделанный на основе трудов Арриана и Вегеция. Компильция написана легко и занимательно, что обеспечило ей достаточно широкую известность. В дальнейшем она послужила одним из источников знаменитого средневекового «Романа об Александре». В то же время очевидно, что она не является настоящим итинерарием и принадлежит скорее художественной, чем научной литературе.

В раннее средневековье широкое распространение получил своеобразный тип итинерария — итинерарий пилигрима. Паломничества к Святым местам приобрели популярность с начала IV в. (наиболее известное из ранних путешествий такого рода совершила Елена — мать императора Константина I). Некоторые пилигримы описывали по возвращении свои паломничества, и до нашего времени дошло несколько таких текстов, одновременно представляющих собою и рассказы о путешествиях их авторов, и путеводители по Святым местам. Написанные непрофессионалами, они часто менее точны, чем старые римские дорожники, но значительно более подробны, несут на себе печать индивидуальности авторов и предназначены не только для справок, но и просто для чтения. Во многих из них не называются расстояния между отдельными пунктами, что позволяет считать их итинерариями лишь с большой степенью допущения.

Все сохранившиеся памятники такого рода — западноевропейского происхождения (Бордосский итинерарий 333 г., итинерарий Этерии Аквитанской 530 г., Аркульфа

670 г., Виллибальда конца VII в. и др.). В их числе есть, однако, один, формально принадлежащий византийской географии — итинерарий Антонина из Пьяченцы¹. Об его авторе известно лишь то, что он был жителем Пьяченцы в византийской Италии. По-видимому, его не звали Антонином, а заглавие «Итинерарий Антонина» он дал своей работе в честь мученика Антонина — покровителя его родного города. Путешественник из Пьяченцы отправился в путь около 570 г. Он побывал в Константинополе, Сирии, Палестине, на Синае, затем в Египте, снова в Сирии и в Месопотамии. Вернувшись оттуда на средиземноморское побережье, он морем возвратился в Италию. О виденном на всем протяжении пути автор рассказывает детально и очень красочно. Естественно, что прежде всего его интересуют библейские Святые места. Путешественник подробно повествует о виденных на пути христианских реликвиях, иногда явно расцвечивая свой рассказ легендарным материалом (сообщение о подземных голосах на месте гибели Содома и Гоморры, о соляном столбе, в который превратилась некогда жена Лота и который теперь уменьшился, так как его лижут дикие животные, и т. п.). Приводимые в итинерарии описания важнейших христианских религиозных центров, таких как Назарет, Иерихон, Иерусалим, содержат ценную информацию по церковной истории Ближнего Востока. Впрочем, итальянский пилигрим интересуется и светскими достопримечательностями посещаемых областей, их хозяйством и культурой, бытом и нравами жителей. Так, он описывает госпиталь на 3000 мест, виденный им в Сионе, рассказывает о празднике бедуинов-язычников, о нефтяном фонтане на острове в Красном море и т. д. Путник

¹ О нем см.: *Tuch F. Antoninus, seine Zeit und seine Pilgerfahrt. Leipzig, 1864.*

сообщает о своих встречах и беседах с разными людьми, от епископа Бейрута до раба-эфиопа, делится впечатлениями от всего увиденного. Итинерарий Антонина из Пьяченцы — это живые и увлекательные записки путешественника, интересные не только с научной, но и с художественной точки зрения.

От восточных областей бывшей Римской империи до нас не дошло ни одного отчета о паломничестве в Святую землю. Вполне вероятно, что такие пилигримажи были значительно менее распространены на Востоке, где поездку в Палестину или Египет никто не воспринимал как редкое и трудное предприятие¹. В то же время не следует исключать самую возможность греческих раннесредневековых паломничеств. Не случайно Евсевий Кесарийский составил специальный справочник «Ономастикон», в котором были собраны все географические названия, встречающиеся в Библии. Этот грекоязычный кодекс был предназначен прежде всего для пилигримов, посещающих Святые места. «Ономастикон» Евсевия стал первым известным науке локальным византийским географическим справочником. По форме, однако, он во многом близок универсальным географическим каталогам вроде более поздней равеннской «Космографии».

Сравнительно небольшой группой памятников, связанных с паломничествами в «Тегга Санкта», в сущности, исчерпывается фонд географических сочинений, которыми обогатило конкретную географию христианство в III—VII вв.² Все остальные географические документы этой

¹ См.: *Добиаш-Рождественская О. А.* Западные паломничества в средние века. Пг., 1924. С. 11.

² Кроме них можно упомянуть лишь трактат «*Libeg generationis*», возможно, принадлежащий перу Ипполита Африканского (III в.), в котором на основе библейского рассказа о все-

эпохи принадлежат, как мы видели, жанрам, возникшим во времена античности, и зависят от античных традиций как по форме, так и по содержанию.

* * *

Непременной частью географической науки любого времени является картография. К сожалению, говорить о византийских раннесредневековых картах мира мы можем в основном в гипотетическом плане, так как до нас не дошло ни одного бесспорного их образца. Карты к «Христианской топографии» Космы Индикоплова сохранились в более поздних рукописях, и их соотношение с картами, современными Косме, до сих пор неясно.

В Риме существовала собственная традиция составления сводных карт империи, идущая от уже упомянутой карты Агриппы (I в. н. э.). Имеется позднее (IX в.) сообщение о том, что «на пятнадцатом году своего правления император Феодосий (Малый. — О. Б.) приказал своим посланцам измерить в длину и ширину все провинции земного круга»¹ для приготовления более точной карты. До нашего времени сохранилась уникальная карта ойкумены, составленная около середины IV в. и известная как Певтингерова таблица. Она представляет собой длинный и узкий свиток, состоящий из 12 прямоугольных сегментов. Карта дошла до нас в копии XI или XII в. и принадлежала в XVII в. немецкому гуманисту и антиквару Конраду Певтингеру, откуда и получила свое название. Как

мирном потоке современные народы относятся к потомству того или иного из сыновей Ноя (GLM. P. 160–170). Сохранилось два зависимых от этого произведения отрывка с перечислением потомков Сима, Хама и Иафета (GLM. P. 171–172).

¹ *Müllenhoff K.* Op. cit. S. 25.

явствует из самой ее формы, эта карта почти полностью абстрагирована от реальных географических очертаний. Все страны и области, показанные на ней, предельно сужены с севера на юг и удлинены с запада на восток, а иногда развернуты в пространстве на 90°. Так, например, Испания, Италия, Греция ориентированы не в меридианном, а в широтном направлении. Карта охватывает всю ойкумену от Геркулесовых столбов и фактически до Индии. Особенно тщательно показаны дороги, связывающие отдельные области и города, с непременным указанием количества дневных переходов от одного города до другого. Символически, в виде престолов с сидящими на них императорами, представлены Рим, Константинополь и Антиохия (последняя — особенно красочно). Автором Певтингеровой таблицы обычно считают Кастория — римского географа, труды которого послужили главным источником Равеннскому Анониму¹. В самом деле, совпадение большей части колоссальной номенклатуры Певтингеровой таблицы и Кастория (по Анониму) свидетельствует о весьма близкой взаимной зависимости (хотя некоторые расхождения и не позволяют окончательно решить этот вопрос в пользу авторства Кастория).

Певтингерова таблица — памятник практического назначения. Это своеобразный итинерарий на плоскости, предназначенный для путешественников и купцов. Разумеется, чаще такие деловые люди использовали более мелкие, региональные карты-итинерарии. Вегеций сообщает, что «Рисованные итинерарии» вручались в римской армии перед походом командирам самостоятельно следующих частей. О таких итинерариях-картах мы знаем от Амвросия и Илария из Пуатье². Можно считать, что Пев-

¹ *Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916. S. XXVII.

² *Ibid.* S. XXV.

тингерова таблица — памятник не уникальный и принадлежит к обширной семье дорожных карт, распространенных в поздней Римской империи.

В раннесредневековой Европе особой популярностью пользовались два типа карт мира. Первую группу составляют памятники, отражающие картину трехчастного деления ойкумены, данную Павлом Орозием. Они представляют собой круг, разделенный пополам по горизонтали. Нижняя его половина вновь делится пополам вертикальным радиусом. Такие карты именуются обычно «картами Т-О-типа» и, действительно, напоминают букву «Т», вписанную в «О». Перекладину буквы «Т» образуют Танаис (Дон, левая часть)¹ и Нил (правая часть), основание — Средиземное море. Тогда верхняя часть карты, вдвое большая, чем каждая нижняя, это — Азия, левая нижняя — Европа, правая нижняя — Африка. Верх карты соответствует Востоку, низ — Западу. Такие мелкие, примитивные карты чаще всего использовались как иллюстрации к Священному Писанию². От раннего средневековья их сохранилось несколько десятков, но среди них нет ни одной византийской. Можно, однако, предположить, что и на Востоке они были известны. Во всяком случае, около 900 г. сириец Бар-Кефа, яковитский епископ Мосула, снабдил свой «Шестоднев» картой этого типа³. Скорее всего, он использовал греко-византийские, а не западные образцы.

Вторую группу раннесредневековых карт образуют зонные карты с изображением климатических поясов и

¹ Иногда — Черное море.

² *Uhdén R.* Zur Herkunft und Systematik der mittelalterlichen Weltkarten // *Geographische Zeitschrift*, 1931. Jg. 37. S. 321.

³ *Van den Brinken A.-D.* Mappae mundi und Chronographia. Studien zur Imago Mundi des abendlandischen Mittelalters // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, 1938. T. 94. Heft 1.

земли антиподов. Эта группа карт менее многочисленна, ибо представленная на них картина мира плохо сочеталась с христианскими космогоническими принципами¹. Значительную их часть составляют иллюстрации к известному комментарию Макробия на «Сон Сципиона» Цицерона, в котором нашла отражение античная зонная теория. Поэтому такие карты часто называют «картами Макробиева типа»². Сохранились очень древние их экземпляры, например три зонные карты в разных рукописях трактата Марциана Капеллы «Брак Меркурия с Филологией» (ок. 300 г.). Имеются и смешанные образцы, сочетающие Т-О-образную форму Земли и зонность (подобная карта к «Энциклопедии» Исидора Севильского, изготовленная в конце VII в., сохранилась в библиотеке Сен-Галленского монастыря)³. Мы не располагаем зонными картами византийского происхождения, но это не значит, что таковых не существовало. Известно, что вплоть до VII в. в империи не прекращалось изучение античной географической традиции, в первую очередь идущей от Птолемея. В X в. арабский географ аль-Масуди пользовался античными картами Марина Тирского, а аль-Баттали знал карту Птолемея⁴. Вероятнее всего, эти карты были унаследованы арабами от Византии. Не исключено, что уже в византийскую эпоху работал александрийский картограф Агатодемон, изготовлявший карты к Птолемевым трактатам⁵. Небезосновательна мысль английского

¹ *Miller K. Mappae mundi... Heft III. S. 75.*

² *Ibid.*

³ *Bagrow L., Skelton R. A. Meister der Kartographie. B., 1963, S. 57; Uhden R. Die Weltkarte des Isidorus von Sevilla // Mnemosyne, 1935. Ser. III. Vol. 3. Fasc. 1.*

⁴ *Marinelli G. Op. cit. P. 52.*

⁵ *Van den Brinken A.-D. Op. cit. S. 177.*

историка Г. Кроуна, что «дальнейшее изучение конкретной роли византийской культуры в истории картографии может принести важные результаты»¹.

Что касается разнообразных частных карт, схем и планов, то в Римской империи они имели весьма широкое хождение. Мелкие топографические карты во множестве составляли римские землемеры. Ряд из них дошел до нас в средневековых копиях. Сохранилось несколько военных позднеимперских карт (V в.), служивших приложением к тексту «*Notitia dignitatum*» (также в более поздних копиях)². Были известны карты отдельных стран и областей. Будущий император Юлиан Отступник, находясь в Галлии, просил своего друга Алипия, воевавшего в Британии, прислать ему карту, — вероятно, этого острова (Ер., 30). В лондонском манускрипте Блаженного Иеронима «О местоположении и именах селений иудеев» (вольный перевод на латынь «*Ономастикона*» Евсевия Кесарийского) имеются две карты: Востока и Палестины. Обе они были предназначены для паломников и, по предположению К. Миллера, составлены самим Иеронимом, возможно, на основе доступных ему греческих карт, которые использовал Евсевий³.

Великолепным образцом раннесредневекового картографического искусства является карта из Мадабы, единственный дошедший до нас несомненный памятник ранневизантийской картографии. Карта выполнена в технике мозаики на полу христианской церкви в городке

¹ *Crone G. R. Maps and their Makers. An introduction to the History of Cartography. L., 1953. P. 27.*

² Публикацию одной из них (карта расположения византийских гарнизонов в долине Нила) см.: *Bagrow L., Skelton R. A. Op. cit. Taf. XII.*

³ *Miller K. Mappae mundi... Heft III. S. 3–4.*

Мадаба (Медеба) в византийской Трансиордании в 40–50-е гг. VI в.¹ и обнаружена в 1884 г. при закладке нового храма.

Карта из Мадабы изображает Палестину и сопредельные страны. Она несколько вытянута с запада на восток, поэтому Нил изображен текущим в этом направлении, а Палестина и ее северные соседи растянуты по горизонтали. Карта достаточно велика (24×6 м). Ее составитель попытался представить на ней все географические объекты, упоминаемые в Новом Завете, и значительную часть мест, о которых говорится в Ветхом Завете. Наименования, не фигурирующие в Писании, даются лишь тогда, когда на карте имеется свободное место. Часто рядом с названием города, селения или реки приводится цитата из Библии, где о них идет речь. Большинство легенд согласовано с «Ономастикон» Евсевия и, возможно, с зависимой от него картой. Почти все указанные на карте из Мадабы объекты соединены дорогами, и, вероятно, ее автор использовал римские дорожные карты². Картограф не соблюдает масштабов, показывая более крупными одни области, мельче — остальные. Особенно крупномасштабно даны города. Здесь мы видим изображения наиболее важных общественных зданий и сооружений, церквей. Автор рисует подробный и точный план Иерусалима, причем если масштаб всей карты в среднем около 1:15000, то Иерусалим дан в масштабе 1:1600. Представлены в изображениях некоторые отдельные загородные

¹ Существуют более ранние параллели. Сохранилась, например, римская мозаичная карта Палестины в Пренесте в Италии. См.: *Bagrow L., Skelton R. A. Op. cit. S. 316.*

² *Avi-Yonach M. Madaba // Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Oxford; Jerusalem, 1977. Vol. III. P. 82.*

здания, особенно церкви. Вообще на карте из Мадабы немало мозаичных картин, представляющих художественный интерес (корабли в Мертвом море, рыбы в Иордане и в Ниле, пальмы вблизи Иерихона, лев, преследующий газель на равнине Моава, и т. д.). Карта очень красочна: из разноцветных смальт сложены долины и горы, синими, коричневыми и черными волнистыми линиями изображены морские волны, в мозаичном разноцветье предстают города. Карта из Мадабы была составлена из 2,5 млн разноцветных кубиков смальты. К сожалению, сохранилась она не вся. Более или менее полно на дошедшей до нас части представлены области между Иерусалимом и Мертвым морем, на восток от Аскалона до Мертвого моря, дельта Нила и район Синайских гор. Кроме того, сохранилось несколько небольших фрагментов других частей карты.

Карта из Мадабы — географический памятник исключительного значения, единственный документ, позволяющий определенно судить об основных принципах ранневизантийской картографии. К таковым можно отнести зависимость формы изображаемых объектов от формы самой карты, перепад масштабов, сочетание картографического изображения сельской местности с планами городов, особое внимание картографов к дорожной сети, помещение на карте надписей, цитат и художественных изображений. То, что подобные черты могут быть отмечены у более ранних (Певтингерова таблица) и западных (лондонская рукопись Иеронима) карт, выполненных на мягком материале, позволяет заключить, что, во-первых, перечисленные принципы воплощались в разных картах независимо от материала изготовления, во-вторых, что они присущи раннесредневековой европейской картографии в целом и берут начало в истории римской картографии.

Нет сомнений, что географическая наука в Византии и на латинском Западе развивалась первоначально как единый поток. Картография в этом плане не являлась исключением. Известно, что римский папа Захария (741–752), живший в эпоху, когда Рим еще входил в состав Византийской империи, «изобразил круг земной на потолке своего триклиния» (*Liber Pontificalis*, II. P. 34). На стене дома епископа Теодульфа Орлеанского (ок. 800 г.) была изображена карта мира, как о том сообщает ватиканская граффити 1055 г. (*Monumenta cartographica...*, tab. XVIII). У Карла Великого был серебряный столик с изображением «всего мира» (*Einhardi vita...*, 33). Несмотря на то, что о Византии мы не имеем подобных свидетельств, можно предполагать, что и здесь создавались такие или сходные карты. Обнаружение в конце прошлого века мозаичной карты из Мадабы позволяет надеяться на новые открытия в области ранневизантийской картографии.

* * *

Эпоха с IV по VII в. в области географии, как и в других сферах культуры, была эпохой столкновения античного и средневекового мировоззрений. И в этой области средневековая идеология, окрашенная в христианские тона, одержала безоговорочную победу, а победив, на несколько столетий лишила человечество важной части интеллектуального опыта, накопленного классической древностью. Однако само христианство оказалось здесь творчески беспомощным. Примитивная космогония антиохийской школы (как мы видели, далеко не оригинальная) ничего не давала географической практике. Конкретная, утилитарная география вращалась в круге образцов, жанров, а часто и идей, выработанных античностью. Поэто-

му основная географическая продукция IV–VII вв. (компилятивные трактаты, учебники, справочники, итинерарии, периплы, карты) представляет собой единый комплекс произведений, не членимый на сугубо христианские и сугубо языческие. Для своих современников эти произведения являлись средством удовлетворения практической потребности в географическом знании. Для потомков они служили посредниками между античностью и современностью, источниками информации о географических достижениях древних. Ранневизантийская география напоминает «державу» или «сферу» — одну из важнейших инсигний византийских императоров. Эта сфера с утвержденным на ней крестом была моделью земного шара, и христианнейший василевс ромеев мог не подозревать, что держит в руках языческий «Кратесов» глобус с изображением земли антиподов¹. Так и творчество географов ранней Византии, формально являясь христианским, несло в себе, часто вопреки воле авторов, накопленный античностью научный потенциал. В сохранении его для будущего и в дальнейшем развитии достижений античной науки — главное значение ранневизантийского периода в истории географии.

¹ Изображения императоров изучаемой эпохи с державой в руке сохранились на монетах. См.: *Miller K. Marrae mundi... Neft III. S. 130.*

Глава 2

СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Географическая мысль в средневизантийскую эпоху развивалась на основе античных и ранневизантийских достижений. Процесс этот не был вполне равномерным. Как по количеству, так и по качеству сохранившихся памятников, период VII–VIII вв. был сравнительно менее плодотворным, македонский и комниновский периоды — более продуктивными. Географическая литература оставалась одним из компонентов большого византийского культурного комплекса и следовала присущим ему общим закономерностям. Находили, однако, в ней выражение и новые веяния, намечались качественные сдвиги. Они проявлялись во всех основных сферах землеведения: теоретической космографии, практической географии и картографии.

Представления о мироустройстве развивались в Византии в тесной связи с философией и богословием. Византийская космография располагала богатой традицией патристической экзегезы, многочисленные «Шестодневны» не потеряли своей популярности и в последующие столетия существования империи. Традицию толкования

Священного Писания, из которого черпались основы христианских представлений о мироустройстве, продолжил в VIII в. Иоанн Дамаскин. Вопросы космологии рассмотрены им в последней части догматического сочинения «Источник знания» (PG. Т. 94. Col. 862–976). Представленные здесь сюжеты традиционны для «Шестодневов», и автор выступает скорее как компилятор, чем как оригинальный мыслитель, заимствуя свои познания в космографии из трудов Василия Великого, Севериана Габальского, Немесия, Диодора Тарсского, Феодорита Кирского.

Фрагменты аристотелевских космологических представлений вошли в сочинение Дамаскина через посредников, главным образом через Василия Великого. Земля представлена Дамаскином в виде шара, окруженного сферами небес (автор насчитывает три сферы). Рассматривая вопрос о влиянии, оказываемом Солнцем и Луной на природу, автор дает объяснение солнечным и лунным затмениям. Согласно аристотелевской традиции он поясняет и некоторые метеорологические явления, связанные с небесными светилами, а также решительно выступает против одушевления неба и звезд, как это делали платоники. Рассуждая о знамениях, он говорит, что звезды указывают лишь на погоду, но не определяют человеческие поступки, ибо люди одарены свободной волей и являются господами своих дел (PG. Т. 94. Col. 893).

В главе «О водах» автор дает очерк распределения их на Земле. Он выделяет прежде всего реку Океан, которая обходит всю Землю и дает воду для образования облаков и дождей благодаря парообразующему действию Солнца. Из Океана черпают воду моря и реки, обозначенные частью библейскими, частью античными именами. Морская вода, проходя сквозь скважины и жилы в земле, теряет свою соль — так образуются источники (Ibid. Col. 904).

Географические представления Дамаскина весьма примитивны, главное для него — гармоничное обоснование христианского мироздания, согласие его с буквой Священного Писания. Четкое построение, ясность языка и образность немало способствовали популярности сочинения Дамаскина как в Византии, так и в славянском и западноевропейском средневековом мире, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи с его трудами. Уже в X в. оно было переведено на славянский, а с XII в. стало переводиться на латинский язык.

Эпоха иконоборчества, помимо труда Иоанна Дамаскина, не оставила других сколько-нибудь значительных памятников космографии. Лишь в XI в. на фоне общего культурного подъема появляются первые космографические сочинения, отличающиеся от традиции патристической экзегезы и иным назначением, и попыткой по-новому осмыслить окружающий мир. Если на заре существования империи обоснование христианской картины мира входило в задачи патристики, которая не могла обойти вопрос о соотношении библейских космологических представлений с достижениями античной науки, а поэтому первые христианские космографии принадлежали крупнейшим деятелям Церкви и предназначались широкой массе христиан, то в XI в. наблюдается другая картина. Космографические сочинения этого периода возникают как плод учительской деятельности, связанной с занятиями в высшей школе в Константинополе, которая продолжила традиции школы эллинистической. Познания в космологии рассматривались здесь как необходимая ступень в постижении философии¹.

¹ См.: *Гукова С. Н.* Космография в системе византийской науки и образования в XI–XII вв. // *Городская культура: Средние века и начало нового времени.* Л., 1986. С. 27–42.

Космографические трактаты имели целью объяснить устройство Вселенной, рассказать о форме Земли, вращении небесных тел, природе землетрясений, града, снега, дождя, грома и молнии, т. е. представить систему теоретического знания. Такой широкий охват проблем — свидетельство недифференцированности и универсальности научного знания, свойственных мышлению средневековых ученых. Их занимали сразу все проблемы окружающего мира, и уровень развития науки позволял охватить их в едином труде.

Михаил Пселл положил начало этой новой традиции в истории византийской космографии. Он впервые попытался представить рациональную картину мира, в основе которой лежали не столько библейская космология, сколько позитивные достижения эллинистической науки. Космография изложена у него в большом сочинении «Всеобщее наставление» (*De omnifaria doctrina*), которое было, вероятно, плодом его преподавательской деятельности и имело назначение учебного пособия, компендия, где можно найти все необходимые сведения о физическом мире. Как и многие сочинения энциклопедического характера, труд Пселла представляет собой компиляцию, где наряду с Псевдо-Плутархом автор использует сочинения древнегреческих мыслителей и ранневизантийские комментарии к ним.

В главах, посвященных космографии (§ 120–178), Пселл кратко представляет геоцентрическую картину мира по Птолемею, который был источником его сведений относительно и определения небесного экватора, и видимого наклона оси мира к горизонту, и смены времен года, и многих других явлений, почерпнутых им скорее из комментариев, чем из сочинений самого александрийского астронома.

В вопросах космогонии Пселл не следует слепо за ветхозаветным преданием, но занимает позицию достаточно независимую. Сославшись на Моисеево Пятикнижие, он переходит к изложению теорий античных философов, выделяя учение о четырех первоэлементах и эфире. Элементы, по мнению Пселла, расположены в космосе по концентрическим окружностям: в центре — земля, как самая тяжелая, выше — вода, еще выше — воздух и огонь, как более легкие (*Mich. Ps. De omn. doc. P. 78–79*).

Проблемы метеорологии автор излагает согласно Аристотелю. Некоторые из них более детально рассмотрены в ряде трактатов о происхождении атмосферных явлений, представляющих собой по большей части компиляции из комментариев Олимпиодора к «Метеорологике» Аристотеля (*Mich. Ps. Epotre. P. 55–68*), а также в небольшой монодии, написанной по поводу землетрясения¹. «Природа — сила невидимая для глаз, но понимаемая разумом. Она является двигателем физических тел. Ведь все тела, если и получают движение и покой от Бога, движимы прежде всего природой. ...Человека и живые существа движет природа и душа. Тела же, простые и сложные, движет только природа», — пишет Пселл (*Mich. Ps. De omn. doc. P. 40*). Таким образом, природа в его понимании является ближайшим посредником реализации трансцендентной идеи. Бог создал природу и дал ей свои законы, в соответствии с которыми она и функционирует. Следовательно, закономерность природных явлений доступна человеческому разумению. Такая концепция позволяет рационально переосмыслить сакральную картину мира, традиционную для патристического периода, картину, которая на протяжении столетий господствовала в христианских представлениях. Природа приоб-

¹ *Gautier P. Monodies inédites de Michel Psellos // REG, 1978. T. 36. P. 145–151.*

ретают у Пселла относительно самостоятельный статус, несмотря на то, что первопричина сохраняет решающее значение, поскольку ничто в мире не происходит вне божественной воли.

Эта концепция Пселла находит любопытную аналогию в Западной Европе, где столетием позже представители Шартрской школы также попытаются переосмыслить соотношение причинных сил в природе. Гийом Коншский выступил с критикой буквальной интерпретации Священного Писания и разработал космологию, где компетенция Бога ограничивалась созданием первоэлементов и души человека, тогда как устройство остальной части космоса подчинялось действию причин вторичных, и прежде всего звезд¹. Как видим, и здесь западноевропейские мыслители в поисках определенных закономерностей объяснения природы прежде всего отделяют ее от Бога. Если Пселл, предоставив природе право самостоятельного существования, ищет законы в ней самой, то Гийом Коншский передает *legitima causa et ratio* в ведение звезд. В обоих случаях *ratio* рассматривается как основополагающий принцип формирования мира, а природа становится объектом самостоятельного изучения.

С Пселла начинается и эпоха широкого распространения в Византии естественно-научных сочинений Аристотеля. В своих комментариях к его трудам Пселл выступает порой как самостоятельный мыслитель, занимая позицию, не зависимую от позднеантичных комментаторов².

¹ *Gregory T. La nouvelle idée de nature et de savoir scientifique au XII siècle // The Cultural Context of Medieval Learning / Ed. J. F. Murdoch and E. D. Sylla. Boston, 1975. P. 145 f.*

² См., например, его комментарии к «Физике» Аристотеля: *Benakis L. Studien zu den Aristoteles-kommentaren des M. Psellos // Archiv für Geschichte der Philosophie, Berlin, 1961. Bd. 43. H. 3. S. 215–238.*

Вся византийская космографическая литература в значительной степени испытала на себе влияние Аристотеля. Авторитет его был обусловлен систематическим применением его логики в христианской догматике. Ранние комментаторы Аристотеля — Олимпиодор, Александр Афродисийский, Филопон — заложили основу толкования его учения в Византии, внося в аристотелевскую экзегезу элементы платонических идей¹. Благодаря Пселлу с конца XI в. влияние аристотелизма становится особенно значительным. С этого времени аристотелевское направление широко распространяется в школе, где изучаются его идеи о сухих и влажных испарениях земли, которые объясняли причины не только атмосферных явлений, но и землетрясений. Метеорология как специальная наука ведет свое начало от Аристотеля, хотя наблюдательный опыт древних греков позволил им еще задолго до него строить свои теории². Разделение подлунного и небесного мира впервые произвели пифагорейцы. Аристотель же охватил понятием «метеорология» не только все атмосферные явления, но и гидрологию, сейсмологию, кометы, метеориты — т. е. все, что он связывал с воздействием «сухих испарений» земли и относил, таким образом, к атмосфере³. Заслуга Аристотеля в том, что он раз и навсегда отделил метеорологию от астрономии, четко очертил ее рамки и содержание, сохранявшее значение вплоть до нового времени. Пселл немало способствовал распространению аристотелевской метеорологии в Византии. Его труды принесли свои плоды — некоторое

¹ *Oehler K.* Aristotel in Byzantinum // Greek-Roman and Byzantine Studies, Cambridge, Mass., 1964. Vol. 5. P. 135–138.

² *Heiberg I. L.* Geschichte der Matematik und Naturwissenschaften im Altertum. München, 1925. S. 65–66.

³ *Capelle W.* Zur Geschichte der meteorologischen Literatur // Hermes, 1913. Bd. 48. S. 322.

время спустя расцвела комментаторская деятельность Иоанна Итала, Михаила Эфесского, Евстратия Никейского¹. Теории Аристотеля, широко распространенные в школе, имели свое применение и за ее пределами, о чем свидетельствуют многочисленные реминисценции в византийской историографии. Сообщения о непогоде и стихийных бедствиях часто сопровождались рассуждением о сущности и причинах этих явлений.

Долгое время Михаилу Пселлу приписывалось авторство и другого памятника космографии — *Σύνοψις τῶν φυσικῶν*, — принадлежащего на деле его современнику Симеону Сифу (*Delatte. Anecd. P. 17–87; PG. T. 122. Col. 783–810*). Круг интересов этого византийского ученого был достаточно широк. Интересно, что в справочниках по истории науки он фигурирует главным образом в разделах о византийской медицине². Работы его обнаруживают прекрасное знание восточной традиции. В истории византийской литературы Сиф известен как переводчик «Калилы и Димны» — индийского памятника, вошедшего в арабскую литературу и известного в Византии под названием «Стефанит и Ихнилат».

Космографическое сочинение Сифа по кругу источников и строгости изложения близко труду Пселла «Всеобщее наставление»³. В небольшом предисловии коротко изложены все сюжеты, интересующие автора: он намерен показать, что Земля сферична и расположена в центре Все-

¹ *Lackner W. Die aristotelische Meteorologie in Byzanz // Actes du XVI Congrès international des Etudes byzantines. Bucarest, 1976. T. 3. P. 640.*

² См., например: *Sarton G. Introduction to the History of Science. Baltimor, 1927. T. 1. P. 771 f.*

³ *Гаврюшин Н. К. Византийская космология в XI в. // Историо-астрономические исследования. Вып. 16. М., 1983, С. 327–338.*

ленной, рассказать, сколько стадий имеет ее периметр, какую часть населяют люди, как делятся семь климатов. Автор затрагивает метеорологические и астрономические проблемы: происхождение природных явлений, небесные тела, величину Солнца и Луны, движение звезд. В заключении говорится о материи, природе, душе и разуме. Завершается сочинение рассмотрением первопричины всех явлений. Такой порядок изложения свидетельствует о системном подходе по всему комплексу человеческих знаний, необходимому для изучения метафизики: всякое знание должно найти свое место в продвижении мысли к «первой философии»¹.

Сиф каждый раз пытается осмыслить античное наследие в духе христианской доктрины. Прежде чем изложить учение о первоэлементах, он обращается к Пятикнижию Моисея, в котором утверждается, что первыми были созданы Земля и небо. Сиф ссылается на Бога, чтобы отвергнуть идею множественности миров. «Некоторые философы, — пишет он в главе “О космосе”, — полагают, что существует множество миров, и в каждом — Земля, подобная этой, и люди, и живые создания. Не ведают они, что божественной силе свойственно не разделять сотворенное и расчленять его на многие части, а объединять и составлять воедино» (*Delatte. Anecd. P. 35*). Подобным же образом Сиф решает вопрос о существовании пустоты вне космоса: Аристотель ясно показал в «Физике», что ни внутри, ни вне космоса пустоты нет, так как она является свободным местом, которое могло бы занять тело. Если бы вне мира была пустота, то она была бы создана Богом напрасно, ведь там нет никаких тел. Однако ни Бог, ни природа, ни человек ничего не делают напрасно, поэтому вне неба нет ни заполненности, ни пустоты или какого-либо места, но лишь космос, постигаемый разу-

¹ *Tatakis B. La philosophie byzantine. P., 1949. P. 191.*

мом (*Delatte. Anecd. P. 34*). Как видим, и здесь автор согласует учение Аристотеля с целенаправленным действием божественного промысла и природы, где ничего не происходит бесцельно.

Говоря о сферичной форме Земли, Сиф приводит ряд доказательств в пользу своего утверждения: Солнце освещает восточную часть Земли раньше западной, поэтому день начинается сначала у синов и в Персии — отсюда и разные часовые пояса. Во время плавания по мере приближения к берегу нам видны сначала вершины гор, а лишь затем их подножия. Этого не происходило бы, если бы поверхность воды не была круглой. Жители северного полушария могут наблюдать лишь северные звезды, звезды южного полушария им не видны. Все эти рассуждения заимствованы из сочинения Аристотеля «О небе».

К традиции античной географической литературы восходит описание Сифом рубежей ойкумены. Восточные пределы ее достигают Сиры — города синов (Китай), западные простираются до Испании. На севере она достигает легендарного острова Фуле, на юге — экватора. Здесь же перечисляются 7 традиционных климатов Земли, «согласно древним мудрецам», с указанием продолжительности дня в каждом климате. Учение о климатах, как правило, не обходило вниманием ни один космограф. Сам термин κλίμα, как и многие другие понятия, перенятые византийцами у древних греков, имеет мало общего с современной климатологией. Античная наука различала географические и астрономические климаты. Мы остановимся только на первых. Словом κλίμα обозначалась полоса земли внутри ойкумены, простирающаяся с запада на восток¹. Ширина и расположение климата зависели

¹ Подробнее о климатах в греческой, сирийской и арабской традиции см.: *Honigmann E. Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ*. Heidelberg, 1929.

от продолжительности самого длинного дня в году. В каждом климате, по мере продвижения с севера на юг, продолжительность дня уменьшалась на 0,5 часа. Самый южный климат помещался на параллели Мерое в Африке — день там длился 13 ч; самый северный — близ устья Борисфена (Днепра), где продолжительность дня не превышала 16 ч. В таком виде учение о климатах было перенято византийцами. Небольшие статьи о климатах сохранились во многих сборниках византийского периода.

О морях Сиф сообщает самые краткие сведения, не приводя даже известных их названий. Самое большое море у него занимает бассейн, включающий в себя Аравийское и Красное моря. Второе — «наше море, впадающее в области Испании в западный океан» — имеется в виду Средиземное море. Третье — большое море, соединяющееся через узкий пролив с «нашим», — это Черное море (*Delatte. Anecd. P. 27*).

Сочинение Симеона Сифа демонстрирует большой интерес к космографии, хорошее знание эллинистической традиции, которая определяла и круг проблем, и систему аргументации автора. Несмотря на то что Сиф, как христианин, постоянно пытается согласовать античную науку с буквой Священного Писания, это не определяет основной направленности сочинения — оно построено на основах языческой науки, апеллирующей к рациональным доводам и здравому суждению. В космографии Сифа нет религиозно-мистических фантазий, которые в обилии мы можем найти у Косьмы Индикоплова. Все это сближает Сифа с творчеством Михаила Пселла и позволяет говорить о появлении в Византии XI в. рационального направления в естественно-научных штудиях. Столь значительное совпадение во взглядах двух византийских ученых дает основание считать, что на фоне современной им образованности появление значительных по кругу ис-

точников и строгости изложения космологических сводов было не случайным событием, и они могут рассматриваться как свидетельство общей научной атмосферы эпохи¹.

Одним из популярнейших сочинений по космографии стал трактат Евстратия Никейского. Сравнение этого трактата², посвященного Марии Аланской, жене императора Михаила VII Дуки, с памятником, известным под названием «Учебник по космологии и географии»³, показало, что мы имеем дело с двумя разными редакциями одного сочинения, которое, по всей вероятности, принадлежит перу Евстратия Никейского⁴. Первая представляет собой краткую версию памятника, вторая — пространную. Это интересное сочинение состоит из ряда небольших глав (в разных списках количество и состав их варьируется), где рассмотрены обычные для космографии сюжеты. Однако автор предлагает несколько необычное решение многих вопросов, и это отличает его труд от аналогичных сочинений XI в.

Первые главы посвящены космологии. Мир состоит из четырех элементов, расположенных в соответствии со своим весом: земля, вода, воздух, огонь. Все они имеют по два свойства — огонь сух и горяч, воздух — тепл и влажен, вода — влажна и холодна, земля — горяча и влажна. Каждое из свойств, общее для двух элементов, служит основой превращения простых тел. Эта теория

¹ Гаврюшин Н. К. Указ. соч. С. 330.

² *Polesso-Schiavon P. Un trattato inedito di meteorologia di Eustrazio di Nicea* // RSBN. Vol. 2–3. 1965–1966. P. 290–304.

³ *Delatte A. Un manuel byzantin de cosmologie et géographie* // Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. Bruxelles, 1932. 5-e ser., T. 18. P. 189–222.

⁴ См. об этом: *Гукова С. Н. Космографический трактат Евстратия Никейского* // ВВ, 1986. Т. 47. С. 145–156.

заимствована у Аристотеля и принята большинством христианских мыслителей — Василием Великим, Григорием Нисским, Филопоном. Расположение элементов по концентрическим пластам в соответствии со своим весом — популярная теория стоиков, заимствованная в византийскую эпоху и Иоанном Дамаскином, и Пселлом.

Одно из центральных мест среди космологических проблем занимает вопрос о форме и положении Земли. Она не четырехугольна, не треугольна, не совершенно кругла — скорее овальна. Ее можно сравнить с яйцом, причем это сравнение относится не только к внешнему виду. Устройство мира аналогично и содержимому яйца: Земля соответствует желтку, небесная субстанция — белку, а последовательность небесных сфер (в количестве девяти) напоминает оболочки и скорлупу. Подобного сравнения мы не встречали в рассмотренных памятниках. Оно, очевидно, перекликается с орфическим учением о «мировом яйце». С формой Земли связана и проблема ее устойчивости, важная для христианских авторов. Евстратий приводит две распространенные версии, основанные на высказываниях Библии: согласно одной, со ссылкой на Давида, утверждается, что Земля покоится на водах; согласно другой, которая опирается на высказывание Соломона, она стоит на семи столпах. Обе эти версии автор считает неверными и приводит развернутую аргументацию против них. Стабильность и равновесие Земли он объясняет двумя причинами: Земля парит в воздухе, подобно перу, и ничто не поддерживает ее, кроме божественного промысла; вращательные движения — неба, планет и самой Земли — препятствуют разъединению ее частей и удерживают ее в центре Вселенной. Последний аргумент заимствован из ионийских теорий, к нему прибегает в своем сочинении «Источник знаний» и Иоанн Дамаскин. Примечательно, что наряду со своим

толкованием Библии автор привлекает для доказательств античные космологические теории.

Евстратий описывает Океан (изображая его в виде огромной реки, берущей истоки в Раю и окружающей землю двумя своими рукавами), природу Рая, острова Блаженных, расположенные в южной части океана, недалеко от Индии.

Дискуссия о существовании антиподов занимает важное место в сочинении Евстратия (она отсутствует и у Пселла, и у Симеона Сифа). Древние философы, говорит автор, утверждают, что те же элементы существуют и по другую сторону Земли, за океаном, следовательно, там должна быть та же жизнь и люди. Но эти люди находились бы в ситуации, в которой им пришлось бы прогуливаться по потолку комнаты вниз головой. Другой аргумент религиозного порядка: сторонники идеи антиподов — безбожники, которые не принимают ни Бога, ни идеи о сотворении человека, ведь если бы там были люди, то следует предположить и акт сотворения там человека, и все ветхозаветные события, что противоречило бы Библии. Последний довод был главной причиной, по которой христианские авторы первых веков вынесли приговор теории антиподов. Евстратий предлагает поэтому компромиссный вариант: существование антиподов отвергается, но здравый смысл заставляет согласиться с наличием там тех же элементов и возможности живой жизни. На антихтоне¹ предполагается поэтому существование лишь рептилий и птиц.

Любопытно и описание четырех самых больших морей — изложенная традиция морской географии не встречается ни в античной, ни в византийской географической

¹ Антихтон — земля, расположенная в южном полушарии и противоположная ойкумене.

литературе. Первое море простирается от Кинокефалии¹, Египта и Эдема², разделяет Индию по середине и достигает реки Океан. Из-за красного цвета дна это море получило название Эритрейского. Рассказ об Эритрейском море сопровождается легенда о чудесном рождении жемчуга из глаз устриц, когда в них попадает во время бури молния и глаза их затвердевают, превращаясь в жемчуг. Второе море — это море Александрии, которое простирается к Киликии, достигает Сицилии и соединяется там с третьим морем. Автор имеет в виду юго-восточный бассейн Средиземного моря, упомянув и расположенные в нем острова. Третье море тянется от Византия до Гадеса, где соединяется с Океаном — оно соответствует северо-западному Средиземноморью. Четвертое море — Черное.

Последняя часть трактата описывает и поясняет причины атмосферных явлений. Как и его предшественники, автор опирается здесь главным образом на «Метеорологику» Аристотеля.

Завершается сочинение краткими сообщениями о движении небесных светил, количестве небесных сводов, планет и созвездий зодиака. В целом позиция Евстратия представляется достаточно независимой и смелой для христианского космографа. В поисках здравого смысла он постоянно обращается к языческой науке, иногда даже в ущерб авторитету отцов Церкви (как в вопросе с горячими источниками). В этом отношении труд Евстратия продолжает тенденцию рационализации научного мышления в Византии, которую мы можем проследить с середины XI в. Сочинение это примечательно и тем, что в

¹ Кинокефалы — псоглавцы — мифическое племя в Эфиопии.

² Имеется в виду Аден, но не библейский Эдем, который помещался на Востоке.

отличие от Пселла и Сифа здесь не господствуют отдельно аристотелевская метеорология и физика. У Евстратия имеются отголоски теорий, традицию которых не сохранили сочинения Аристотеля. В то же время манера изложения Евстратия не отличается большой строгостью. Фантастические истории с описанием Рая, плаванием на острова Блаженных, рассказ о чудесном возникновении жемчуга из глаз устриц — все это придает его космографии живость популярной литературы.

Взгляды на Вселенную, сложившиеся в византийской литературе, интересны не только как явление византийской науки и культуры — они вышли далеко за ее пределы и стали существенным элементом в формировании представлений об окружающем мире у народов, оказавшихся в ареале культурного влияния Византии. И хотя те систематизированные знания, которые славянская книжность получила через византийское посредничество, не могли еще быть усвоены в полной мере, они значительно расширили научный кругозор, обогатили язык новыми понятиями и сыграли важную роль в формировании славяно-русской образованности. Уже в IX в. в Охриде и Преславе существовали свои школы переводов, а с XI в. эта литература проникает на Русь¹.

Космографический материал чаще всего представлен в переводных памятниках не как самостоятельное целое, но включен в систему богословско-символического толкования природы, которая рассматривается как прелюдия к человеческой истории, изложенной в Священном Писании как иллюстрация к ее темам. Подобный контекст не нов — он перенят из литературы «Шестоднево», ко-

¹ Grmek M. Les sciences dans les manuscrits slaves orientaux du Moyen âge // Conférence faite au Palais de la Découverte. Université de Paris, 1959. P. 7–8.

торая в славяно-русской книжности получила не меньшую популярность, чем у себя на родине. Представления об устройстве мира черпались не только из переводных «Шестоднегов», принадлежащих перу Василия Великого, Севериана Габальского, Иоанна Златоуста, но и из компилятивных сочинений, возникших на славянской почве. Примером такого труда, созданного на основе византийской учености, может служить «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, философа и просветителя X в., получившего образование в Константинополе¹. Иоанн не просто переводил для своей компиляции фрагменты из сочинений Аристотеля, Василия Великого, Севериана, Косьмы Индикоплова и др., но вводил и много своих суждений и толкований, написав своеобразную энциклопедию знаний своего времени. Его считают создателем болгарской терминологии в области естественных наук².

Большое внимание Иоанн уделяет вопросу о целесообразности устройства мира, заимствуя элементы своей телеологической концепции у Аристотеля через посредничество Василия Великого. Растворяя вопросы научного естествознания в библейской истории, Иоанн тем не менее щедро черпает из сокровищницы античной науки. Он знакомит своих читателей с учением о четырех элементах, составляющих основу мира, вслед за Василием отвергая возможность существования пятого элемента для неба; он знает о существовании климатов и различает пять климатических поясов; подобно Василию и Иоанну Дамаскину, он высказывается против влияния небесных светил на человеческую жизнь, но готов согласиться

¹ *Кочев Н. Шестодневът на Йоан Екзарх Български // Проблеми на културата, 1980. Т. 1. С. 78–95.*

² *Кристанов Ц., Дуйчев И. Естествознанието в средновековна България. С., 1974. С. 602.*

с воздействием их на земные физические процессы, прежде всего на метеорологические, природу которых вслед за Василием он объясняет в духе аристотелевской традиции. К античной науке восходят и его познания в географии.

В XII в. на Руси появилось «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского, которое представляет собой третью часть его сочинения «Источник знания». Однако космографическая концепция Дамаскина, изложенная в «Слове», не снискала себе большой популярности. Следы использования византийских космографических сочинений можно обнаружить и в таких памятниках, как «Толковая Палея», где изложена схема расселения потомков Ноя на Земле, а в перечне стран использованы данные античной географии¹. В примитивном виде элементы византийских космографических представлений перешли в славяно-русскую книжность и через перевод хроники Георгия Амартола. Переводная космографическая литература была для славяно-русской книжности проводником, благодаря которому достижения античной науки, адаптированные византийскими учеными, стали достоянием культуры славянского средневекового мира.

* * *

Изучение конкретной, описательной географии средневизантийского периода затрудняется тем, что значительная часть ее памятников не поддается точной атрибуции. Неизвестны их авторы, время и место написания, и историкам географии приходится делать гипотетиче-

¹ См.: Райнов Т. Наука в России XI–XVIII вв. М.-Л., 1940. С. 100–103.

ские заключения на основе косвенных данных рукописной традиции и содержания текстов. К тому же большинство источников еще очень слабо изучено. И все-таки наличный материал позволяет проследить магистральные направления эволюции византийской географии.

Характерной чертой византийской географической литературы VII в. является особое внимание к текстам Страбона. Оно может быть объяснено теми свойствами его знаменитой «Географии», которые соответствовали интеллектуальным вкусам средневизантийской эпохи: энциклопедическим охватом всего доступного античным классикам комплекса географических фактов, хорошим литературным стилем, занимательностью изложения и в то же время доступностью, свободой от теоретической усложненности, от громоздкого математического аппарата (в противовес трудам Эратосфена и Птолемея). География Страбона переписывалась в Восточной Римской империи и в V, и VII вв. Как показал итальянский исследователь Ф. Збордоне, с VII в. в Византии существовали две разные редакции сочинения античного географа¹. Именно византийские переписчики разделили труд Страбона на две части (кн. I–IX и кн. X–XVII). В период «македонского Ренессанса» «География» Страбона становится необходимым источником для большинства историков. Ее хорошо знают и цитируют Арефа Кесарийский, Константин Багрянородный, Михаил Пселл, Иоанн Цец. Хронисты Генесий, Продолжатель Феофана, Псевдо-Симеон Логофет знакомы со Страбоном и многие географические названия приводят в страбоновской транслитерации. С конца VIII в. составляются компиляции, целиком опи-

¹ *Sbordone F.* Excerpta ed epitomi della Geografia di Strabone // *Atti dello VII Congresso internazionale di studi bizantini.* Roma, 1953. T. 1. P. 202.

рающиеся на «Географию», пишутся географические сочинения более самостоятельные, но в информационном отношении полностью зависящие от Страбона.

Особым интересом византийцев к Страбону продиктовано создание обширной компиляции из его труда, известной под названием «Хрестоматия из “Географии” Страбона» (GGM. II. P. 529–636). Она сохранилась в рукописи X в. в составе кодекса, содержащего десять других географических текстов (Cod. Vatoped. 655), и, вероятно, была составлена в учебных целях. Несмотря на отсутствие точной датировки, специалисты сходятся в том, что перед нами памятник второй половины IX–X в. Хрестоматия содержит выдержки из Страбоновой «Географии», причем равномерно охватывает все 17 книг своего источника. Следовательно, ее автор имел возможность пользоваться не дошедшим до нас полным текстом «Географии» Страбона. Византийский географ достаточно вольно обращается со своим протографом: во многих случаях он произвольно сокращает или меняет местами отдельные фразы Страбона, иногда делает добавления к тексту, используя при этом труды Птолемея, Арриана, Ксенофонта и др., т. е. демонстрирует определенную эрудицию в области античной географической литературы¹. «Хрестоматия из “Географии” Страбона», как видно, считалась полезным учебно-географическим пособием: она использовалась вплоть до XV столетия, о чем свидетельствуют эксцерпты из нее, сохранившиеся в одном из манускриптов XV в., хранящемся в Парижской национальной библиотеке (Paris, gr. 571).

Примерно в это же время написано другое крупное географическое сочинение учебного характера — «Гео-

¹ Diller A. The Textual Tradition of Strabo's Geography. Amsterdam, 1975. P. 38.

графическое описание в сокращении» (GGM, II. P. 494–509). Оно вышло из круга Фотия и принадлежит кому-то из его учеников¹. Автор выказал некоторую самостоятельность при построении композиции своего труда, но фактический географический материал по большей части заимствован им у Страбона, а начало памятника буквально воспроизводит текст страбоновской «Географии» (в редакции Cod. Vatoped, 655). В ряде случаев, особенно когда речь идет о величине географических объектов, используются данные Птолемея, причем компилятор не проявляет здесь должной аккуратности, и потому в его измерениях немало ошибок, у Птолемея отсутствующих².

К средневизантийскому периоду относится также небольшое недатированное произведение «Общее измерение всей ойкумены» (GGM, I. P. 424–426). В нем сообщается о размерах ойкумены (традиционная эратосфеновская версия, видимо, известная автору через посредство Страбона), а затем приводятся расстояния между портами Черного моря по Псевдо-Арриану.

Замечательному эрудиту Михаилу Пселлу принадлежат два «страбоновских» произведения. Вероятно, в учебных целях им было написано небольшое сочинение «Об афинских местностях и названиях»³. Здесь, на основе IX книги Страбоновой «Географии», приводятся элементарные сведения о географии античной Эллады и наименования упоминаемых в сочинениях древних классиков городов, областей, рек и других географических объектов. Внимание к античной географической номенк-

¹ *Diller A.* Op. cit. P. 49.

² *Polaschek F.* Ptolemaios als Geograph // RE, Suppl. X. Col. 800–805.

³ *Psellos M.* De operatione daemonum. Ed. F. Boissonade. Nürenberg, 1838, P. 44–48.

латуре роднит Пселла с автором анонимной равеннской «Космографии», но определяется в данном случае увлечением классической древностью, характерным как лично для Пселла, так и вообще для создателей культуры «македонского Ренессанса». Так же зависима от Страбона и Пселлова компиляция «о географической карте» (см. ниже).

Выдающимся знатоком Страбона был Евстафий Фесалоникийский. Около 1170 г. он написал обширный комментарий к «Описанию мира» Псевдо-Дионисия Периегета (GGM, II. P. 201–407), посвященный Иоанну Дуке, сыну Андроника Дуки — великого друнгария и двоюродного брата императора Мануила I. Во введении Евстафий сообщает, что цель его труда — облегчить школьникам понимание текста Псевдо-Дионисия. Он рассуждает о месте трактата «Описание мира» в истории географической мысли, о его литературно-поэтическом стиле, приводит биографические сведения об авторе (последние носят легендарный характер). На редкость тщательно составленный комментарий содержит 1181 статью. Некоторые из них посвящены филологическим вопросам, но подавляющее большинство раскрывает содержание упоминаемых у Псевдо-Дионисия географических понятий, уточняет или развивает характеристики географических объектов. Комментарий Евстафия является наиболее крупным византийским литературным памятником, созданным под влиянием Страбона¹. Евстафию принадлежат и комментарии к Пиндару и Гомеру, и там, где речь

¹ Pritchard J. P. Fragments of the Geography of Strabo in the Commentaries of Eustathius // Classical Philology, 1934. Vol. 29. P. 63–65; Diller A. The Manuscripts of Eustathius' Commentary on Dionysius Periegetes // Diller A. The Textual Tradition... P. 181–207.

идет о географии, он столь же часто обращается к Страбону. Вместе с тем Евстафия Фессалоникийского уже трудно назвать простым компилятором. Его труды принадлежат к числу лучших образцов искусства византийских комментаторов античных текстов. Конечно, Евстафий не осуществляет критического анализа источников, и его объяснения древних текстов нельзя сопоставить с научными комментариями Нового времени. Но он свободно и широко комбинирует сведения, полученные как у Страбона, так и у десятков других авторов, и многие статьи его комментариев представляют собой небольшие самостоятельные географические очерки. Можно сказать, что Евстафий Фессалоникийский составил комментарии не компиляторского, а более высокого, «эрудитского» типа.

«Страбоновская линия» в развитии византийской географической мысли сохраняет значение на протяжении всей средневизантийской эпохи и продолжается далее, в эпоху Палеологов. Увлечение греческим географом послужило хорошей службой его византийским последователям: оно позволило аккумулировать и сохранить обширный компендиум географических знаний, собранных учеными древности, учило высокой культуре географического описания, способствовало появлению новых учебно-дидактических произведений и комментариев. Однако в то же время оно в ряде случаев подменяло у византийских землеописателей научные интересы антикварными, создавало парадоксальную ситуацию, когда давно устаревшие факты античной географии пользовались большей авторитетностью, чем добытые эмпирическим путем новые данные.

Преодоление этого парадокса наметилось в знаменитых трактатах Константина Багрянородного «О фемах» и «Об управлении империей». В трактате «О фемах» автор

описывает эти крупнейшие военно-административные единицы в последовательности, характерной для официальных византийских списков фем (как, например, в «Клеторологии» Филофея, распорядке выдачи жалованья стратигам, составленном Львом VI, и т. д.)¹. Общая структура описания фемы, которая, как правило, выдерживается Константином VII в первой, «азиатской» части его труда и, несмотря на многочисленные отклонения, ощущается и во второй, «европейской» части, такова:

- 1) этимология названия фемы;
- 2) статус и наименование ее главы;
- 3) населяющие ее народы и племена;
- 4) границы фемы;
- 5) составляющие ее исторические области;
- 6) иногда (Фракия, Македония) ее административное деление (на «епархии» с их наименованиями);
- 7) важнейшие населенные пункты.

Как видим, большая часть пунктов данной схемы непосредственно принадлежит к различным сферам географической науки (топонимике, демографии, политической, исторической географии). Неслучайно в числе основных источников Константина VII — географические труды Иерокла, Стефана Византийского, а из древних авторов он активно использует Страбона (возможно, не непосредственно, а через поздние компиляции). Хотя Константин часто основывается на известиях античных писателей и вследствие этого архаизирует описываемую им географическую ситуацию, хотя порой он расцвечивает рассказ малодостоверными легендами², в целом трактат «О фе-

¹ См. сопоставительную таблицу этих и иных списков византийских фем в: *Constantinus VII Porphyrogenitus. De thematibus* / A cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952. Tav. I.

² Например, он объясняет происхождение названия Фракийской фемы мифическим переселением сюда фракийцев по

мах» представляет собой детальное, точное и квалифицированно составленное собрание сведений по административной исторической географии Византии.

Еще более важным географическим памятником является трактат «Об управлении империей». Как показал английский византинист Р. Дженкинс, этот труд готовился на протяжении четырех лет (948–952) и был сперва задуман как историко-этнографическое произведение, содержащее информацию о народах, граничащих с империей ромеев (DAI. II. P. 3–6). В процессе работы Константин VII решил несколько изменить общую задачу труда, превратив его в наставление по внешней и внутренней политике для наследника престола — своего сына Романа. Последние два года, затраченные на подготовку трактата, были в основном посвящены сбору сведений о политических взаимоотношениях различных народов с Византией и между собой и выработке связанных с этим рекомендаций правителю империи. Однако, придав труду утилитарное назначение, Константин VII полностью сохранил его основное фактическое содержание. Как отмечают авторы современного критического издания трактата, император видел главную задачу в том, чтобы дать исчерпывающую историческую и географическую характеристику большинству народов, окружавших империю (DAI. I. P. 10). Выделяя в трактате четыре раздела, Д. Моравчик и Дж. Дженкинс отмечают, что третий, самый обширный раздел (гл. 14–42), целиком посвящен этим сюжетам (Ibid. I. P. 10; II. P. 3). В книге Константина VII рассказывается о печенегах, русах и восточных славянах,

приглашению лидийского царя Алиатта (I. 3). В действительности название объясняется расквартированием здесь в VII в. Фракийского воинского нумера (когорты). См.: *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. L., 1973. P. 578.*

хазарах, арабах, населении Италии, южных (иллирийских) славянах, венграх (в тексте они называются турками), моравянах, армянах и грузинах, жителях Пелопоннеса и Херсона (Херсонеса Таврического). Для изучения истории нашей страны исключительное значение имеют известия Константина VII о функционировании «Пути из варяг в греки», о системе полюдья у восточных славян, их контактах с кочевниками, о хазарах и аланах, их отношениях с византийским Херсоном и т. д.

Константин Багрянородный пользовался широчайшим кругом источников, среди которых не только традиционные исторические хроники и сочинения античных классиков, но и дипломатическая переписка, донесения и отчеты дипломатов, чиновников и военных, впечатления от личных встреч и переговоров с иноземцами. Исключительные возможности в деле сбора материалов для книги автору, разумеется, обеспечивало положение главы империи: император имел неограниченный доступ к любой информации и опирался на помощь многочисленных и умелых сотрудников. В результате Константину VII удалось подготовить географический труд нового качества. Трактат «Об управлении империей», конечно, — компиляция, чем объясняются, в частности, разительные различия в композиции и стилистике отдельных его глав. Но в то же время это — компиляция не традиционного для византийской литературы типа. Устами ее автора здесь часто говорят не литературные памятники, а документы. Их многочисленность и разнообразие превращают трактат в самостоятельный свод ценнейших географических, этнографических, исторических данных и вместе со строго выдержанной целевой обусловленностью и продуманным планом изложения придают ему черты синтетического историко-географического исследования. Это явно возвышает трактат «Об управлении империей» над

уровнем распространенных в Византии аморфно-энциклопедических компендиумов по различным научным дисциплинам. Он является высшим достижением византийской описательной географии, что сделало его одним из важнейших, а в ряде случаев основным источником по географии и этнографии народов Европы в раннее средневековье.

Обусловленность практическими целями — универсальное свойство византийской географической литературы. Почти никогда византиец не исследовал географические проблемы академически, ради них самих, — он задавался конкретной специальной задачей: создать учебник, справочник, руководство, перипл и т. п. Поэтому сами жанры византийской географии — не всегда жанры научные. Но произведения этих жанров, сводя воедино разнообразные географические факты, являлись источниками знаний о странах и народах, реках и морях, провинциях и городах, расширяли географический кругозор византийцев.

Особый раздел географической литературы представляет церковная география, известная по таким памятникам, как епископские нотиции — списки церковных диоцезов, подчиненных тому или иному патриарху. Такие нотиции являлись официальными церковно-административными документами. Они были необходимы, так как в восточных Церквах положение епископа в иерархии определялось рангом его епархии. Таким образом, задача авторов нотиций состояла в том, чтобы перечислить диоцезы в этом традиционно-правильном порядке. Но для того, кто пользовался этими списками, они играли также роль источников сведений по церковной географии. Сохранились (полностью или частично) десятки византийских нотиций. Большинство из них — константинопольского происхождения и характеризуют епархии кон-

стантинопольского патриархата; известны также александрийские, антиохийские¹, наконец, универсальные, сводные нотиции. Последние всегда компилятивны и зависят в основном от источников времени правлений Юстиниана I или Ираклия, хотя составлены не ранее IX в. Наиболее интересным памятником с этой точки зрения является константинопольская «Нотиция I»². В ее состав включены перечень епархий Константинопольского патриархата, а также обширный список епархий и городов Западного Средиземноморья и Востока, структурно совпадающий с константинопольским, однако явно более раннего происхождения. Этот интерполированный текст, таким образом, в свою очередь, делится на два раздела: восточный и западный.

В настоящее время можно считать установленным, что сохранившийся вариант «Нотиции I» возник в IX в. Автором составляющей ее основу константинопольской нотиции являлся армянин Василий из Ялимбаны. Видимо, он же дополнил собственное произведение рядом текстов более раннего происхождения. Восточный раздел интерполированного текста восходит к «Синекдему» Иерокла или имеет общий с ним источник. Он и отражает в основном географические реалии середины VI в., хотя и с некоторыми дополнениями и изменениями. Западный раздел нотиции — это самостоятельный географический

¹ См. издания александрийских и антиохийских нотиций: *Роскоке R. A. Description of the East and some other Countries*. L., 1743. P. 279 sq.; *Recueil des historiens des croisades: Documents arméniens*. P., 1869. T. 1. P. 673 sq.

² По установившейся историографической традиции каждая нотиция имеет порядковый номер в соответствии с порядком публикации в сводном научном издании: *Hieroclis synecdemus et notitiae graecae episcopatum* / *Ex rec. G. Parthey*. B., 1866. P. 55–261.

памятник, возникший на рубеже VI–VII вв. (между 591 и 603 гг.). Вероятнее всего, в нотицию был целиком включен географический справочник, который состоял из зависимого от Иерокла восточного раздела и самостоятельного западного. Автором этого справочника, иногда именуемого «*Descriptio orbis Romani*» («Описание Римского мира»), признается Георгий, уроженец деревни Лапиф на Кипре¹. Таким образом, константинопольская «Нотиция I» — сложная географическая компиляция IX в. Ее значение, во-первых, состоит в том, что она знакомит нас с неизвестным до сих пор географическим памятником рубежа VI–VII вв. — «Описанием Римского мира» Георгия Кипрского. Во-вторых, она показывает, каким образом церковные компиляторы видоизменяли и трансформировали чисто светские географические произведения («Синекдем» Иерокла) для составления утилитарных церковно-географических сочинений. На примере константинопольской «Нотиции I» можно видеть, как три наложившихся один на другой источника: «Синекдем» Иерокла, «Описание Римского мира» Георгия Кипрского и нотиция Василия из Ялимбаны — составляют три последовательных этапа преобразования географического памятника из светского в церковный.

В связи с византийскими нотициями необходимо упомянуть другое крупное произведение церковной географии — «Устройство пяти патриархатов». Его автор Нил Доксапатр жил в XII в. на юге Италии и принадлежал к многочисленному и влиятельному местному греческому монашеству. Ко времени завершения своей книги он имел сан архимандрита и проживал в Палермо — столице норманнского Королевства обеих Сицилий. По заказу

¹ *Honigmann E.* Le Synecdémos d'Hiéroclès et l'opuscule géographique de Georges de Chypre. Bruxelles, 1939. P. 49.

Рожера II (1101–1154) — короля-мецената, покровительствовавшего находившимся в Италии греческим ученым, литераторам и художникам, Нил Доксапатр в 1143 г. подготовил книгу «Устройство пяти патриархатов» и представил ее королю¹.

Сочинение Нила Доксапатра трудно отнести к определенному жанру. В нем совмещаются черты церковно-исторической хроники, политического трактата и географической нотиции. Нил начинает изложение с рассказа об основании трех первых патриархий (в Риме, Александрии и Антиохии), о решающей роли, которую якобы сыграл в их организации апостол Петр. Он указывает, что эти три зоны распространения христианства соответствуют трем частям света: Европе, Ливии и Азии. Затем перечисляются отдельные области и провинции, подчиненные в церковном отношении трем первым патриархам, называются митрополии, архиепископаты и епархии.

Далее рассказывается об основании патриархий в Константинополе и Иерусалиме, исследуются относящиеся к этим сюжетам каноны Никейского (325), Константинопольского (381) и Халкидонского (451) Вселенских соборов. Автор приходит к важнейшему выводу, который затем рефреном повторяется многократно: константинопольская кафедра по рангу не ниже римской, так как этот ранг зависит от статуса города — центра патриархии. Константинополь — «Царский град», следовательно, патриарх константинопольский как минимум равен римско-

¹ Оубл.: Des Nilos Doxapatres *Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων* / Ed. F. N. Fink. Wagarschapat, 1902. О жизни Нила Доксапатра см.: *Laurent V. L'oeuvre géographique du moine sicilien Nil Doxapatris* // *Echos d'Orient*. P., 1937. Т. 36. Р. 5–30. По предположению В. Лорана, Нил идентичен с Николаем Доксапатром — номофилаком и патриаршим нотарием из Константинополя, постригшимся в монахи в Сицилии.

му папе. Но при этом Константинополь и в настоящее время остается императорской столицей, Рим же подчинен варварам, а значит, глава Константинопольского патриархата — наивысший, первенствующий христианский иерарх.

Снова следует географическая «перебивка» — перечень митрополий и архиепископатов, подчиненных Константинополю, с указанием количества, а иногда и названий (для митрополий Коринфа, Афин и Сиракуз) входящих в них епархий. Эта часть труда Нила Доксапатра базируется на использовании константинопольских епископских нотаций, особенно II и III, на что непосредственно указывает и сам автор. Но в руках Нила Доксапатра обычный каталог диоцезов превращается в политический памфлет. Нил подробно перечисляет епархии юга Италии и Сицилии, подчеркивая, что они законно подчинялись Константинополю «вплоть до прихода франков», что римский папа прибрал их к рукам только потому, что «франки уничтожили наш дукат»¹. Для доказательства он описывает историю взаимоотношений франкских властителей Пипина Короткого и Карла Великого с римскими папами, оценивая полученные папами от франков земельные пожалования как откровенную узурпацию.

«Устройство пяти патриархатов» Нила Доксапатра — произведение с ярко выраженной политической тенденцией. Будучи адресовано норманнскому королю Рожеру II, оно, безусловно, написано с конкретной целью: убедить его вывести диоцезы юга Италии из-под юрисдикции пап и подчинить их Константинополю. Этого фантастического результата Нилу Доксапатру, конечно, не удалось добиться. Но не исключено, что сочинение Нила стимулировало в целом благоприятную для греческого духовен-

¹ Речь идет о дукате Апулия и феме Лонгивардия.

ства направленность религиозной политики Рожера II. С географической точки зрения эта книга интересна как важный источник по церковной географии (особенно Южной Италии), кроме того, и это главное, как образец использования в политических целях такого, казалось бы, бесстрастного исходного материала, как епископские новости. Ее появление — один из показателей того, сколь велико было культурное и политическое влияние Византии в отдельных регионах Западной Европы, даже безвозвратно утраченных империей, в данном случае в Королевстве обеих Сицилий.

Особое значение Константинополя в жизни Византии, широкий интерес к его истории и достопримечательностям, нужды многочисленных путешественников, посещавших главный город империи, вызывали появление произведений, специально посвященных этим сюжетам, т. е. написанных с той же целью, что и позднеантичный путеводитель «Град Константинополь — новый Рим». В большинстве своем это — аморфные по композиции компилятивные хроники, сообщающие разрозненные сведения по истории и топографии столицы¹. Одна из них — «Краткий исторический обзор» — относится к середине VIII в. Она была использована на рубеже X–XI вв. составителем второго в византийской литературе крупного городского справочника-трактата «Отечество Константинополь». В некоторых рукописях XV–XVI вв. он приписывается поздневизантийскому автору Георгию Кодину, но в действительности был создан раньше — в X–XI вв.

В сочинении суммируются сведения об истории, топографии, достопримечательностях столицы империи.

¹ Сохранившиеся памятники такого назначения собраны в издании: *Scriptores originum Constantinopolitanum*. Lipsiae, 1901–1907. Т. I–II.

Первая его часть повествует об основании Константинополя и возникновении отдельных городских районов, во второй характеризуется топографическая структура города, в третьей рассказывается о городских статуях и других памятниках искусства, в четвертой — о замечательных зданиях (дворцах императоров и частных лиц, банях, больницах, монастырях, церквях и часовнях), наконец, пятая часть содержит легендарный рассказ о постройке и освящении храма Св. Софии. Если оставить в стороне последний раздел, органически слабо связанный с предшествующим изложением, то можно сказать, что по структуре книга напоминает современные путеводители. От упомянутого позднеантичного *vademecum*, разумеется, сильно устаревшего в X в. (и к тому же написанного на мало кому известной латыни), она выгодно отличается в двух отношениях. Во-первых, трактат «Отечество Константинополь» содержит весьма подробный и точный очерк топографии города, возможно, составленный самим автором. Во-вторых, труд основан на использовании очень широкого круга источников: произведений Прокопия Кесарийского, Гесихия из Милета, Павла Силенциария, Иоанна Лида, патриарха Фотия, хронистов VII–IX вв., ряда не дошедших до нас памятников¹.

Книга «Отечество Константинополь» пользовалась популярностью и дополнялась на протяжении столетий. Этим объясняется наличие в некоторых списках заимствований из трудов Никиты Хониата и Георгия Пахимера — плод усилий компиляторов палеологовской эпохи. Но сам трактат «Отечество Константинополь» явился

¹ Подробнее об источниках и композиции произведения см.: *Preger Th. Beiträge zur Textgeschichte der Πάτρια Κωνσταντινοπόλεως*. München, 1895; *Mango C. Byzantium and its Image*. L., 1984. P. 60.

одним из проявлений расцвета географии в македонский и комниновский периоды истории Византии. Он достойно продолжил античную практику составления городских путеводителей. Здесь, как и во многих иных жанрах, византийцы далеко опередили своих западных собратьев: лишь в 1140 г. появился первый римский путеводитель, и лишь около 1160 г. Гвидо де Базош подготовил первый путеводитель по Парижу¹.

На протяжении VII–XII вв. Византийская империя оставалась крупнейшей морской державой. Потребности мореплавания диктовали создание специальных пособий для моряков, периплов, лоций. Периплы древние не были забыты, о чем свидетельствует наличие их византийских копий. Иногда на их основе составлялись компиляции и эпитомы. Такой переработке подвергся, к примеру, «Перипл Эвксинского Понта» Псевдо-Арриана. Однако изменения политической ситуации в Средиземноморье, маршрутов морских путей в значительной степени обесценивали античные периплы, заставляя составлять новые. Небольшой перипл был включен Константином Багрянородным в трактат «О церемониях византийского двора» (*De cer.* P. 2, 45). Это — так называемый «Стадиодромикон». Он описывает путь от Константинополя до Крита вдоль малоазийского побережья мимо Самоса, Наксоса и т. д. Приводятся расстояния между отдельными портами на этом пути. Перипл не отличается точностью. Например, общее расстояние между начальным и конечным пунктами, по словам автора, равняется 792 милям, а сумма всех промежуточных расстояний составляет 782 мили. Имеют-

¹ *Kletler P.* Die Gestaltung des geographischen Weltbildes unter dem Einfluss der Kreuzzüge // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung.* Graz; Bd. 70. H. 3–4, Köln, 1962. S. 318–320.

ся и другие погрешности. Впрочем, по мнению специалистов, это — ошибки переписчиков¹. Император, конечно, включил в трактат наиболее надежный из существовавших периплов. Также по инициативе Константина VII был подготовлен для моряков небольшой метеорологический справочник, известный по единственной рукописи — Магс. Граес. 335².

В состав другого трактата Константина VII — «Об управлении империей» — входит глава «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь» (DAI. I. P. 9). Это описание «Пути из варяг в греки», в сущности, довольно обстоятельный перипл, сильно отличающийся, однако, от периплов классического типа. Здесь не указываются расстояния между пунктами, изложение не схематично, встречаются развернутые описания местности (особенно полезные для путешественника при характеристике движения через днепровские пороги). Возможно, автор трактата использовал более обширный перипл, сократив то, что казалось ему излишним. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что путешествие по Днепру излагается в главе особенно подробно; начиная же от устья Дуная до Месемврии (области, хорошо знакомые ромеям), следует сухой перечень географических названий.

Дошедшие до нас периплы — наверняка не единственные, существовавшие в Византии в VII–XII вв. Сохранились и сухопутные итинерарии, хотя сокращение территории империи, упадок торговли в VII–IX вв., наконец, перманентные военные действия как в Европе, так и в Азии,

¹ *Huxley G. A Porphyrogenitan Portulan // Greek-Roman and Byzantine Studies, Vol. 17. N 3, 1976. P. 295–300.*

² *Опубл. С. Лампросом: Νέος Ἑλληνομνήμων. 1912. Т. 9. P. 162–172.*

сильно ограничивали возможность путешествий. И, видимо, не случайно мы располагаем сейчас лишь одним светским итинерарием этого времени, а точнее даже — относящимся к рубежу ранневизантийской и средневизантийской эпох. В Египте, на территории древнего Панополиса, был обнаружен при раскопках папирус, содержащий 62 топонима¹. Э. Хенигманн датировал его первой половиной VII в. — кануном арабского завоевания Египта². Топонимы с 1-го по 55-й образуют итинерарий от Гелиополя в Египте до Константинополя. Шесть оставшихся имен очерчивают (хотя и с небольшим нарушением порядка) другой возможный путь из Египта в столицу (по южному побережью Малой Азии). Местные итинерарии, подобные египетскому, должны были существовать и в других областях империи, но лишь в Египте специфика писчего материала (папирус) позволила сохраниться до наших дней небольшому памятнику такого типа. На использовании итинерариев построена гл. 42 трактата «Об управлении империей» Константина VII, предлагающая землеописание от Фессалоники до Авассии. Если первая часть главы представляет собой нарративный рассказ о Пачинакии (стране печенегов), то далее идет обширный итинерарий классического типа (с указанием всех расстояний и названий) от Дуная до крепости Сотриуполь в Авассии, вероятнее всего скомпилированный из нескольких памятников этого жанра (DAI. I. P. 182—188). Ясно, однако, что в целом итинерарии в средневизантийский период не были многочисленны.

И все же были путешествия, которые осуществлялись в средневековье, несмотря на все неблагоприятные

¹ Оубл.: *Nordengraaf C. A Geographical Papyrus // Mnemosyne. IIIe série. Vol. 6. 1938. P. 273—310.*

² *Honigmann E. Un itinéraire a travers l'Empire Byzantin // Byz., 1939. T. 14. P. 645—649.*

обстоятельства, а их описания сохранялись с особой тщательностью. Это — паломничества, путешествия пилигримов. Именно в средневизантийскую эпоху появляются первые итинерарии паломников, написанные на греческом языке. Самый ранний из них — «Повесть Епифания Агиополита о Сирии и Св. Граде»¹. Об авторе ее нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что он был монахом и не являлся «жителем Св. Града» («агиополитом») в прямом смысле слова, а прибыл в Иерусалим как паломник. Время написания «Повести...» — вторая половина VIII в.².

В своем труде Епифаний предельно кратко и сжато описывает, а чаще просто упоминает достопримечательности Иерусалима, Палестины и ряда других областей Ближнего Востока. Стиль его предельно лаконичен. Как правило, указывается точное местоположение того или иного памятника, иногда автор напоминает о связанных с ним библейских легендах или исторических событиях. Епифания интересуют исключительно христианские реликвии, и он достаточно редко выходит за пределы библейско-евангельской или церковно-исторической тематики (например, когда свидетельствует о добыче нефти в районе Аравийского залива). На всем протяжении своего труда Епифаний следует определенной целевой установке — дать в руки других паломников предельно краткий и информативный путеводитель «по Святым местам». Указания Епифания отличаются большой точностью, и следует думать, что во время путешествия он вел специальные записи, рассчитывая в будущем объединить их в

¹ Опубл.: ППС. Вып. 11 (Т. 4, вып. 2). СПб, 1888. С. 16–31.

² *Schneider A. M. Das Itinerarium des Epiphanius Hagiopolita // Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins. Bd. 63. H. 1–2. Leipzig, 1940. S. 143–155.*

целостное произведение. В своем нынешнем виде «Повесть...» Епифания, известная по двум греческим спискам XIV и XV вв., является довольно поздней компиляцией.

Между тем, как показал русский ученый В. Г. Васильевский, перевод с первоначального авторского оригинала «Повести...» содержит одна из русских рукописей XV–XVI вв. Этот текст посвящен только описанию Иерусалима и его ближайшей округи. Сведения о других областях Сирии и Палестины были позаимствованы средне-византийскими интерполяторами из «Церковной истории» Никифора Каллиста (XIV в.) и восходят к описанию паломничества в Иерусалим матери Константина I Елены (по «Житию Константина и Елены», составленному в XI в.). Таким образом, подлинник «Повести Епифания Агиополита» являлся путеводителем по христианским святыням Иерусалима и его окрестностей.

Следующий по времени итинерарий византийского пилигрима, сохранившийся до нашего времени, относится к концу 70-х гг. XII в., т. е. датируется последними годами господства латинян в Иерусалиме. Он озаглавлен «Краткое сказание о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, а также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины»¹. Его автора звали Иоанн Фока. На основе текста сказания и двух рукописных глосс, сделанных на единственном известном манускрипте конца XII в. (одна — рукой самого автора, другая — его родного сына), можно заключить, что Иоанн Фока в молодости был воином, участвовал в походах Мануила I Комнина (1143–1180), затем сделался священником и предпринял путешествие «по Святым местам». Постоянно проживал он в это время на острове Крит. По возвращении домой Иоанн Фока решил описать свои впечатления от путешествия, при этом

¹ Опубл.: ППС. Вып. 23 (Т. 8, вып. 2). СПб, 1889. С. 1–59.

не предполагая, что его сочинение будет практически использоваться как путеводитель. Напротив, он предназначал свой труд «тем, которые сами не видели этих прекрасных мест, а случайно от кого-либо слышали о них, так как мое изложение дает, я думаю, более ясное о них представление ... да и видевшим доставит кое-какое удовольствие; ибо на что с удовольствием смотрелось, о том приятно и послушать» (Сар. 1).

Иоанн Фока начинает описание своего паломничества с Антиохии, затем последовательно через Лаодикею, Бейрут, Сидон, Тир, Птолемаиду, Назарет, Севастию и т. д. «приближается» к Иерусалиму, рассказывает (довольно кратко) о «Святом Граде» (Сар. 14) и, напротив, очень подробно описывает христианские святыни — храмы, монастыри, жилища отшельников — в его окрестностях, в долине р. Иордан и вблизи Мертвого моря, далее повествует о Вифлееме, Армафеме и Кесарии Палестинской, откуда, как видно, он и отплыл к себе на Крит.

В ряду многочисленных повестей о паломничествах в Иерусалим — византийских, западных и славянских — труд Иоанна Фоки представляет собой незаурядное явление, что определяется прежде всего незаурядностью самого автора. Его творение наделено значительными художественными достоинствами. Оно отличается логичной, продуманной композицией. Литературный стиль автора отмечен чистотой, выразительностью и даже своеобразной изысканностью. Особенно удаются ему описания памятников искусства и пейзажей. Причем, в отличие от большинства своих «коллег» по жанру, Иоанн Фока не отказывает себе в удовольствии описать интересный и привлекательный ландшафт, даже если он не содержит в себе никаких сакральных достопримечательностей. Вот, например, отрывок главы о городе Антиохия на Оронте: «... время и рука варваров уничтожили его бла-

госостояние, хотя и теперь еще он блистает крепкими башнями, сильными бойницами, цветущими лугами и струями разливающихся вокруг него вод, благодаря тому, что у самого города тихо течет река, опоясывает его и окружает его укрепления влажными кольцами. Кроме того, он изрядно орошается водами Кастальского источника, волны которого струятся вокруг него наподобие ключей и частыми протоками каналов омыают весь город и наполняют его струями, так как благодаря щедрости и великодушию основателя города воды из этого источника проведены в город через горы. Здесь пресловутое предместье Дафны украшается, как венком, богатой и разнообразной растительностью» (Сар. 2). Вместе с тем, упоминая о явлениях, с его точки зрения, малозначительных, Иоанн Фока выражается до конспективности лаконично. Там же, где требуются одновременно и подробность, и строгая четкость, Фоке удаются характеристики, каких следовало бы скорее ждать от ученого, чем от писателя. Таково, например, великолепное с инженерной точки зрения описание «неиссякающего (якобы «божественного») источника недалеко от города Тира: «Его устройство и вид таковы. Первые, потрудившиеся над источником, окружив его восьмигранную башню, вывели эту башню на значительную высоту и краям ее по углам придали форму фиалов на высоте, равной площади луга, на высоте же сводов устроив стоки в форме желобов, сделали так, что вода, стесненная со всех сторон, льется каскадами и, журча и шумя, орошает прилегающие к источнику луга многочисленными ручьями» (Сар. 8). Вообще, весьма часто на протяжении «Сказания...» Иоанн Фока демонстрирует умение менять манеру изображения предметов в зависимости от конкретной авторской задачи. Его литературное мастерство, как и художественная значительность «Сказания...», не подлежат сомнению.

Необходимо отметить, что Иоанн Фока — человек весьма широких взглядов и критического ума. Без сомнения, он — ортодоксальный православный христианин, совершающий паломничество с благочестивыми целями. Но в то же время он начисто лишен религиозного фанатизма. Без малейшей неприязни говорит он о представителях других исповеданий — самаритянах, армянах-монофиситах, католиках. О католическом епископе Иерусалима он отзывается с одобрением и уважением в связи с тем, что последний приказал установить в Вифлеемском храме, построенном на средства Мануила I Комнина, портреты этого византийского императора (Сар. 27). С симпатией пишет Иоанн Фока о существовании на горе Фавор латинского и греческого монастырей. Иоанн Фока, несомненно, сторонник взаимной религиозной терпимости, по крайней мере между христианами разных толков. Широта его взглядов проявляется и в литературных пристрастиях. Конечно, чаще всего, в «Сказании...» Иоанна Фоки цитируется Библия. Несомненно его знакомство с сочинениями отцов Церкви. Но Фока знает и античную литературу, например Иосифа Флавия, и, что может показаться совсем удивительным, в описании благочестивого паломничества однажды прямо ссылается на Ахилла Татия — автора популярного в древности любовного романа «Левкиппа и Клитофонт»! (Сар. 6). Наконец, Иоанн Фока с большой осторожностью и даже скепсисом относится к распространенным христианским легендам. В этом плане показательным его вполне логичное рассуждение о так называемой «башне Давида» в Иерусалиме: «Это огромнейшая башня, и хотя все в Иерусалиме признают ее Давидовой, но мне думается, что можно сомневаться в этом с достаточным основанием. Иосиф повествует, что Давидова башня была из белого тесаного камня; храм же и другие две башни были построены после

Иродом во имя Фасаила и Мариамны; а эта построена из обыкновенного камня. И может быть, ныне видимая возведена на фундаменте древнейшей башни» (Сар. 14). Рационализм, свойственный Иоанну Фоке и не изменяющий ему даже тогда, когда речь заходит о христианских святынях, — редкостное качество для христианина-пилигрима.

Благодаря широте своего кругозора, Иоанн Фока зафиксировал в «Сказании...» целый ряд фактов исторического, географического, этнографического характера, не имеющих церковно-антикварного значения, но представляющих большой интерес для современной науки. Это — данные о монастырском хозяйстве обитателей по берегам р. Иордан (Сар. 20), о периодических эпидемиях, происходящих из-за скученности населения в г. Птолемаиде (Сар. 9), о секте ассасинов (Фока именует их «хасиссиями», Сар. 3) и т. д. Великолепны описания некоторых памятников искусства, особенно фресковой живописи «дома Иосифа» в Назарете (Сар. 10) и «пещеры Рождества Христова» в Вифлееме (Сар. 27). Отличаясь подробностью и четкостью, они способны по художественным достоинствам соперничать с экфрасисами профессиональных византийских писателей.

Таким образом, «Сказание...» Иоанна Фоки представляет собой заметное явление византийской литературы и крупное достижение жанра «итинерарий пилигрима». Как мы видим, от средневизантийской эпохи до нас дошли лишь два его образца (не считая компилятивного «Жития Константина и Елены»). На основе всего двух источников невозможно, конечно, определенно говорить о прогрессе или регрессе в эволюции жанра. Ясно лишь, что сочинение Иоанна Фоки по всем параметрам превосходит записки Епифания. Следует отметить и другое: «Сказание» Иоанна Фоки по своей структуре и содержанию

ближе к ранним латиноязычным запискам пилигримов, в которых действительно описывается путь до Иерусалима и далее к Мертвому морю и возвращение назад. Иногда (хотя и не часто) Иоанн Фока даже указывает расстояния между отдельными упоминаемыми пунктами (в стадиях, в днях пути). В этом плане его «Сказание...», как будто определенно не предназначенное быть руководством для паломников в Святую землю, с большим успехом может быть использовано как итинерарий, чем «Повесть...» Епифания, которая, в очищенном от позднейших напластований виде, является иерусалимским городским справочником и занимает в жанровом отношении промежуточную позицию между «итинерарием пилигрима» и путеводителем по городу вроде охарактеризованного выше константинопольского *vademecum*. В целом же необходимо заключить, что в средневизантийский период записки паломников как жанр географической литературы утвердились в грекоязычной, собственно византийской книжности. Характеризуя этот жанр, нужно указать, что он весьма далеко отстоит от жанра обычных светских итинерариев. Паломники редко указывают расстояния между географическими объектами, для их записок не характерна строгая и лаконичная четкость итинерариев, утилитарные функции путеводителей сочетаются в них с дидактическими, благочестиво-пропагандистскими, наконец, художественными. Эти памятники — произведения синтетического типа: и итинерарии, и путевые заметки, и проповеди, и экфрасисы. И потому интерес к ним могли проявлять и проявляли не только путешественники, но и самые широкие круги христианских читателей и слушателей.

Итак, мы видим, что в VII–XII вв. византийская описательная география породила целый ряд заметных произведений. Некоторый застой VII–VIII вв. сменился активизацией в македонское и комнинское время. В разви-

тии данной области культуры можно выявить несколько основных тенденций. Во-первых, тенденция антикизирующая: в эти годы возрождается интерес к античной географии — к Арриану, Псевдо-Дионисию Периегету, в некоторой степени к Птолемею, а особенно — к Страбону. Во-вторых, используется собственное, ранневизантийское наследие: Псевдо-Арриан, Иерокл, Стефан Византийский, труды историков и хронистов. В-третьих, на этой основе получают продолжение и развитие некоторые основные жанры ранневизантийской географической литературы: экцерпты и учебные пособия, географические описания — компендиумы энциклопедического характера, городские путеводители, периплы, нотиици. В-четвертых, возникают собственно византийские итинерарии пилигримов. И, в-пятых, в рамках этих жанров появляются крупные произведения синтетического, эрудитского типа, основанные на широком круге источников, самостоятельно подобранных и обобщенных авторами. К их числу можно отнести трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного, «Отечество Константинополь» Псевдо-Кодина, комментарий к Псевдо-Дионисию Периегету Евстафия из Фессалоники.

* * *

Картография средневизантийской эпохи почти не исследована. Однако в распоряжении историков все же имеется ряд свидетельств, показывающих, что и в этот период картографическая традиция в Восточной империи не прерывалась.

Два типа карт сохранилось в рукописях «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова. Это карты мира, причем первый вариант известен в трех экземплярах (по рукописям: Ватиканской IX в., Лаврентианской и Синайской X–XI вв.), второй — в двух (по Лаврентианскому и

Синайскому спискам). Вопрос о принадлежности их прототипов самому Косьме или более поздним иллюстраторам его манускриптов до сих пор не разрешен, хотя есть серьезные основания полагать, что они восходят к авторскому архетипу¹. Проблема осложняется взаимными отличиями обеих карт. Но во всяком случае дошедшие до нас экземпляры карт скопированы в IX–XI вв.

Первый вариант карты Вселенной в «Христианской топографии» представляет Землю в виде прямоугольника². Таким же прямоугольником обозначен окружающий ее со всех сторон океан. (На его голубом фоне имеется надпись: «ὠκεανός».) Кроме того, океан заключен в новый прямоугольник, имеющий надпись: «Земля за океаном, на которой жили люди до потопа». В крайней правой части карты в виде цветущего сада изображен Рай, отделенный от обитаемой земли частью «внешней» суши и океаном.

Прямоугольник обитаемой земли — не просто символическое изображение, но карта, хотя и крайне схематичная и примитивная. Так, в верхней части прямоугольника имеется небольшая полукруглая выемка, в нижней — две такие же. Это — Каспийское море, Персидский и Аравийский заливы (на карте сделаны соответствующие надписи). Надписями же обозначены и горы, причем использована своеобразная формула «δυτικά (βόρεια) μέρη ὑψηλά» — «западные (северные) высокие части». Низменности обозначены как «южные (восточные) низкие части». Как известно, Косьма Индикоплов полагал, что «се-

¹ См.: *Редин Е. К.* Христианская топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. 1. М., 1916. С. 114–121; *Wolska W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès. Théologie et Science au VIe siècle. P., 1962. P. 245–271; *Kiessling M.* Ῥίπαι ὄρη // RE. Bd. 1, 1920. Col. 869.

² *Гукова С. Н.* Карта мира Косьмы Индикоплова // ВИД, 1986. Т. 17. С. 308–321.

верная и западная части населенной земли — самые высокие, восточная и южная — самые низкие». Это мнение — отголосок ионийской теории покатости земного диска по отношению к небесному экватору. На карте довольно тщательно прорисовано Средиземное море (названное «Римский залив») с двумя ответвлениями: вероятно, имеются в виду Адриатика и Понт Эвксинский. С каждой стороны ойкумены в медальонах даны антропоморфные изображения ветров, дующих в трубы. В двух рукописях (Ватиканской и Лаврентианской) показаны также и райские реки: Геон, впадающий в Римский залив, Фисон, Тигр и Евфрат, текущие в залив Персидский.

В Лаврентианском и Синайском манускриптах сохранилась еще более грубая и примитивная карта Земли. В середине ее — ойкумена в виде небрежно очерченной половины овала. Ее окружает полоса океана, за ней следует полоса внешней земли. В левом верхнем углу карты помещено восходящее Солнце, справа сбоку — заходящее. Как обычно, все части изображения обозначены надписями.

Обе карты действительно могут в самом общем виде служить иллюстрациями к космографической системе Косьмы, хотя первая лучше подходит для этой цели: она изображает горы, райские реки, наконец, указывает само местоположение Рая, что чрезвычайно важно для концепции мироздания Косьмы Индикоплова. По своей прямоугольной форме она ближе всего стоит к некоторым западноевропейским картам (особенно к карте VIII в. из монастыря Альби во Франции). Для второй карты известны восточные (даже древнеегипетские) параллели¹. Однако необходимо иметь в виду, что до сих пор не обнаружены

¹ *Nordlin A.* Landet på andra sidan Okeanos. Ett kort kapitel om källorna till Kosmas Indicopleustes' bok om världsbyggnaden // *Ymer tidskrift utgifven af Svenska Sällskapet för Antropologioch Geografi*, 45. 1925. P. 253–260.

ни европейские, ни восточные карты, вполне соответствующие византийским картам «Христианской топографии»¹. В то же время в Псалтыри из библиотеки Барберини (XI в.) имеется византийская карта, также изображающая четырехугольную землю, окруженную четырехугольным океаном. По краям карты нарисованы четыре ветра, дующие в трубы, а внутри земного прямоугольника, выкрашенного в зеленый цвет, — два ряда деревьев. По форме эта примитивная схема явно напоминает первую карту из «Христианской топографии». Вторая же карта из рукописи Косьмы находит себе параллель в Ватиканском Октатевхе № 746. Земля здесь изображена как полукруглый остров, омываемый океаном. На острове растут деревья и цветы. Похожая карта сохранилась и в Серальском Октатевхе. Показательно, что карты кодекса Барберини и Октатевхов продолжают традицию знаменитой мозаичной карты из Мадабы: наряду с абстрагированными географическими контурами здесь также помещаются разнообразные живописные картины. В этом смысле особенно выразительно изображение Рая из того же Ватиканского Октатевха № 746. Тут художник рисует целый пейзаж, в центре — «древо познания добра и зла», вокруг — деревья, кусты и цветы, рядом — голубое озеро. И вместе с тем это — именно карта, хотя и фантастическая: тут четко обозначены границы Рая, показаны четыре райских реки². Еще один эскиз прямоугольной Земли, окруженной

¹ В латинской рукописи Пентатевха из Парижской национальной библиотеки (№ 2334, л. 50) имеется изображение ирреальной мифической земли Аран в виде продолговатого зеленого четырехугольника. Возможно, эта карта создавалась под византийским влиянием. См.: *Gehrhardt O. von. The Miniatures of the Ashburnham Pentateuca. L., 1883. Pl. II, XIII.*

² О картах Октатевхов и кодекса Барберини см.: *Айналов Д. Эллинистические основы византийского искусства. СПб, 1900. С. 216–218.* Здесь же — их изображения.

океаном, как и карта из Мадабы, сохранился в виде мозаики в церкви Св. Дмитрия в Никополе (597 г.). Это — схематичная картина, где Земля — квадрат с изображениями животных и птиц, вокруг нее — воды, символизирующие океан и полные многочисленных рыб¹.

Рассмотренные карты (особенно последние) дают лишь примитивный абрис земного мира. Но надо признать, что они являются достаточно четкими и понятными иллюстрациями картины мироздания, созданной воображением христианских космографов. В этом плане они ничуть не уступают распространенным в Европе картам Т-О-типа. Впрочем, в библиотеке Оксфордского университета хранится экземпляр карты Т-О-типа, имеющий непосредственное отношение к Византии. Эта карта выполнена около 1100 г. Центром ее, согласно известному правилу средневековых космографов, является Иерусалим. Обозначены места расселения 12 «племен израилевых», ряд городов Леванта. В написании их названий присутствует путаница, характерная для представлений о Востоке жителей Западной Европы. Имена частей света даны одновременно по-латыни и по-гречески. Считается, что данная карта представляет собой не вполне удачную копию византийского оригинала, вывезенного с Востока кем-то из участников I Крестового похода². Можно привести еще один пример, когда западноевропейские картографы работали под византийским влиянием. Небольшой латинский трактат конца X в. «Как расположен град Иерусалим» был снабжен планом города, не вполне соответствующим тексту книги и, видимо, построенным на

¹ См.: *Kitzinger E. Studies on Late Antique and Early Byzantine Floor Mosaics // DOP, 1951. № 6. Pl. 18–19. P. 82–122.*

² *Beazley C. R. The Dawn of Modern Geography. N. Y., 1949. Vol. 2. P. 578.*

основе не дошедшего до нас византийского описания Иерусалима (имеется в виду краткий период, когда город был отвоеван у арабов Иоанном Цимисхием)¹.

Византийцы пользовались специальными военными картами и планами. Известно, что император Алексей I Комнин лично готовил для себя такие планы перед боем. Мог он также по памяти изобразить карту побережий Иллирика и Лонгивардии (подобную карту он направил в письме талассократору Иоанну Контостефану, обозначив на ней места, где следовало устраивать стоянки кораблей)². На основании этого факта К. Крумбахер полагал, что византийцы располагали в XI в. морскими картами, использовавшимися в стратегических целях³.

Показателем уровня развития византийского картографического искусства является его бесспорное влияние на картографию арабского Востока. Для прогресса арабской географической мысли решающее значение имело знакомство арабов с трудами античных географов, в первую очередь Птолемея. Нет сомнений в том, что многие византийские рукописи Птолемея, оказавшиеся в руках арабов, были снабжены картами. Выдающийся арабский географ VIII–начала IX в. Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми составил книгу-землеописание «Китаб Сураат аль-Ард» («Книга образа Земли»), основанную на географии Птолемея. Этот труд долгое время являлся наиболее авторитетным на арабском Востоке руководством по составлению карт. Сам же аль-Хорезми использовал при работе над ним карту Птолемея, известную ему по визан-

¹ Ibid. P. 636–638. Здесь же воспроизведение карты (Р. 582).

² *Анна Комнина*. Алексиада / Вст. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 356.

³ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. 2 Aufl. München, 1897.

тйской рукописи сирийского происхождения¹. По некоторым его замечаниям можно судить, что горные хребты на этой византийской карте были рельефно выделены². В X в. историк аль-Масуди видел другой византийский манускрипт «Географии» Птолемея с картами, где горы и моря были выписаны разными цветами³. Видимо, и в этих изображениях византийские картографы продолжали следовать позднеантичной традиции «пиктографической» картографии, совмещая в одном памятнике и географическую схему, и рисунок. Рукопись упомянутой книги аль-Хорезми сохранилась в единственном экземпляре XI в. (хранится в библиотеке Страсбургского университета). В ней имеются четыре региональные карты: Цейлона, Яванского моря, Меотидского озера (Азовского моря) и долины Нила. Две последние составлены на основе Птолемеевой «Географии» и, видимо, являются копиями соответствующих византийских карт⁴.

Благодаря византийцам, арабам стали известны не только карты, иллюстрирующие труды Птолемея. В 947 г. аль-Масуди отмечал, что лучшими из известных ему карт он считает карты Птолемея, Марина Тирского и Мамуна (последняя была изготовлена по приказанию этого халифа также на базе рекомендаций Птолемея). Таким образом, и труды Марина Тирского (разумеется, в византийских рукописях) попадали на арабский Восток,

¹ *Nafis Ahmad*. Muslim Contribution to Geography. Lahor, 1965. P. 128.

² *Mzik H. von*. Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geografien // Mitteilungen der Königl. Geographischen Gesellschaft in Wien. Bd. 58. Wien, 1915. S. 171.

³ *Crone G. R.* Maps and their Makers: An Introduction to the History of Cartography. Folkestone. 1978. P. 7.

⁴ *Bagrow L.* History of Cartography. Cambridge; Harvard, 1966. P. 54.

снабженные картами. Наконец, в «Шестодневе» епископа Бар-Кефы из Моссула (IX в.) присутствует небольшая карта Т-О-типа. Сохранились и развивающие позднеантичные традиции зонные карты: сирийская Эллаф кул-Эллана (конец XI в.), арабская аль-Хараки (1138 г.). Все они, безусловно, созданы под влиянием византийских образцов.

Византийские ученые предпринимали попытки подвести под картографию теоретический базис, используя античную географическую традицию. Михаил Пселл написал с этой целью специальную работу «О географической карте»¹. Это — руководство по составлению карты ойкумены, конечно, не самостоятельное, а представляющее собой выборку соответствующих эксцерптов из «Географии» Страбона. Однако Пселл, хорошо зная этот источник, весьма свободно комбинирует нужные ему фрагменты из разных книг (II, V, VII) с целью создания предельно сжатого и сугубо картографического пособия.

Как и в ранневизантийский период, географы использовали в работе глобусы («sphaerae»). От средневизантийской эпохи до нас дошел уникальный трактат о принципах изготовления глобуса, изображающего небесную сферу. Его автор Леонтий жил в Константинополе, вероятно, в начале VIII в. и был профессиональным мастером — изготовителем глобусов. Толчком к написанию трактата послужил заказ некоего Ельпидия Схоластика сделать для него глобус, поясняющий положения поэмы «Небесные явления» древнегреческого поэта-астронома Арата (около 315–240 гг. до н. э.). Леонтий выполнил заказ, а затем решил обобщить свой опыт в специальном руковод-

¹ Оpubл.: Περὶ τῶν γεωγραφικῶν πίνακος / *Lasser F.* Étude sur les extrait medievaux de Strabon suivie d'un traité inédite de Michel Psellus // *L'Antiquité Classique*, 1924. A. 28. Fasc. 1. P. 76–79.

стве, которое так и назвал: «Об изготовлении Аратова глобуса»¹. Работа Леонтия свидетельствует о значительных астрономических познаниях ее автора. Его сфера изображает все созвездия Зодиака и способна свободно вращаться вокруг своей оси. На глобусе обозначены небесный горизонт и меридиан. Следовательно, пользуясь глобусом Леонтия, можно не только составить себе представление о карте звездного неба, но и наглядно представить себе порядок суточного вращения небесной сферы. Леонтий, однако, замечает, что его глобус скорее является не моделью небесной сферы как таковой, а иллюстрацией к поэме Арата, так как, во-первых, Арат в своих астрономических воззрениях зависел от Евдокса Книдского, а Евдокс далеко не всегда был точен в своих выводах и заключениях; во-вторых, Арат, по словам его комментаторов, предназначал свою поэму морякам в качестве практического руководства, моряки же обычно ориентируются по звездам на глазок, не прибегая к помощи приборов. Трактат Леонтия содержит множество конкретных практических советов по производству глобусов: относительно необходимых материалов, инструментария, технологии и т. д.² Книга Арата представляла для европейских астрономов не только антикварный, но и чисто практический интерес вплоть до конца XVI в.³

Трактат Леонтия о небесной сфере, сам факт существования в столице империи мастерской, производив-

¹ *Leontii De preparatione sphaerae Aratae // Astronomica veterum scripta isagogica graeca et latina*. Heidelbergae, 1589.

² Подробнее см.: *Stewenson E. L. Terrestrial and Celestial Globes. Their History and Construction, including a Consideration of Their Value as Aids in the Study of Geography and Astronomy*. Vol. 1. New Haven, 1921. P. 21–23.

³ *Fiorini M. Erd- und Himmelsgloben, ihre Geschichte und Konstruktion*. Leipzig, 1895. S. 11–12.

шей глобусы, — несомненные доказательства их широкого распространения в Византии. В данном случае речь шла о глобусе звездного неба, но наверняка продолжали существовать и глобусы Земли (вроде того, о котором в V в. писал Юлий Гонорий). Конечно, использовать их могли только сторонники концепции сферичности Земли и небес.

Византийцы наряду с глобусом изготавливали и другие инструменты, применение которых требовало специальных географических познаний. В Музее христианской эры в Брешии находится византийская астролябия, сделанная в 1062 г. протоспафарием и консулом Сергием. На ней выгравирована надпись, указывающая, что прибор можно использовать лишь в трех «климатах» — на широте Родоса, Византия и Геллеспонта. Перед нами еще одно свидетельство популярности зонной теории среди византийских ученых¹.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в VII–XII вв. картография продолжала оставаться органической частью византийской географической науки. Распространены были карты-иллюстрации к географическим трудам: классическим античным (Птолемея, Марина Тирского), византийским (Косьмы Индикоплова), к текстам Священного Писания. Видимо, бытовали и более подробные региональные карты (Святой земли, предназначенные для паломников; морские и т. д.). Наконец, использовались глобусы. Мы вправе говорить о сохранении в Византии определенной части античного картографического наследия. Об этом свидетельствуют как сами имена географов, труды которых были снабжены картами, так и отдельные, к сожалению, крайне скудные сведения о внешнем виде этих карт (например, о сочетании предельной схематиза-

¹ *Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 102.*

ции географических очертаний с живописными изображениями и пояснительными надписями). Недостаток материалов не позволяет сделать четкое заключение о прогрессе византийской картографии в изучаемое время, но ясно, что она в основном сохранила свои прежние достижения и готова была передать их картографам будущих поколений.

* * *

Итак, средневизантийская эпоха стала весьма важным периодом в эволюции византийской географической мысли. В области теоретической космографии она ознаменовалась переменой основного ракурса рассмотрения географических реалий. В предшествующую эпоху проблемы теории землеустройства излагались почти исключительно в «Шестодневах» в связи со стремлением их авторов к созданию общехристианской модели мироустройства согласно канонам Библии. Здесь, как и в других областях науки и идеологии, патристика решила свою задачу, и потому в VII–XII вв. география в основном уходит со страниц византийских «Гексамеронов» — все более аллегорических и даже мистических, все менее занятых проблемами реального мира, хотя бы и в ирреальной богословской интерпретации. Реминисценции «гексамеральной» географии систематически встречаются в эту эпоху, пожалуй, лишь у хронистов — Симеона Логофета, Михаила Глики, Иоанна Зонары — и восходят к наиболее значительным византийским «Шестодневам»: Василия Великого, Григория Нисского, Севериана из Габалы. В средневизантийский период начинают создаваться крупные специальные космографические труды — трактаты Симеона Сифа и Евстратия из Никеи, соответствующие разделы «Всеобщего наставления» Михаила Псел-

ла. Это — произведения скорее дидактические, чем научные, скорее энциклопедические, чем исследовательские, но они уже суть памятники светской космографической мысли. Кроме того, важно, что некоторые из них посвящены космографии как таковой, а не только как одной из многих сфер «божественного творения». В этом можно видеть зачатки превращения космографии в особую область знания или, во всяком случае, в особую учебную дисциплину.

В мировоззренческом плане показательно, что именно в VII–XII вв. в сознании образованных византийцев окончательно утвердилась геоцентрическая концепция мироздания, идущая от Аристотеля и «освященная» авторитетом «великих каппадокийцев». Византийцы этого времени, конечно, знали Севериана из Габалы и сирийских экзегетов, продолжали читать Косьму Индикоплова. Но теорию плоской земли ни один заметный византийский мыслитель уже не принимал всерьез. Прозвище «мифотворца» (PG. T. 103. Col. 69), с легкой руки патриарха Фотия, стало сопутствовать Косьме Индикоплову в устах византийских интеллектуалов, и его «Христианская топография» осталась источником космографических сведений только для тех, кто не прошел курса обучения в византийских школах.

VII–XII вв. знаменательны и тем, что именно в данный период византийские космогония и география начинают оказывать непосредственное влияние на мирозерцание славянских народов: памятники «шестодневной» и дидактической космографии, труды Василия переводятся на их языки и, в первую очередь, способствуют созданию собственных славянских литературно-научных сочинений и сборников.

Глава 3

ПОЗНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Ученые палеологовского времени унаследовали от предшественников идею сферичности Земли и небес как единственно приемлемую для объяснения устройства Вселенной. Из этой идеи исходят авторы всех значительных астрономических произведений, созданных в поздней Византии, — Георгий Пахимер (в соответствующих разделах «Квадривиума»), Феодор Метохит (во «Введении в астрономию»); Димитрий Триклиний (в трактате «О луне»), Феодор Мелитиниот (в «Троекнижии») и др. Поздневизантийские ученые хорошо знали работы своих непосредственных предшественников — Михаила Пселла, Евстратия Никейского, Симеона Сифа (о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи XIII–XV вв.). В XIII в. Никифор Влеммид составил парафразу сочинения Симеона Сифа и включил ее под названием «История Земли» в свой учебник физики (GGM. II. P. 469–470). О высоком авторитете космографических концепций средневизантийского периода не только в самой империи, но и за ее пределами говорит тот факт, что в XV в. Константин Костенечский — болгарский книжник, работав-

ший при дворе сербского деспота Стефана Лазаревича (1389–1427), — подготовил хрестоматию «Отрывки по космографии и географии» на основе переведенных им с греческого на болгарский выдержек из произведений Симеона Сифа, Михаила Пселла и др.¹ Греческие ученые сохраняли интерес к Стефану Византийскому (VI в.): ссылки на его труд «Этника» встречаются у ряда авторов XIII–XV вв.²

Но особый пиетет географы поздней Византии испытывали к классическому античному наследию. Конкретные географические идеи древности продолжали жить в византийской научной традиции, продолжали изучаться и труды античных географов. Тот же Никифор Влеммид, опираясь на труд Дионисия Периегета, написал небольшое сочинение «Всеобщая география» (GGM, II. P. 458–468). В 40-х гг. XV в. эллинизированный итальянец из Фокеи Иоанн Канавутца (Канавуччи) подготовил обширный комментарий к труду другого Дионисия — знаменитого древнегреческого логографа Дионисия Галикарнасского³. Комментарий Иоанна Канавутцы представляет значительный интерес для истории географии. В связи с идеей Дионисия о переселении греческих племен в Италию Канавутца рассуждает об этнических миграциях, открытии полезных ископаемых, основании итальянских го-

¹ Оубл.: *Novaković S.* Odlomi srednjekovne kosmografije geografije // *Starine*, 1884. Т. 16. С. 41–56. О Константине Костенечком см.: *Дуйчев И.* За книжовното творчество на Константин Костенечки // *Известия на Института за българска литература*. С., 1954. С. 223–231.

² *Diller A.* The Tradition of Stephanus Byzantium // *Transactions of American Philological Association*. 1938. Т. 69. P. 338–348.

³ *Joannis Canabutzae...* in *Dionysium Halicarnassensem commentarius* / Ed. M. Lehnerdt. Leipzig, 1890.

родов. Им использована обширная географическая номенклатура¹.

Античная теория климатических поясов продолжала пользоваться популярностью в поздней Византии. Упоминания о климатах встречаются в сочинениях многих византийских авторов². В 1322 г. появился диалог «Гермипп, или Об астрологии», принадлежащий перу Иоанна Катрария³. Здесь климатическое учение легло в основу своеобразной концепции астрологического прогноза. По мнению Катрария, судьба каждого города (время его возникновения, расцвета, упадка и гибели) зависит от того, в какой климатической зоне он расположен и какая область небесной эклиптики «управляет» им. Сочетание климата и зоны эклиптики индивидуально для различных участков земной поверхности, и ему соответствует та или иная звезда, по местоположению которой можно судить о будущем города. Иоанн Катрарий приводит примеры действительности своей концепции. В сущности, его труд лежит в русле особой, квазинаучной, астрологической географии. Напомним, что в эпоху античности астрология и география вообще были тесно связаны между собой (неслучайно в развитии обеих колоссальную роль сыграло творчество Клавдия Птолемея). Эта взаимосвязь не прервалась и в поздней Византии, что нашло отражение

¹ *Diller A. Joannes Canabutzes // Byz, 1970. Т. 40. P. 271–275; Idem. Joannes Canabutzes and Michael Chrysococces // Ibid. 1972. Т. 42. P. 257 sqq.*

² *Honigmann E. Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙ-ΣΗΜΟΙ. Heidelberg, 1929. S. 98–99.*

³ *Anonymi christiani Hermippus de astrologia dialogus / Ed. W. Croll, P. Viereck. Lipsiae, 1895.*

Иоанн Катрарий (первая половина XIV в.) известен также как переписчик рукописей, географ-компилятор и автор стихотворного памфлета против некоего ритора Неофита.

в творчестве таких ученых, как Григорий Хиониад и Георгий Хрисококк. На опыт античных астрологов опирался, конечно, и Катрарий. Показательно, что его «Гермипп» долгое время относили к ранневизантийскому периоду¹.

Огромным авторитетом в области географии для ученых поздней Византии оставался Страбон. В известном сборнике эксцерптов из древних и византийских авторов, принадлежавшем Максиму Плануду, — «Общепольное собрание выдержек из разных книг» (Εὐναγογή: συλλεγεῖσα ἀπὸ διαφόρων βιβλίων... πάνυ ὠφέλιμος) — преобладают выдержки из «Географии Страбона»². Никифор Григора в свой «записной книжке» хранил эксцерпты из Страбона (как сделанные непосредственно из его труда, так и извлеченные из компендия Максима Плануда)³. В 1321/22 г. Иоанн Катрарий составил хрестоматию «Обозрение морских заливов нашей ойкумены, извлеченное из “Географии” Страбона» (Σύνοψις τῶν κόλπων τῆς καθ’ ἡμᾶς οἰκουμένης ἐκλέγεισα ἐκ τῆς γεωγραφίας Στράβωνος). Известна и другая, несколько более поздняя эпитама сочинения Страбона, составленная около 1350 г. (книги III–XVII, I–II)⁴. Страбона хорошо знает и цитиру-

¹ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897. S. 627.

² *Diller A.* The Textual Tradition... P. 89.

³ *Biedl A.* Der Heidelberger Cod. Pal. gr. 129-die Notizensammlung eines byzantinischen Gelehrten // Würtzburger Jahrbücher. Bd. 3. 1948. S. 100–106.

⁴ См. об этом: *Sbordone F.* Excerpta ed epitomi della Geographia di Strabone... P. 204–205. Существует еще ряд незначительных собраний эксцерптов из Страбона в рукописях XIV–XV вв. См., например: *Lasserre F.* Etude sur les extraits médiévaux de Strabon suivie d’un traite de Michel Psellus // Antiquite Classique, 1959. T. 28, fasc. 1. P. 41–42.

ет Феодор Мелитиниот. В XIV в. «Географию» Страбона скопировал Никифор Григора. В начале XV в. ее переписывал в Константинополе Георгий Хрисококк. В 1438 г. Виссарион Никейский увез рукопись «Географии» с собой в Италию. Более десяти экземпляров «Географии» Страбона было вывезено из Византии на Запад в первой половине XV в. Византийские географы старались примирить Страбона и Птолемея, используя сочинения одного географа для исправления другого. Знаменитый кодекс Птолемея (Vat. Urb. gr. 82) испещрен эксцерптами из Страбона, комментирующими текст¹. Страбоновская традиция греческой книжности продолжалась в поствизантийскую эпоху, и даже в XVI в. инок монастыря Св. Анастасия на Халкидике Иоаким Анастасиот писал географический трактат на основе Страбона.

В поздней Византии возродился интерес к творчеству Клавдия Птолемея. Его труды имел в своей библиотеке Максим Плануд, который затратил много сил на их изучение и восстановление научного авторитета античного географа. Сохранилась эпиграмма Плануда, в которой он выражает радость по поводу находки текста Птолемеевой «Географии»². Император Андроник II заказал для себя рукопись «Географии» с картами (копия была выполнена для него александрийским патриархом Афанасием). «Альмагест» Птолемея цитировался в «Квадривиуме» Георгием Пахимером. В XV в. рукопись «Географии» Птолемея находилась в библиотеке Иосифа Вриенния. Птолемея копировал Иоанн Хортасмен³. Сохранились схолии

¹ Diller A. The Textual Tradition... P. 91.

² Nobbe C. F. A. Claudii Ptolemaei Geographia. I. Lipsiae, 1843. P. IX, XXI.

³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 513.

к «Географии» Птолемея, приписываемые Никифору Григоре¹. Византийцы переписывали извлеченные из «Географии» списки городов ойкумены с указанием их координат (так называемые πόλεις ἐπίσημοι, «обозначенные города»)². По-видимому, эти списки использовались при составлении карт. Хотя как авторитет в области конкретной географии Птолемей в представлении византийцев несколько уступал Страбону, однако в теоретической сфере он сохранял пальму первенства: сведения о принципах деления земной поверхности, измерении Земли, климатических поясах и т. п. ученые поздней Византии черпали из его трудов. «География» Птолемея была незаменимым пособием для создания географических карт.

В плане изучения птолемеевской традиции в Византии особый интерес представляет небольшое недатированное произведение — «Сокращенный очерк сферической географии» (Διάγνωσις ἐν ἐπιτόμῃ τῆς ἐν τῆσ σφαιραγεωγραφίας — (GGM. II. P. 488–493). Очерк был составлен в учебных целях и адресован некоему школьнику Филону. Он содержит извлеченные из «трудов» Птолемея сведения о протяженности ойкумены в стадиях и градусах, о движении Солнца, часовом делении земной поверхности, равноденствии и солнцестоянии, о климатических поясах, в которых лежит ойкумена, и проходящих через нее параллелях. Оригинальность этого памятника состоит в том, что он снабжен чертежами, иллюстрирующими положения теории Птолемея. На чертежах пред-

¹ *Tuder L. O. Studies in the Geography of Ptolemy // Annales Acad. Scient. Fenn. Ser. T. 21, N. 4, B., 1927–1928. P. 12–24.*

² *Honigmann E. Op. cit. P. 193–194, 224.* Здесь изданы два таких списка.

ставлены земной круг с экватором, полюсами и климатическими зонами, Вселенная в разрезе (в плоскости земного и небесного экватора) с разделением на часы, круг небесный с обозначением зон Зодиака и их проекций на круг земной. Таким образом, уже в школе византийцы знакомы с птолемеевской географией, используя достаточно сложные географические схемы. Очерк не поддается точной датировке. Некоторые исследователи считают его ранневизантийским памятником¹. Однако О. Диллер показал, что очерк зависит от собрания карт к «Географии» Птолемея, известного только по поздневизантийским рукописям (см. ниже), и, следовательно, появился не раньше этого собрания². Поэтому весьма вероятно, что очерк — произведение поздневизантийской географии³. Редкостным памятником технической графики палеологовской эпохи являются дошедшие до нас в составе очерка чертежи Вселенной.

Все сохранившиеся византийские манускрипты Птолемеевой «Географии» относятся к последним столетиям

¹ *Polaschek E.* Ptolemaios als Geograph // RE, Suppl. Bd. 10. Kol. 800.

² *Diller A.* The Anonymous Diagnosis of Ptolemaic Geography // Classical Studies in honour of W. A. Oldfather. Urbana, 1943. P. 48.

³ В. Вольска-Коню обнаружила в тексте «*Διάγῳσις*» некоторые параллели с «Христианской топографией» Космы Индикоплова (при несомненной противоположности теоретических установок их авторов) и выступила на этом основании в пользу ранней датировки памятника. См.: *Wolska-Konus W.* Deux contributions à l'histoire de la géographie: I. La diagnosis ptoléméenne: date et lieu de composition; II. La «Carte de Theodose II»: la destination // ТМ, 1973. Т. 5. P. 259–280. Отметим, однако, что создатель «*Διάγῳσις*» в принципе мог познакомиться с книгой Космы Индикоплова и в поздневизантийское время.

истории империи (XIII–XV вв.)¹. Некоторые из них снабжены картами. В ряде рукописей карты образуют своеобразный атлас, состоящий из карты мира и 26 региональных карт. Переписчики включают атлас в текст VIII книги «Географии». В других случаях текст иллюстрирован 65 картами, рассредоточенными по всей книге (1 карта мира, 64 — региональные). В современной науке за первой редакцией закрепилось название «версия А», за второй — «версия В»². Вопрос об авторстве обоих собраний карт спорен. Неизвестно, составлял ли сам Птолемей карты к «Географии». Происхождение версии А иногда связывают с именем александрийского картографа Агатодемона (о нем упоминается в некоторых рукописях «Географии» Птолемея). Впрочем, предполагают, что Агатодемон составил только карту мира, на основе которой уже в Византии были созданы 26 региональных карт. Эта работа была, по-видимому, осуществлена в XIII в. в окружении Максима Плануда³. С деятельностью Максима Плануда и его учеников можно связать и возникновение версии В. Ее 64 региональные карты составлены в несколько иной проекции по сравнению с редакцией А. Карта мира в

¹ Исходя из общепризнанной точки зрения, что «География» написана Птолемеем, мы не касаемся гипотезы Л. Багрова о византийском происхождении трактата «География», якобы приписанного Птолемею. См.: *Bagrow L. History of Cartography. Cambridge, 1966. P. 35.*

² *Fischer J. Claudii Ptolemaei Geographiae Codex Urbinae graecus 82. Lipsiae, 1932; Dilke O. A. W. Cartography in the Byzantine Empire // The History of Cartography / Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago; L., 1987. Vol. 1. P. 269–273; см. также: Schnabel P. Texte und Karten des Ptolemäus. Leipzig, 1938 (с иным обозначением двух редакций атласа).*

³ *Bagrow L. Op. cit. P. 34–35; Diller A. The Parallels on the Ptolemaic Mars // Isis, 1941. T. 33. P. 4–7.*

обоих случаях одна и та же. В одной из рукописей XIV в. (Cod. Ambros. Gr. 997) к 64 картам редакции В добавлены еще 4 карты (они воспроизведены также в двух манускриптах, зависимых от Cod. Ambros. Gr. 997). Это карты частей света: Европы, Ливии, Азии. (Последняя в согласии с античными принципами вдвое больше других частей света и потому представлена на двух картах: Северной и Южной Азии.) Составителем, бесспорно, являлся византийский картограф. К. Миллер полагал, что им был Никифор Григора¹. Упомянутые карты частей света имеют сетку параллелей и разделены на климатические зоны. Своеобразие их состоит в том, что ширина географических поясов, заключенных между двумя параллелями, постепенно увеличивается (от 42 до 100 мм). Иными словами, Земля представлена в оригинальной проекции, напоминающей проекцию Герарда Меркатора (1512–1594), появившуюся на Западе на 200 лет позднее.

Карты к «Географии» Птолемея, относящиеся к обеим редакциям, — это выдающиеся памятники византийской картографии. Они оказали заметное влияние на развитие картографии в странах Западной Европы. «География» Птолемея впервые появилась на Западе в начале XV в. (1406 г.) в переводе Якопа д'Анжело (ученика Мануила Хрисолора), осуществленном в Италии по византийской рукописи. Карты (версия А) были переведены на латынь Франческо ди Лапакчино и Доменико Бонинсеньи не позже 1409 г.; потом они неоднократно копировались и легли в основу карт европейских мастеров, иллюстрировавших Птолемею «Географию». Впервые «География» была издана типографским способом вместе с гео-

¹ *Miller K.* Die ältesten Separatkarten der 3. Erdteile, wahrscheinlich von Nikephoros Gregoras im 1350 in Konstantinopel entworfen. Stuttgart, 1931.

графическим атласом. С появления переведенной на латинский язык «Географии» Птолемея и сопровождающего ее атласа мира начинается, в сущности, история европейской картографии Нового времени¹.

Птолемеевская и Страбоновская линии в развитии византийской географии переплетались и взаимодействовали, дополняя друг друга. Великолепным знатоком творчества Птолемея и Страбона был выдающийся византийский мыслитель Георгий Гемист Плифон. Свидетельством его интереса к Страбону являются несколько составленных им книг эксцерптов из «Географии» этого античного ученого под общим заглавием «Из географических книг о Земле и форме ойкумены». Считается, что этих книг пять, однако еще в 1937 г. О. Диллер обратил внимание на то, что вторая книга, в сущности, представляет собой небольшой самостоятельный трактат, где разбираются ошибочные, по мнению Плифона, утверждения античного географа². Трактат под названием «Исправления некоторых неверных утверждений Страбона» задуман в качестве комментария к I книге эксцерптов («Об очертании обитаемой части Земли»), где собраны выдержки из II книги «Географии» Страбона (*Strab.* II. 118–131). К стоявшей перед ним задаче Плифон подошел чисто рационалистически: игнорируя популярные в византийской и античной литературе географические мифы (о чудовищных людях, счастливых индийских брахманах и т. п.), он опирается на конкретные сведения, считавши-

¹ *Codazzi A.* Le edizioni quattrocentesche e cinquecentesche della «Geographia» di Tolomeo. Milano; Venezia, S. a; *Lynam E.* The First Engraved Atlas of the World. The Cosmografia of Claudius Ptolemaeus. Bologna, 1477. Jenkinton, 1941.

² *Diller A. A.* Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // *Isis*, 1984. Т. 75. Р. 441–451. Текст трактата опубликован здесь же (Р. 442–446).

еся в его эпоху совершенно достоверными. Как отмечал издатель трактата, даже ошибки Плифона «носят научный характер и не зависят от предрассудков»¹. Главным источником верифицированной географической информации для Плифона явились труды Птолемея, и его комментарий с некоторыми дополнениями предлагает читателю исправления представлений Страбона на основе положений Птолемея. Уже в 1-м параграфе трактата Плифон, ссылаясь на Птолемея, указывает, что Каспийское море представляет собой озеро, а не залив океана. Сведения Птолемея он использует также при описании Южного океана (§ 8), при характеристике Восточной Европы (§ 6), Индии и Китая (§ 7) и т. д. В последнем случае византийский энциклопедист повторяет ошибочные сообщения Птолемея о Стране серов и Стране синов. (Плифону, по всей вероятности, остались неизвестными итоги путешествий Марко Поло.) Опираясь на Птолемея, Плифон уточняет границы между Азией и Африкой (Ливией), считая рубежом между ними «Аравийский залив» (Красное море), а не реку Нил. В некоторых (впрочем, немногих) случаях Плифон проявляет самостоятельность и высказывает на основании собственных умозаключений суждения, противоречащие традициям древних классиков. Наиболее показательный пример — его возражения Страбону относительно необитаемости тропического пояса Земли. Отмечая, что экваториальные области Африки населены эфиопами, а густонаселенный о-в Тапробана (Цейлон) также частично расположен южнее экватора (здесь Плифон ошибается), византийский ученый заявляет, что вся тропическая зона обитаема (§ 2). В двух

¹ Неслучайно Плифон отмечает, что не знает точно, где расположена «Противолежащая земля» — «антихтон», и не включает в состав ойкумены «Острова блаженных» (§ 9).

случаях Плифон использует не Птолемея, а другие, более современные источники. Он описывает Скандинавию на основе карты, которую ему показал итальянский гуманист Павел Флорентиец (Паоло Тосканелли). Тот же, в свою очередь, получил ее из рук некоего датчанина¹. Благодаря использованию этой карты Плифон имел возможность сообщить читателям ряд сведений о Скандинавии, не фигурировавших прежде в византийской литературе. Скандинавский полуостров, именуемый в тексте «остров Датия», Плифон отличает от Фуле, под которым, вероятно, подразумевает Исландию. С севера Датию омывают воды пролива, отделяющего ее от необитаемого материка, над которым в течение значительной части года властвует полярная ночь. В этом «материке» легко угадать Гренландию, прежде совершенно неизвестную византийцам.

Второй случай, когда Плифон отступает от Птолемея, связан с описанием территории нашей страны. Автор именует ее Росией (Ρωσία), отмечая, что в древности она называлась Сарматией. Здесь, на северо-востоке, граница ойкумены проходит по берегу Венедского залива, «называемого местными жителями Холодным морем», в котором живут «рыбы земноводные с большими белыми клыками». Так впервые в византийской литературе появляются сведения о Белом море, а заодно и о живущих в нем моржах. В Венедский залив впадает река Тивин (первое в грекоязычной литературе упоминание о Северной Двине), причем линию от нее до истоков Танаиса Плифон

¹ По господствующей в настоящее время версии, это был датский географ Клауссон Сварт (Клавдий Клав). См.: *Björnbo P. Der Däne Clausson Swart (Claudius Clavus), der älteste Kartograph des Nordens, der erste Ptolemäusepigon der Renaissance.* Innsbruck, 1909.

считает границей между Европой и Азией. Населяют побережье Венедского залива пермии, народ, «живущий охотой», а восточнее и южнее их живут мордивы и месторы. Месторы кормятся рыбой из озер в истоках реки Рас (Волга). Этнонимы Плифона поддаются достаточно точной идентификации. Речь идет об угорских народах: пермяках (коми), мордве и мещере. Область расселения мещеры (верхнее течение Волги) обозначена достаточно точно. Источники сведений, сообщаемых Плифоном о географии и народах Северной и Восточной Руси, до сих пор не установлены. Возможно, эти сведения нашли отражение на не дошедшей до нас карте Клавдия Клава. Высказывалось мнение, что с ними мог познакомить византийцев митрополит киевский Исидор¹. Следует отметить, что ученик Плифона Лаоник Халкокондил приводит в своей «Истории» сходные данные о России. Во всяком случае, благодаря Плифону они впервые были включены в круг представлений образованных греков.

Трактат Плифона «Исправление некоторых неверных утверждений Страбона» был написан вскоре после возвращения автора с Ферраро-Флорентийского собора. Столкнувшись с тем, что западноевропейские гуманисты, прекрасно знакомые с Птолемеем, практически не знали Страбона, Плифон решил способствовать популяризации на Западе столь почитаемого в Византии географа и с этой целью составил сборник его эксцерптов. Трактат об ошибках Страбона Плифон завершил замечанием: ошибки эти незначительны, и написанное Страбоном по большей части верно (§ 10). Так посредством трактата Плифона византийская ученая мысль передавала Западной

¹ См. подробней: *Гукова С. Н.* К вопросу об источниках географического трактата Плифона // ВВ, 1983. Т. 44. С. 91–92. Здесь же русский перевод трактата (с. 94–97).

Европе традицию использования и почитания одного из выдающихся географов античности.

Источниками географических сведений для византийцев всегда являлись не только собственно географические сочинения, но и памятники, относящиеся к другим, смежным дисциплинам. Это обуславливалось, в частности, идейным и структурным единством всей сферы позитивного знания в представлении византийских интеллигентов. Не составляла исключения и поздневизантийская эпоха. Труды историков того периода (Георгия Пахимера, Никифора Григоры и др.) содержат ценную географическую информацию (см., например, экскурсии о Ногае и тохарцах у Пахимера (*Pachym. V. 4*) или о происхождении болгар у Григоры (*Greg. II. 2*)). Особый интерес в этом плане представляет «История» Лаоника Халкокондила, свидетельствующая о значительном расширении пространственного кругозора византийцев к XV в.

Лаоник Халкокондил систематически включает в свой труд географическую информацию современного происхождения, не освященную авторитетом ученых древности. В качестве примера остановимся на его так называемом «русском экскурсе» (*Chalc. I. 122. 5–126. 9*). Рассказывая о России (именуемой в тексте Сарматией), Халкокондил указывает, что ее население говорит на иллирийском языке; «иллирийцами» же автор называет жителей Боснии. Таким образом, перед нами прямое указание на языковое славянское родство населения России и Боснии. Специально отмечено при этом, что жители Сарматии придерживаются греческой, а не римской веры. Халкокондил сообщает, что в России существует ряд княжений, в том числе Москов, Киев, Тверь, вероятно, Псков¹, а также город Ункратис на берегу океана, имеющий аристократическое

¹ См.: Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ, 1962. Т. 21. С. 62–63.

правление (несомненно, Новгород). Рядом с ним лежит страна Лифляндия (Ἰνφλάντη), куда приходят корабли из Дании, Германии, Британии и от кельтов. На восток от русских живут пермии (ср. у Плифона), которые кормятся за счет охоты. На Западе расположена Пруссия, страна священников, населенная «назарями в белых одеяниях», немцами по происхождению (речь идет о Тевтонском ордене). Далее упоминаются жемайты, богемы (чехи), поляки, затем — литовцы, занимающие территорию вплоть до Черного моря (как известно, территория Литвы действительно расширилась до Черного моря при великом князе Витовте — 1392–1430). Вслед за Литвой упоминается Черная Богдания (так Халкокондил называет Молдавию). В конце экскурса историк касается вопроса о происхождении славян, но не берется решить, иллирийцы ли переселились в другой конец Европы и расселились в Польше и Сарматии, или, наоборот, сарматы перешли на этот берег Дуная и расселились в Мезии, в стране трибаллов, а также в стране иллирийцев (Ibid. I. 126. 2–9). По-видимому, автор не был знаком с византийской исторической и житийной литературой эпохи расселения славян на Балканах¹. Все сведения о территории России, приводимые Халкокондилом, относятся к 40-м — началу 50-х гг. XV в., т. е. почерпнуты из современных автору источников. «Русский экскурс» Халкокондила имеет исключительное значение для исследования географического кругозора византийцев эпохи падения империи².

¹ Диттен Г. Указ. соч. С. 88–89.

² «Русскому экскурсу» Халкокондила посвящены специальная монография Г. Диттена (*Ditten H. Der Russland-Excurs des Laonikos Chalkokondiles. В., 1968*), а также цитировавшаяся выше его статья, представляющая собой сокращенный вариант книги.

Но этот экскурс не единственный: к истории России имеет непосредственное отношение и «скифский экскурс», где рассказывается о Золотой Орде, о татарах улуса Джагатая (Σαχαιταῖοι), о крымских татарах и т. д. (Ibid. I. 118. 9–130. 17). Автор знает, что татары некогда поработили сарматов (русских) и принудили их ежегодно платить дань «Великому царю скифской Орды». Ему известно, что татары Крыма во главе с ханом Хаджи-Гиреем (Ἀτζικερίης) часто совершают набеги на «черкесов, мингрелов и сарматов». Халкокондил обращается к географии Сарматии в связи со скифской темой, и охарактеризованный выше «русский экскурс» находится внутри «скифского». Большой интерес для историков Кавказа представляет «грузинский экскурс» (Ibid. II. 223. 6–15), ряд экскурсов Халкокондила посвящен Западной Европе (Испании, Германии)¹. Таким образом, «История» Халкокондила является не только историческим повествованием, но и значительным памятником географической мысли, отражающим уровень географических знаний в поздней империи.

Элементы классической образованности на протяжении всей истории Византии являлись органической частью ее собственной культуры. Поэтому, в частности, византийские авторы систематически использовали в сво-

¹ См. подробнее: *Веселаго Е. Б.* Известия Лаоника Халкокондила об албанцах // ВВ, 1956. Т. 10. С. 133–160; *Ditten H.* Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles. Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio, 1965. Т. 43–45. S. 185–246; *Idem.* Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands — Exkurs // BF, 1966. Bd. 1. S. 49–75; *Idem.* Spanien und die Spanien im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // Helikon, 1963. Т. 3. S. 170–195.

их сочинениях и компиляциях географическую номенклатуру. В то же время многие давно исчезнувшие наименования уже в средневековый период были не знакомы читателям, что затрудняло понимание как античных, так и собственных византийских текстов. В этой ситуации возникла потребность в специальных справочниках. Ответом на нее стало появление метономасий (μετονομασίαι) — таблиц, включающих в себя древние наименования географических объектов и их византийские соответствия. Сохранилось пять таких метономасий¹. Первая (метономасия А) была составлена на рубеже XII и XIII вв. Она сопутствует тексту трактата «О фемах» Константина Багрянородного в двух рукописях XIII в. Три другие метономасии (В, С и D) — более позднего происхождения. Метономасия В, видимо, не древнее XIV в., С относится к XV в., D, вероятно, к XVI в. Текст А содержит 29 параллельных (античных и византийских) наименований, текст В повторяет 17 названий из текста А и прибавляет к ним 53 новых, метономасии С и D представляют собой сокращенные варианты В с некоторыми добавлениями. Составитель первой метономасии опирался главным образом на труды византийских авторов XI–XII вв.² В дальнейшем круг источников метономасий заметно расширился за счет использования поздневизантийских произведений. В XIV в. была предпринята попытка составления на основе произведений античных авторов самостоятельной, пятой метономасии, не зависимой от текстов А и В.

¹ Diller A. Byzantine Lists of Old and New Geographical Names // BZ, 1970. Bd. 63. P. 27–42 (издание и комментарий).

² Ibid. P. 41. А. Диллер полагает, что данный текст не является оригинальным, но сам представляет собой брeвиарий более обширной метономасии.

Составитель использовал данные Плутарха, Страбона, Стефана Византийского и др.¹ Не все предлагаемые в метономасиях топонимические параллели достоверны. Важно, однако, что эти своеобразные справочные пособия, пусть в достаточно узкой области географии, сыграли роль связующего звена между отдаленными друг от друга эпохами греческой истории: классической древностью и последними столетиями существования Византийской империи.

В Византии (как и в эпоху античности) наиболее важным в утилитарном отношении типом географических произведений были итинерарии и периплы. К сожалению, от позднего времени до нас дошло очень немного памятников этого рода. Среди них — анонимный, до сих пор не изданный и практически не исследованный итинерарий от Кипра до Тавриза, известный в рукописи XV в. (Cod. Paris. gr. 1712. Col. 424)². В жанре перипла выполнен отчет о плавании из Константинополя в Сиракузы видного церковного деятеля, будущего митрополита Киевского, а позднее кардинала Исидора (1429). В строгой лаконичной манере автор сообщает о ходе путешествия, о стоянках, смене направлений ветра и т. д. По мнению Э. Патлажан, сохранившийся текст представляет собой часть не дошедшего до нас более обширного отчета о неизвестной дипломатической или церковной миссии³.

К числу периплов может быть отнесено и описание самого дальнего путешествия в страны Западной Европы, когда-либо предпринятого византийцами. Некто Ласка-

¹ Diller A. Byzantine Lists... P. 42.

² Antoniadis-Bibicou H. Sources byzantines pour servir a l'histoire maritime // Sources de l'histoire maritime en Europe du Moyen Âge au XVIIIe siècle. 4e colloque d'histoire maritime. P., 1962. P. 126.

³ Médiévales: langue, textes, histoire. Toutes les routes mènent a Byzance / Ed. E. Patlagean. P., 1987. P. 9.

рис Канан совершил плавание по странам Скандинавии, а вернувшись, составил его краткий очерк¹. Рукопись сочинения была обнаружена в 1876 г. в Вене Сп. Ламбросом. Исходя из содержания, сочинение Ласкариса Кана на датируют периодом между 1418 и 1448 гг. Г. Хунгер относит его ко времени Флорентийского собора².

Ласкарис Канан сообщает, что он объехал весь западный берег Европы и, войдя в Венедский залив (Балтийское море), двинулся вдоль его северного побережья. Он прошел вдоль берегов Норвегии и Швеции, повернул на Запад, миновал Ливонию, Пруссию, Померанию, Шлезвиг, Данию и Британию. Отсюда он совершил поездку в Исландию и вновь возвратился в Британию. Путешествие, совершенное Кананом, замечательно по сложности и смелости. Правда, поскольку его описание составлено с практическими целями (это пособие для моряков), оно чрезвычайно лаконично и полностью лишено личного, авторского начала в восприятии экзотической для византийца скандинавской действительности. Интересно, однако, проследить, какие именно явления показались мореплавателю столь значимыми, что информацию о них он вопреки традициям жанра включил в перипл.

Ласкарис Канан начинает с того, что сообщает протяженность берегов и ширину Балтийского моря в итальянских и греческих милях (сведения, вполне уместные в перипле), а затем переходит к описанию побережья. С этого момента в его изложение начинают проникать известия о политическом устройстве, реже — об экономи-

¹ *Laskaris Kananos. Reseanteckningar från de nordiska länderna. Swärre Byzantinska skrifter, utgifna och kommenterade af Vilh. Lundström; Upsala; Leipzig, 1902; см. также: Васильев А. А. Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландии. Харьков, 1914. Здесь же — русский перевод текста (с. 4–6).*

² *Hunger H. Op. cit. Bd. 1. S. 519.*

ке и быте прибалтийских государств. В Норвегии, где автор посетил Берген, он отмечает отсутствие в обращении чеканной монеты (торговля здесь оставалась меновой), а также тот факт, что в течение месяца (с конца июня до конца июля) тут длится полярный день. Очевидно, византийский путешественник побывал в Норвегии именно в это, наиболее подходящее для плавания время. Говоря о Швеции, Канан указывает, что здесь, в Стокгольме, чеканится монета из нечистого серебра, а также что Швеция, как и Норвегия, находится под властью датского короля (политическая ситуация, возникшая после Кальмарской унии 1397 г.). В Ливонии упоминаются Рига и Ревель, говорится о том, что управляет городами архиепископ, а страной — «дукс — великий магистр белых одеяний и черного креста» (ἄρχεται πρὸ τοῦ δουκὸς μεγάλου μαϊστορὸς τῶν λευκῶν ἐνδυμάτων καὶ τοῦ μέλανος σταυροῦ). В Пруссии упомянут Данциг, а вслед за ним — Любек, лежащий в Стлавунии. Канан указывает, что отсюда происходят живущие на Пелопоннесе зигиоты и что на языке зигиотов говорят во многих местностях прибалтийской Стлавунии¹. Далее Канан отмечает, что в Дании есть город Копенгаген (Κοπλανάβε), являющийся резиденцией короля. Двигаясь вдоль побережья Балтии, Ласкарис Канан, по-видимому, лично побывал во всех упомянутых им портовых городах. Отдельно описана поездка в Исландию. Именно ее, по мнению Канана, имел в виду Птолемей под именем Фуле. Византиец провел там 24 дня, общался с «сильными и крепкими людьми» — «ихтиофагами». В Исландии в то время царил шестимесячный полярный день. Завершается перипл Ласкариса Канана сообщением о расстоянии в милях от Бергена до Слейса во Фландрии и отсюда до Португа-

¹ По весьма правдоподобному предположению А. А. Васильева, зигиоты Пелопоннеса — это славяне, жившие с VI–VII вв. в горах Тайгета. См.: *Васильев А. А. Указ. соч. С. 78–80.*

лии (видимо, потому, что к северу от Португалии начинались земли, практически неизвестные византийским морякам). Ласкарис Канан впервые в византийской географической литературе дал самостоятельное описание морского пути по Балтийскому и Северному морям на основе собственных впечатлений. Таким образом, известия античных авторов о «Крайней Фуле» были выверены современными данными и утратили многовековую монополию в византийской географии. Нам неизвестно, совершал ли Ласкарис Канан путешествие на собственном корабле и со своей командой или (что более вероятно), оказавшись в Англии, принял участие в двух плаваниях местных моряков. Но независимо от этого странствия Ласкариса Канаана и оставленный им перипл должны быть оценены как крупные явления в истории византийского мореплавания.

Особую научную проблему составляет вопрос о происхождении грекоязычных портоланов, относящихся к XVI в. и близких по форме к некоторым византийским периплам. Они составлены под явным итальянским влиянием, причем в эпоху, когда итальянские и каталонские мореплаватели действительно систематически использовали портоланы. Ввиду этого задача историков состоит в том, чтобы выяснить, следует ли объяснять возникновение греческих портоланов чистым заимствованием, или их авторы могли опираться и на какую-то собственную, византийскую традицию.

Историки, придерживающиеся последней точки зрения, чаще всего ссылаются на замечательный памятник византийского мореходного искусства — так называемый «Стадиасм, или Перипл Великого моря» (GGM, I. P. 427—514)¹. Точно датировать «Стадиасм» не представляется возможным. Большинство специалистов относят его к

¹ Памятник существует в единственной рукописи X в., хранящейся в Мадриде и принадлежавшей в XV в. греческому

ранневизантийскому времени (GGM, I. P. CXXVIII)¹, некоторые — к VIII–IX вв.²

гуманисту Константину Ласкарису. «Стадиасм» является подробным периплом Средиземного и Черного морей. В нем описывается побережье Северной Африки от Александрии до Геракловых столбов. Затем, вновь начиная от Александрии, автор последовательно характеризует берега Малой Азии и европейское побережье с Востока на Запад вплоть до Гадеса. Таким образом, исходной точкой для автора перипла служила Александрия, поэтому иногда считают, что он был ее уроженцем. Венчают изложение описания береговой линии островов Кипра и Крита. «Стадиасм» дошел до нас со значительными лакунами, но мы знаем, как он выглядел полностью, ибо во введении автор привел подробный план своей работы. Расстояния между отдельными населенными пунктами составитель перипла выражает в стадиях (отсюда и название памятника). А. Норденшельд установил длину используемой им стадии и показал, что 10 стадий соответствуют 1 минуте, а 600 стадий — 1 градусу (*Nordernskiöld A. E. Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions. Stockholm, 1897. P. 14*). Кроме расстояний, автор сообщает много необходимых морякам сведений: о наличии в тех или иных местах портов, пристаней, гаваней и рейдов, о якорных стоянках, скалах, утесах и мелях, глубинах вблизи берега и характере берегов (пологие или крутые, лесистые или песчаные и т. д.). Указаны источники пресной воды и приметы, по которым можно их обнаружить, расположение города или гавани относительно направления господствующих ветров. Заключительные описания Кипра и Крита, возможно, не принадлежат автору основной части «Стадиасма», а представляют собой отдельные периплы, компилятивно к ней присоединенные.

¹ Например, к IV–V вв. См.: *Nordernskiöld A. E. Op. cit.* P. 10. Впрочем, К. Кречмер полагал, что «Стадиасм» возник, «вероятно, позднее IV–V вв.». См.: *Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik. B., 1909. S. 159–163.*

² См.: *Чудиновских Э. И. Греческие портуланы как источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья XV–XVI вв. // АДСВ, 1965. Т. 3. С. 74.*

«Стадиасм» — один из наиболее подробных и тщательно подготовленных греческих периплов. По составу содержащейся в нем информации он очень близок к портоланам. Главное свойство, отличающее «Стадиасм» от классического перипла и сближающее его с портоланами, — приводимая им характеристика основных мореходных маршрутов, начинающихся из одного порта и рассчитанных не только на каботажное, но и на дальнее морское плавание (например, указана протяженность 25 морских курсов от острова Родос, 16 — от острова Делос и т. д.). Второе важное обстоятельство — соответствие принятой автором «Стадиасма» единицы измерения расстояния Птолемеевой географической минуте, что также не свойственно периплам. По содержанию «Стадиасм» напоминает некоторые известные грекоязычные портоланы.

Опираясь на «Стадиасм», можно утверждать, что в поздней Византии существовала собственная географическая традиция, способная стимулировать появление средиземноморских лоций типа портоланов. В пользу этой точки зрения говорят и следующие факты. Как известно, итальянские и каталонские портоланы снабжались морскими картами, также именовавшимися портоланами. Немецкий исследователь Г. Вагнер показал, что карты-портоланы построены на использовании не обычной итальянской морской мили (ок. 4850 футов), а более короткой греческой (ок. 4150 футов). Кроме того, для портоланов характерен ряд неточностей в ориентации географических объектов, восходящих к «Географии» Птолемея, которая не была известна в Западной Европе вплоть до XV в. Эти факты позволили Г. Вагнеру заключить, что в основе западных карт-портоланов лежат не сохранившиеся до нашего времени византийские образцы¹. Изучив за-

¹ *Wagner H.* The Origin of the Medieval Italian Nautical Charts // Reports of the Sixth International Geographical Congress. L., 1966. P. 698, 700, 702.

падноевропейские портоланы, Р. Тули пришел к выводу, что прототипами их карт являются карты Марина Тирского, сохранные с некоторыми изменениями в византийских копиях¹.

Вместе с тем несомненно, что в основу дошедших до нашего времени греческих портоланов легли некоторые итальянские портоланы и итальянские же географические сочинения. Особую роль в качестве источника сведений по кораблевождению в Архипелаге (острова Эгеиды) играла «Книга островов» («*Liber insularum*») итальянского географа Кристофоро Буондельмонти, переведенная на греческий язык в XV в.².

Таким образом, тесная взаимосвязь итальянских и позднегреческих портоланов не вызывает сомнений, и в их возникновении сыграли роль как западные, так и византийские географические традиции. Можно предполагать, что портоланы существовали и в эпоху Византийской империи, хотя их сохранившиеся образцы относятся ко времени не ранее начала XVI в. Известны восемь греческих портоланов XVI столетия: из них семь оригинальных (хотя и со следами итальянского влияния), восьмой представляет собой перевод итальянского портолана.

Очень подробный портолан I (по нумерации издателя) описывает Восточное Средиземноморье «От Венеции до Карамании» (южный берег Малой Азии) (*Delatte. Portul. I. P. 1–184*). Последовательно характеризуются береговая линия, порты, гавани, мореходные маршруты на пути из Венеции — вдоль Далмации, Албании, Иони-

¹ *Tooley R. V. Maps and Map-Makers. L.; N. Y.; Toronto; Sydney, 1949. P. 15.*

² *Luzzati Lagana F. Sur les mers grecques: un voyageur florentin du XVe siècle, Cristoforo Buondelmonti // Médiévales... P. 67–78.*

ческих островов, Мореи, Крита, Кипра и островов Архипелага, Египта, Палестины, Сирии — в Малую Азию. Все расстояния даются в греческих морских милях. В некоторых рукописях к портолану присоединен перипл, охватывающий побережье Греции, Македонии, Фракии, Мраморного и Черного морей.

Портолан II (*Ibid.* P. 185–258) описывает тоже восточную часть Средиземноморья и в ряде случаев дословно совпадает с первым; иногда, однако, предлагаются другие мореходные маршруты. Исходным пунктом выступает Венеция, затем описывается побережье Греции, Мраморного и Черного морей. Охватывающий приблизительно ту же часть побережья Средиземноморского бассейна портолан III совершенно независим от двух первых (*Ibid.* P. 259–307). При этом он обнаруживает совпадения с некоторыми фрагментами итальянского портолана Пьетро де Версиса, причем оба они зависят от неизвестного общего источника.

Портолан IV (*Ibid.* P. 308–318) дает описание маршрута, по которому мореплаватели могли пересечь Средиземное море; портолан V (*Ibid.* P. 319–334) характеризует побережье Италии и зависит от соответствующих итальянских памятников; портолан VI (*Ibid.* P. 339–362) содержит описание Мраморного моря; портолан VII (*Ibid.* P. 339–362) — характеристику Африканского побережья от Египта до Марокко. Наконец, портолан VIII (*Ibid.*) представляет собой перевод той части портолана Пьетро ди Версиса, где говорится о побережье Атлантики. Существование этого греческого перевода можно расценить как косвенное указание на то, что в поздневизантийский период греческие мореплаватели — преемники Ласкариса Канана — совершали путешествия за Геракловы столбы.

Грекоязычные портоланы свидетельствуют об усвоении греческими мореплавателями навигационного искус-

ства латинян. По профессиональным параметрам они не уступают итальянским. Являясь плодом итало-греческого взаимовлияния, они в то же время вполне логично венчают византийскую традицию составления лоций и периплов и в этом плане могут рассматриваться как одно из последних порождений византийской географической мысли¹.

В XIII–XV вв. дальнейшее развитие получает популярный в Византии жанр «итинерарий паломника» (проскинитарий). Тогда как от всего предшествующего периода до нас дошло лишь два собственно византийских паломнических итинерария (Епифания Агиополита и Иоанна Фоки), поздневизантийская эпоха оставила в этой области обширное наследие. Первый сохранившийся итинерарий поздневизантийского паломника — анонимный «Краткий рассказ о святых местах Иерусалимских и о страстях Господа нашего Иисуса Христа», написанный в середине XIII в.² В единственной известной рукописи «Краткого рассказа» начало текста утрачено. В своем нынешнем виде описание пути паломника в Иерусалим начинается от Дамаска. Бегло описываются путь до Тивериадского озера, гора Фавор, крепость Севак в Самарии, а далее довольно подробно — окрестности Иерусалима. Затем автор переходит к рассказу о реликвиях самого Иерусалима — начиная от Гроба Господня и кончая местом, где матерью императора Константина I Еленой был найден крест-распятие. После этого описы-

¹ На этом основании их характеристику включает в свой труд Г. Хунгер (*Hunger H.* Op. cit. Bd. 1. S. 526).

² Краткий рассказ о святых местах Иерусалимских и о страстях Господа нашего Иисуса Христа и о других Безъимянного, написанный в 1253/4 г. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. Т. XIV, вып. 1. СПб, 1895.

вается дорога из Иерусалима на Синай и далее в Египет. Завершается изложение хронологической таблицей человеческой истории. Памятник весьма отчетливо делится на несколько самостоятельных частей. Его ядро составляет путеводитель по Иерусалиму. До и после него помещен итинерарий в собственном смысле слова — с указанием маршрута и расстояний в днях пути от одного места до другого. Когда путь составляет менее одного дня, описание тех или иных достопримечательностей вводится сочетанием «там вблизи». Манера изложения — сухая, деловая, строгая; автора интересуют только христианские святыни, причем и о них говорится спокойно и бесстрастно, без какой-либо экзальтации. Хронологический экскурс в конце рассказа никак не связан с основным текстом и в других памятниках этого жанра не встречается.

Следующий по времени текст в ряду записок византийских паломников относится к концу XIV в. Его рукопись была обнаружена А. И. Пападопуло-Керамевсом в библиотеке Иерусалимской патриархии в 1887–1888 гг. Анонимный, лишенный окончания памятник представляет собой подробный путеводитель по Иерусалиму и Палестине. Автор четко определяет задачу предлагаемого читателю сочинения: «Если вы желаете или, лучше сказать, любите слышать описание святого града Иерусалима и всей Палестины и находящихся там Божественных мест поклонения, то послушайте мое описание, ибо я сам видел и очень долго жил в той стране. Итак, чтобы и вы это увидели — скажу...»¹ Говоря о достопримечательностях Иерусалима, рассказчик обильно цитирует Библию,

¹ Описание святых мест Безъимянного конца XIV века (Ἐπιγραφὴ περιγραφῆ τῶν ἁγίων τόπων) / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. Т. IX, вып. 2, СПб, 1890. С. 1.

однажды ссылается на Иоанна Дамаскина. Разумеется, в центре его внимания — «Святые места», но в связи с ними он говорит и о явлениях, имеющих не только сакральное значение. Так, например, он сообщает, представителям каких христианских толков («ромеям», «латинам», «ивирам», «армянам», «яковитам», «несторианам») принадлежат те или иные христианские святыни; приводит полностью надпись на стене Вифлеемского храма, из коей следует, что храм был украшен мозаикой в годы правления Мануила I Комнина, и т. д. В сохранившейся части памятника, кроме описания самого Иерусалима, содержится рассказ о пути из Иерусалима в Вифлеем и отрывок описания Вифлеема.

Примерно в это же время, в конце XIV в., протонотарий эфесской митрополии Пердика составил свой стихотворный путеводитель по Иерусалиму¹. Автор, писавший в Константинополе (где постоянно проживал в конце XIV в. эфесский митрополит), выбрал для рассказа о «Святом Граде» форму экфрасиса. Он говорит об Иерусалиме эмоционально, с пафосом, текст поэмы пронизан эффектными метафорами. Часто с горестным чувством вспоминает автор о том, что Палестина находится в руках мусульман: «...храм, обладаемый язычниками, украшенный великолепными строениями и колоннами, а подле их — мечеть! О горе!»; «гроб во истину преставившейся Девы Богородицы, обладаемый, как и другие местности, нечестивцами — о приговор!» и в то же время, не смотря на своеобразную форму и эмоциональную окра-

¹ Описание в стихах иерусалимских Господних чудес и достопримечательностей, составленное эфесским протонотарием Пердикою XIV века / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Пер. Г. С. Дестуниса // ППС. Т. X, вып. 2. СПб, 1890. До Пападопуло-Керамевса «Описание...» относили к XIII в.

шенность, экфрасис Пердики — настоящий путеводитель по городу, не уступающий прозаическим образцам жанра. Описание «Святых мест» последовательно, логично, достаточно подробно, не забыта ни одна сколько-нибудь популярная «священная» достопримечательность. Вслед за рассказом об Иерусалиме говорится о его окрестностях, а затем (как и в охарактеризованном выше прозаическом итинерарии) о дороге в Вифлеем и самом Вифлееме. Таким образом, Пердики удалось создать произведение, удачно сочетающее высокие художественные и утилитарные качества¹.

От XV в. мы располагаем тремя текстами, содержащими описание «Святой Земли». Первый — «Рассказ о Иерусалиме и Св. Горе Синае» — был найден в рукописи XV в. в библиотеке монастыря Св. Дионисия на Афоне². Рассказ этот представляет собой очерк путешествия в Иерусалим, совершенного, вероятно, жителем Константинополя (в тексте присутствуют сравнения Иерусалима с Константинополем, храма Воскресения с храмом Св. Софии). Паломник сошел на берег в Яффе и через Рамлу и Лидду пешком прибыл в Иерусалим. Отсюда, через Вифлеем, он отправился к Иордану. Абзац об Иордане завершает первую часть памятника, а сразу за ним следует «Рассказ о Египте и Синае». Как путешественник попал в Египет, не говорится. В Египте паломник поднялся по Нилу до Кария, оттуда вышел на берег Красного

¹ От XIV столетия сохранилось также описание путешествия в Святую Землю прототабулярия Андрея Ливадина из Трапезунда.

² См.: Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Рус. пер. П. В. Безобразова // ППС. Т. XIX, вып. 2. СПб, 1903. С. 1–16, 141–161.

моря, переправился на восточный берег в Раифу и, наконец, прибыл на Синай. Автор «Рассказа об Иерусалиме и Св. Горе Синае» — человек наблюдательный и любознательный. Его интересует многое из того, что обычно не попадает в записки паломников. Так, он отводит большое место пейзажу, описывает местоположение Иерусалима, отмечает, где и какие выращиваются фрукты, каковы берега у реки Иордан и много ли в нем рыбы и т. д. В Иерусалиме его внимание привлекают мастерские и крытый рынок, в Египте поражают пирамиды, причем он сообщает две равноценные (с его точки зрения) версии их происхождения (пирамиды — либо амбары Иосифа, либо гробницы древних царей). Памятник несет на себе печать личных впечатлений писателя, не зависящего от жанровых литературных стереотипов. Автор писал на основе собственного опыта и, возможно, не был знаком с другими описаниями «Святой Земли». Вследствие этого в «Рассказе» были зафиксированы некоторые подробности исторической географии Палестины и Синая, отсутствующие в иных источниках.

К XV в. относится небольшой проскинитарий «Описание мест, вне Крита находящихся»¹. Он составлен для пилигримов, отправляющихся с Крита, и содержит описание пути от Ситии на Крите в Египет, далее от Каира на Синай, оттуда в Иерусалим и в Вифлеем. Синай и Иерусалим характеризуются автором подробно, все остальное — очень бегло. В целом спокойный, насыщенный информацией рассказ местами внезапно прерывается воплями отчаяния и недоумения (по поводу того, что святыни нахо-

¹ См.: Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Рус. пер. П. В. Безобразова // ППС. Т. XIX, вып. 2. СПб, 1903. С. 17–21, 157–161.

дятся в руках у неверных) или восклицаниями восхищения (там, где говорится об убранстве христианских храмов). При их характеристике итинерарий приобретает черты экфрасиса.

Наконец, третий принадлежащий к XV в. памятник — это «Душеспасительный рассказ о Святом Гробе»¹. Как и большинство прочих, он анонимен и точно не датирован. А. И. Пападопуло-Керамевс считает, что этот рассказ создан в Константинополе во второй половине XV в. Независимо от того, верна ли данная датировка, памятник заслуживает характеристики ввиду весьма важного обстоятельства: он как бы концентрирует в себе основные черты других произведений такого типа. Это законченный, полностью сохранившийся путеводитель по Иерусалиму и Синаю. Изложение материала ведется по определенной схеме, в большей или меньшей степени характерной для большинства памятников, о которых говорилось выше. Здесь, однако, она реализована целиком, с весьма незначительными добавлениями и модуляциями.

Схема такова. В начале текста следует обращение к читателю («желающему узнать о Св. Граде Иерусалиме и Земле Обетованной» — ср. прозаический проскинитарий конца XIV в.). Далее идет описание Иерусалима. Оно начинается с Храма Гроба Господня (как и в других записках пилигримов, за исключением рукописи из монастыря Св. Дионисия). Описываются главный храм, Голгофа, храм с гробницей Мельхиседека, столп, у которого бичевали Христа, место обретения Креста Господня и колокольня. Затем — Святая Святых, дом Иоакима и Анны,

¹ См.: Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса. Рус. пер. П. В. Безобразова // ППС. Т. XIX, вып. 2. СПб, 1903. С. 22–38, 162–178.

Овчая купель, дом Пилата, дом Каиафы и Преторий. За пределами иерусалимских стен — крепость или Дома царя Давида, затем — гора Сионская, колодец Иакова, Силоамская купель, гроб Иакова и место самоубийства Иуды, Гефсимания с храмом Богородицы, Елеонская гора (место Вознесения Христова) и Кана Галилейская. Далее — Вифания, дорога в Иерихон и Иордан. Другая дорога из Иерусалима, мимо монастыря Св. Саввы, ведет в Вифлеем. Здесь особенно детально рассказывается о главном вифлеемском храме. Следует описание Синая: монастырь Св. Екатерины, церкви, гора Законная с многочисленными кафисмами. Наконец, говорится о г. Раифа с монастырем Предтечи.

Данная схема выработывалась на протяжении всего поздневизантийского периода. Более жесткая при характеристике Иерусалима и Синая, в иных случаях допускающая варианты, она, конечно, явилась фактом не только чисто литературной жизни. Очевидно, в эти столетия сложился достаточно четкий стереотип поведения паломника в Святой Земле, и было заранее известно, что и в каком порядке следует смотреть. Но если говорить о жанре «проскинитариев», то в его рамках к XV в. сформировались два стандартных путеводителя — по Иерусалиму и по Синаю. Их элементы повсеместно встречаются в памятниках более ранних, чем «Душеспасительный рассказ», и полностью содержатся в самом «Душеспасительном рассказе»; под их влиянием находятся памятники более поздние, а таковых немало (среди них — еще одно произведение, появившееся в XV в.: «Путешествие по Святым местам Даниила, митрополита Эфесского», не менее восьми анонимных греческих описаний «Святой Земли» и Синая, созданных в XVI в., ряд описаний XVII в.). Под несомненным византийским воздействием уже в

XIII–XV вв. создаются славянские итинерарии пилигримов, в том числе рассказ о путешествиях Св. Саввы, архиепископа сербского (вторая четверть XIII в.), русское «Хождение архимандрита Агрефенья» (70-е гг. XIV в.). Отметим, что в «Хождение» включен итинерарий классического типа — перечень населенных пунктов от Москвы до Синая с расстояниями между ними. Этот же итинерарий с некоторыми изменениями составляет самостоятельное произведение, известное как «Сказание Епифания Мниха о пути к Иерусалиму». Оба текста в своей византийской части основаны на греческих итинерариях паломников¹. Дошедшие до нашего времени болгарские проскинитарии для путешествующих в Палестину — «Слово о местах святых еже в Ерусалиме», сохранившееся в Бдинском сборнике 1360 г.², и «Описание святых мест в Палестине», приписываемое Константину Костенечскому³, — также опираются на греческие прототипы (впрочем, до сих пор не обнаруженные)⁴. Использовал

¹ См.: Хождение архимандрита Агрефенья обители Пресвятыя Богородицы / Под ред. арх. Леонида // ППС. Т. XVI, вып. 3. СПб, 1896. С. 1–2; Сказание Епифания Мниха о пути к Иерусалиму / Под ред. арх. Леонида // ППС. Т. V, вып. 3. СПб, 1887. С. 1–6.

² Bdiniski sbornik. An Old Slavonic Menologium of Women Saints (Gent University Library. Ms. 408 A. D. 1360) / Ed. J. L. Scharpé, F. Vyncke. Intr. E. Voordecker. Bruges, 1973. P. 235–242.

³ Оно представляет собой одно из приложений к его «Отрывкам по космографии и географии». Сохранилось в Ловчанском сборнике XVI в. См.: Ангелов Б. Из старат българска, руска и сръбска литература. С., 1967. Кн. 2. С. 194–196.

⁴ См.: Чолова Цв. Естественонаучните знания в средновековна България. С., 1988. С. 228–230.

греческие итинерарии и диакон Арсений Солунский, болгарин по происхождению, описавший в XIV в. свое паломничество в «Святую Землю»¹.

Итак, итогом развития жанра проскинитариев в XIII–XV вв. стала выработка четкого стереотипа описания «Святой Земли», зафиксированного в значительной группе памятников и оказавшего влияние на дальнейшую литературную традицию как в Греции, так и за ее пределами.

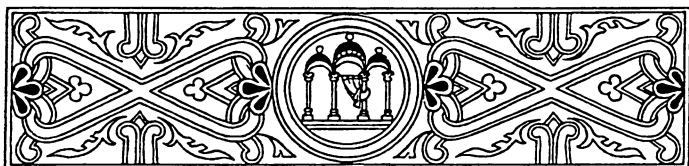
* * *

В последний период своей эволюции византийская географическая мысль продолжала двигаться по пути, проложенному в предшествующие эпохи. При этом, как и прежде, перед византийской географией стояли две главные цели: сохранение античного наследия и удовлетворение конкретных, практических потребностей общества в достоверной географической информации. Стремясь к достижению первой цели, византийцы изучали Птолемея и Страбона, составляли на основе их произведений хрестоматии и схолии, тиражировали в учебно-дидактических сочинениях и энциклопедических компендиях традиционные сведения о геоцентрической системе мироздания, климатических зонах и часовых поясах. В русле этого направления в поздневизантийскую эпоху оформился жанр метономасий, были составлены хрестоматии, парафразы и эпитомы произведений древних авторов. В сфере практической географии, на пересечении византийских и западноевропейских культурных влияний, появились портоланы, ставшие в позднее средневе-

¹ См.: *Адрианова В. П.* Хождение Арсения Солунского // ИОРЯС, 1919. Т. XVIII, вып. 3. С. 195–224.

ковье равно необходимыми как для итальянских, так и для греческих мореплавателей. Достиг расцвета жанр паломнического итинерария, в рамках которого составила четкая схема описания «священных» достопримечательностей Палестины и Синая. В XIII–XV вв. географический кругозор византийцев расширился благодаря включению в него данных о Северной Европе и Руси. Это были современные сведения, почерпнутые у латинян и московитов или самостоятельно приобретенные византийцами в ходе путешествий в другие страны и заменившие наконец в византийской книжности устарелые описания античных авторов. Уникальным в византийской географической литературе является отчет об одном из таких путешествий — странствии Ласкариса Канана. В поздневизантийский период греки обогатили гуманистическую научную мысль античным географическим знанием. Исключительное значение для европейской картографии имело издание в Италии по переводу византийской рукописи птолемеевского атласа мира. Поздневизантийская паломническая литература оказала влияние на формирование соответствующего жанра в славянских странах и на Руси. Наконец, у себя на родине византийское географическое наследие было включено в культуру греческого народа, которая продолжала развиваться в условиях османского ига, опираясь на традиции прежних эпох.

ПРИЛОЖЕНИЕ

З. В. Удальцова

КОСЬМА ИНДИКОПЛОВ И ЕГО «ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ»

Среди византийских исторических и литературных памятников VI в. совершенно особое место занимает широко известное в течение всего средневековья сочинение Косьмы Индикоплова (Индикоплевста) «Христианская топография». Это своеобразное произведение по своему жанру и характеру с трудом поддается классификации и не укладывается в обычные рамки византийской литературы VI в. В нем как бы соединены воедино записки путешественника, естественно-научный труд по географии, биологии, астрономии и философско-богословский трактат, затрагивающий религиозные споры той эпохи. При этом в «Христианской топографии» различные жанры и сюжеты порою сцеплены механически и как бы живут своей самостоятельной жизнью¹.

¹ Научная литература о сочинении Косьмы Индикоплова касается преимущественно частных вопросов. В начале 60-х гг.

О жизни автора «Христианской топографии» известно довольно мало. Косьма родился на рубеже V–VI вв. В молодости он занимался торговыми делами и не смог получить широкого образования, но зато посетил многие страны. В зрелом возрасте он жил в Александрии, а затем, по-видимому, вступил в монастырь на Синае. Свой труд он закончил в Синайском монастыре между 545 и 547 гг.¹ Ко времени написания «Христианской топографии» Косьма был уже автором двух сочинений — по географии и астрономии. К сожалению, они не сохранились.

Энергичный купец, отважный мореплаватель, бесстрашно проникавший со своими спутниками в самые отдаленные страны Аравии, Восточной Африки, на Цейлон, он был прозван современниками Ἰνδικοπλεύστης, т. е. «плавателем в Индию», за то, что посетил, согласно молве, и эту окутанную легендами страну. Несмотря на слабое здоровье, Косьма избороздил на торговых судах Черное, Средиземное и Красное моря, плывал в Персидском заливе. Он много лет жил в Египте и сохранил для потомков описание природы, населения и исторических памятников Египта и Синайского полуострова². Знание жизни, огромный опыт, наблюдательность помогли ему, даже при отсутствии достаточного образования, очень верно, живо и необычайно красочно, простым народным языком рассказать о виденных им странах.

XX в. появился обобщающий труд, заново открывший этот памятник для науки: *Wolska W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Théologie et science en VIe. P., 1962.

¹ *Vasiliev A.* Histoire de l'Empire byzantin. P., 1932. Т. 1. P. 215–218; *Anastas M. V.* The Alexandrian Origin of the Christian Topography of Cosmas Indicopleustès // DOP, 1946, 3. P. 76–80.

² *Leclercq T.* Kosmas Indicopleustès // Dictionnaire d'archéologie chrétienne, 1927, 81. P. 820–840.

«Христианская топография» Косьмы Индикоплова, как ни один другой памятник, показывает, сколь широкий размах приобрела в VI в. торговля Византийской империи через Египет с Эфиопией (Аксум), островом Цейлоном (Тапробана), Индией и далеким Китаем¹. В основу описания далеких стран и неведомых городов Косьма положил прежде всего личные наблюдения, а затем сообщения знакомых ему греческих и сирийских купцов и путешественников. Особенно много почерпнул он из рассказов своего друга, богатого греческого купца Сопатра. Поэтому все, что касается непосредственного описания Косьмой различных стран и народов, как правило, правдиво, полно жизненных деталей и заслуживает доверия.

Косьма сам посетил Аксум в возрасте 25 лет; он видел роскошный дворец царя, описал образ жизни аксумитов². Его книга — ценный источник для изучения природы, экономики и истории этого древнейшего государства Северо-Восточной Африки³. Особый интерес представляет рассказ Косьмы о караванной торговле жителей Аксума с богатой золотом страной Сасу, расположенной по соседству с Занзибаром. Царь Аксума каждые два года снаряжает большой торговый караван и посылает его туда за золотом. Путешествие, которое длится полгода, сопряжено со многими опасностями, купцы вооружены

¹ *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970. S. 140–141; *Haussig H. W.* A History of Byzantine Civilization. L., 1971. P. 101–102; *Thompson J. O.* History of Ancient Geography. Cambridge, 1948. P. 43, 361, 370, 387–388.

² Рассказ Косьмы был проиллюстрирован в миниатюрах, украшавших рукописи «Христианской топографии» (*Haussig H. W.* Op. cit. P. 398 sq.). Об Аксуме см.: *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М., 1966; *Он же.* Северо-Восточная Африка в ранне-средневековом мире. М., 1980.

³ *Cosmas Indicopl.*, II, 49–65, 78–79; XI, 7.

для защиты от нападений враждебных племен и диких зверей. В страну Сасу аксумиты везут быков, соль и железо и обменивают их на золото. Чрезвычайно любопытна нарисованная Косьмой картина немой меновой торговли без посредства денег, которая происходит между купцами, прибывшими из Аксума, и местными жителями. Описывая природу и богатства самого Аксумского царства в VI в., Косьма рассказывает, что эта страна славится слоновой костью, которая вывозится в Персию, в Аравию и Византию.

Одной из самых красочных глав «Христианской топографии» является рассказ Косьмы Индикоплова о Цейлоне — богатом зеленом острове в бескрайнем океане, являвшемся в середине VI в., по данным Косьмы, центром мировой торговли между Восточной Африкой и Китаем. Остров делится на две области — горную, где добываются драгоценные камни, и приморскую, где расположена гавань и кипит оживленная торговля; этими областями управляют два царя, находящиеся между собой в постоянной вражде. На острове живут и иностранные купцы, в частности, там расположена фактория персов-христиан, приверженцев несторианского вероучения.

Неизгладимое впечатление на византийских купцов произвела природа Цейлона, ее невиданный животный мир. Косьма приводит очень живое описание такого дикий животного для греков зверя, как единорог — риноцетос, поразивший их как своими размерами, так и силой. По словам Косьмы, кожа единорога столь толста, что в высушенном виде островитяне употребляют ее вместо железа и делают из нее плуги¹.

¹ *Cosmas Indicopl.*, XI, 1–6.

Рассказ о флоре и фауне сменяется у Косьмы живыми сценками приема греческого купца Сопатра и персидского посла одним из царей Цейлона. Легенда, созданная в связи с этим приемом, отражает острую конкурентную борьбу между персидскими и византийскими купцами за торговлю шелком и другими товарами с Индией и Китаем, в которой важную посредническую роль играл остров Цейлон. Косьма повествует о том, как во время приема Сопатра и персидского посла царь Цейлона спросил их: «Который из ваших царей больше и сильнее?» Перс не замедлил ответить, что самый сильный правитель — шах Ирана, недаром он носит титул «шахиншах». Грек же предложил правителю Цейлона самому посмотреть царей обеих стран, что вызвало недоумение всех присутствующих. Тогда Сопатр попросил принести и показать царю две монеты — византийский золотой солид и персидскую серебряную драхму, или милиарсий, и сказал: «На обеих монетах изображения царей — всмотришься в них и узнаешь истину!» После осмотра монет царь Цейлона признал превосходство золотого солида — лучшей монеты того времени, а вместе с тем и византийского императора, заявив: «Конечно, ромей и славнее, и сильнее, и умнее». После этого Сопатру были оказаны особые почести: его посадили на слона и с барабанным боем возили по городу. А персидский посол был очень пристыжен¹.

До сего времени точно не установлено, посетил ли Косьма сам Индию или описал ее со слов других путешественников. Его неопределенные высказывания на этот счет не дают оснований для окончательного решения вопроса². Однако если Косьма даже сам и не был в Индии,

¹ *Cosmas Indicopl.*, XI, 17.

² *Haussig H. W.* Op. cit. P. 102. В. Вольска считает, что Косьма не был лично ни в Индии, ни на Цейлоне. По морю он проник до Персидского залива на востоке (*Cosmas Indicopl.*,

рассказ его об этой стране отличается такой простотой и безыскусностью, что его можно отнести к числу лучших описаний этой страны, созданных европейцами в римское время и в раннее средневековье¹.

Северное побережье Индостана, описанное Косьмой, в VI в. представляло собой богатую страну с множеством торговых городов. Она была разделена на ряд княжеств, владельцы которых постоянно воевали друг с другом. Отсутствие единства привело к тому, что страна попала в подчинение к белым гуннам, царь которых, Голла, собирал дань с Индии. Племена белых гуннов (тюрков-кочевников) отличались большой воинственностью, их предводитель, отправляясь на войну, вел с собой около двух тысяч боевых слонов и много конницы. Местные владельцы Индии также имели по 500–600 слонов и более. Слоны использовались преимущественно как боевая сила, но для развлечения знати часто устраивали бои слонов. У индийских слонов обычно срезали клыки, как лишнюю тяжесть в военных походах. Слоны оценивались по их величине: слона, по рассказу Косьмы, меряют от пяток до макушки и в зависимости от количества локтей, составляющих его рост, платят за него от 50 до 100 золотых номисм и более. Если на Цейлоне особенно ценится камень иакинф, то в Индии самым замечательным драгоценным камнем считается смарагд, которым украшаются короны правителей².

Занимательные географические описания Косьмы пользовались большой популярностью в Византии и дол-

II, 29), до Сомали на юге (Ibid., II, 30); по суше дошел до устья Нила (Ibid., II, 51–53, 64–65); *Wolska W.* Op. cit. P. 6–9.

¹ *Cosmas Indicopl.*, II, 45–47, 81; III, 65.

² *Wheeler R. E. M.* Arikamedu; An Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India // *Ancient India*, 1946, 2; *Wolska W.* Op. cit. P. 10–11.

гое время являлись излюбленным чтением различных кругов населения.

Но наряду с географическими и этнографическими данными «Христианская топография» Косьмы Индикоплова отражала космогонические и философские представления о Вселенной, приспособленные к христианскому вероучению. И тут купец и мореплаватель, искусный рассказчик отходит на второй план и уступает место фанатичному и довольно невежественному и ограниченному монаху. Косьма пытается опровергнуть античную греческую космогонию и заменить ее библейским представлением о Вселенной. Основываясь на Библии и трудах отцов Церкви, Косьма противопоставляет системе Птолемея христианскую космографию¹. Считая учение Птолемея не только неверным, но вредным и опасным, Косьма утверждает, что Земля имеет отнюдь не шаровидную форму, а представляет собой плоский четырехугольник в виде Ноева ковчега, окруженный океаном и покрытый небесным сводом, на котором висят звезды и где находится Рай. Само небо мыслится Косьмой как двухъярусный прямоугольник, верхний ярус которого образует свод. Вселенная делится в пространстве как бы на четыре яруса: в самом верхнем пребывает Христос — верховный судья всего сущего, во втором обитают ангелы, в третьем — люди, в четвертом, подземном, ярусе — демоны. Все космические явления и метеорологические изменения Косьма объясняет деятельностью ангелов, которые выполняют предназначения Бога².

Диковинная картина мира, изображенная Косьмой, отнюдь не была его открытием. Создавая ее, писатель

¹ *Bengston H. Kosmas Indicopleustes und Ptolemäer // Historia, 1955, 4, 2–3. S. 151–156.*

² *Cosmas Indicopl., II, 6–19; Schleisheimer B. Kosmas Indicopleustes, ein altchristliches Weltbild. München, 1959.*

опирался на весьма древнюю традицию: изображение мира в виде четырехугольного ковчега восходит к древне-еврейской традиции и к учению александрийских теологов Климента и Оригена¹. Возможно, что за этой традицией стоят еще более древние учения: либо символические представления древнего Востока, придававшие мистическое значение числу 4, кубу и т. д.², либо аккадские, ассиро-вавилонские космографические теории о четырехъярусном строении Вселенной³. В «Христианской топографии» Косьмы явно смешаны символические представления древних о строении Вселенной с реальными наблюдениями автора над окружающим его миром. Отсюда и столь разительные противоречия между его фантастической картиной мира и правдивыми географическими наблюдениями, полученными во время его заморских путешествий.

Столь же несамостоятелен Косьма и в своих теологических построениях. В его философско-богословских взглядах сказалось влияние богослова IV–V вв. Феодора Мопсуэстийского, а также нисибийской несторианской высшей школы богословия в лице одного из ученых этой школы — перса Мар-Абы (принявшего греческое имя Патрикий)⁴. Косьма встретился с Мар-Абой в Александрии (около 523 г.), слушал его диспуты и стал его учеником⁵. Через Мар-Абу и его последователя Фому Эдесского Косьма воспринял учение Феодора Мопсуэстийского,

¹ *Wolska W.* Op. cit. P. 43, 64, 104, 116–117.

² *Wessel K.* Op. cit. S. 183.

³ *Haussig H. W.* Op. cit. P. 90.

⁴ О Мар-Абе см.: *Пигулевская Н. В.* Мар-Аба I // Советское востоковедение, 1949. Т. 5. С. 73–84; *Она же.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951. С. 133–134.

⁵ *Cosmas Indicopl.*, II, 2.

сторонника разделения двух природ во Христе. Основы этого учения вошли органической частью в «Христианскую топографию», которая была составлена, по-видимому, накануне V Вселенского собора 553 г., осудившего Феодора Мопсуэстского как еретика, и может рассматриваться как своего рода замаскированная защита его учения.

Философско-богословская концепция Косьмы, в основе которой лежит теологическая и космогоническая система Феодора Мопсуэстийского, несет на себе печать несторианского дуализма. Центральное место в ней занимает учение о двух состояниях. Бог стремится сообщить свою мудрость и свое благо сотворенным им существам, но различие между творцом и творением столь велико, что непосредственное распространение божественной мудрости на творение невозможно. Поэтому Бог создает два состояния: одно — тленное и конечное, полное противоречий и подверженное испытаниям, другое — вечное и совершенное¹.

Исходя из этого учения, Косьма приходит к дуалистическому пониманию всего сущего. Вселенная разделяется на два мира — земной и небесный, а история человечества на два периода: один — начинающийся с Адама, другой — с Христа. Это как бы символизирует проявление двух состояний во времени: с Христа начинается второе состояние, предсказанное в пророчествах². Два состояния проявляются и в пространстве, что находит выражение в строении Вселенной. Человек должен, стремясь к

¹ *Cosmas Indicopl.*, II, 20; III, 51–53. См.: *Wolska W.* Op. cit. P. 37–38; 98–105, где проведено сравнение трактовки учения о двух состояниях у Косьмы и в Пасхальной Хронике.

² *Cosmas Indicopl.*, II, 35; III, 16, 51–55; V, 20, 22, 27, 33, 112; VII, 11, 71, 82, 86.

совершенству, провести первое состояние в низшем странстве, и если он окажется достойным, то может подняться и выше. Победа Христа над смертью создает для человечества гарантию достижения вечного блаженства¹.

Антропология Косьмы представляет собой несколько упрощенную антропологию Феодора Мопсуэстийского. Но в основных положениях обе теории очень близки друг другу. Косьма определяет человека как «живое существо, часть природы... состоящее из разумного и неразумного, сверхчувственного и чувственного, видимого и невидимого начал». Он видит в нем связь всего, созданного творцом, залог всеобщего единства и любви².

Однако Феодор Мопсуэстийский признавал изначально бессмертную природу человека, утерянную им в результате первородного греха. В отличие от него Косьма не рассматривает смерть как проявление «божественного гнева», обрушившегося в виде кары на бессмертие человека, он считает природу человека с самого акта творения смертной. При этом он рассматривает ее как естественное и неизбежное проявление первого, «низшего» состояния всего сущего.

Это первое состояние как для Косьмы, так и для Феодора является инструментом прогресса человека, полезной школой совершенствования всего человечества³. Второе состояние — это результат реализации потенций, заложенных в человеке, и ведущих его к совершенству. Через человека проявлялась связь двух состояний — низшего и высшего. Человек для Косьмы — синтез материи и духа и вместе с тем центр Вселенной.

¹ *Cosmas Indicopl.*, V. 1.

² *Ibid.* II, 86, 88, 101; III, 34.

³ *Ibid.* V, 59; VII, 72.

Антропология Косьмы органически вписывается в его космогонию, связана с толкованием пророчеств и христологией¹. В христологических спорах, развернувшихся в его время, Косьма выступает как приверженец диофиситов-несториан и ярый противник большинства египетского монашества, защищавшего идеи монофиситства. «Человечность» Христа для Косьмы — реальность постоянная и непоколебимая. Но он не сомневается и в божественной его природе². Христология Косьмы служит главной цели: подкрепить основную богословско-философскую идею о том, что во время акта творения Бог разделил Вселенную на два мира, соответствующих двум состояниям. Предназначением человечества является переход из земного состояния в небесное. Эти две фундаментальные идеи — заранее установленная форма Вселенной и предназначение человечества — определяют для Косьмы деяния и личность Христа в такой же степени, в какой деяния и личность Христа подтверждают данную форму Вселенной и предназначение человечества³. В V книгу своего труда Косьма вводит «Трактат о двух состояниях», где связывает два пространства и два состояния с деяниями Христа, создателя второго состояния. В таком видении мира и в подобном толковании христологической проблемы отражаются с очевидностью несторианские взгляды Косьмы⁴.

¹ *Wolska W.* Op. cit. P. 55–59.

² *Cosmas Indicopl.*, II, 3–8; V, 1–9. В христологии V книги «Христианской топографии» Косьмы доминирует проблема двух природ Христа, однако сам термин «природа» не употребляется, а заменен выражениями «божественность» и «человечность». — См.: *Wolska W.* Op. cit. P. 93.

³ *Cosmas Indicopl.*, V. 4–8.

⁴ В науке, однако, возникли споры о степени несторианства Косьмы. У некоторых исследователей вызывает недоумение,

Влияние несторианской теологии проявилось и в полемической заостренности сочинения Косьмы. В своих космологических построениях он спорит не только с представителями античной языческой науки, но, главным образом, с ее христианскими последователями в Александрии.

Александрия в этот период еще оставалась городом, в котором живы были астрономические традиции Птолемея, она являлась центром изучения Аристотеля, здесь признавали теологию Кирилла Александрийского, враждебную восточным диафиситам. Косьма рассказывает о существовании трех идеологических течений в Александрии его времени — «истинных» христиан (несториан), христиан «ложных» (монофиситов) и язычников. Косьма солидаризируется с первыми, сражается со вторыми и враждебен третьим. Главным своим противником он считает христиан, воспринявших ложные учения греков¹. Он упрекает их за то, что они, познав Христа, чванятся сво-

как мог Косьма, монах Синайского монастыря, живший в самой гуще египетского монашества, настроенного весьма враждебно к несторианству, написать книгу в несторианском духе. Подобное противоречие породило даже гипотезу о том, что вся V книга и часть X книги «Христианской топографии» написаны не самим Косьмой, а представляют собой вставку, принадлежащую перу другого автора. Этим автором мог быть или сам Мар-Аба, перенесший из Персии в Александрию философское учение Феодора Мопсуэстийского, или его ученик Фома Эдесский. Эта гипотеза подкрепляется еще и тем, что в остальных частях сочинения Косьмы несторианские идеи несколько приглушены (*Wolska W.* Op. cit. P. 105 sq). Влияние несторианства на Косьму признает Н. В. Пигулевская. Но она не допускает мысли о наличии в его труде вставок, принадлежащих другим авторам (*Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. С. 134 сл.). Ср.: *Peterson E.* Die alexandrinische Liturgie bei Kosmas Indicleustes // *Ephemeridae Liturgicae*, 1932, 46. P. 66–74.

¹ *Cosmas Indicopl.*, I, 1–4.

ими научными знаниями, приверженностью к греческой науке и философии. Хотя Косьма не называет имен своих противников, но, очевидно, первое место среди них занимал александрийский философ, современник Косьмы — Иоанн Филопон¹. Ведь именно Иоанн Филопон возглавлял в Александрии то течение, которое выражало идею союза монофиситской христианской теологии с наследием античной науки. Именно Филопон отстаивал античные взгляды на Вселенную, восходящие еще к Аристотелю.

Острая, хотя и анонимная полемика между Косьмой и Филопоном отражала во многом философско-богословскую борьбу в Александрии VI в.

Иоанн Филопон был главным инициатором христианизации Александрийской высшей школы, одной из последних цитаделей языческой науки. Перу этого мыслителя, кроме его известных комментариев к «Физике» Аристотеля, принадлежат еще сочинения по космогонии и космографии — опровержение системы Прокла («*De Aeternitate Mundi contra Proclum*») и труд о происхождении мира («*De Opificio Mundi*»). В первом из этих сочинений он отвергает учение Прокла и считает ошибочной его интерпретацию платоновской концепции создания мира. Этим сочинением Филопона Александрия окончательно отмежевалась от языческих Афин. В ней быстро идет процесс христианизации, и благодаря этому Александрийская школа смогла просуществовать вплоть до арабского завоевания.

Труд Филопона «*De Opificio Mundi*» является трактатом об акте творения мира, описанном в Книге Бытия.

¹ В. Вольска провела скрупулезное сравнение высказываний обеих борющихся сторон, изучила их аргументы и контраргументы и таким образом выяснила общую направленность труда Косьмы и причины непримиримого характера его полемики с Филопоном (*Wolska W. Op. cit. P. 157 sq.*).

Труд этот полемичен: по содержанию это опровержение учения Феодора Мопсуэстийского, по форме он отмечен влиянием античных образцов и резко контрастирует с «Христианской топографией» Косьмы. Полемика между Косьмой и Филопоном велась по многим космологическим вопросам¹, хотя и тот и другой в своем видении мира исходили из библейской концепции. Однако речь шла о двух полярно противоположных образах мира: у Филопона сохранилось античное представление о сферической форме Вселенной. Косьма представлял Вселенную в виде куба².

Принципиальный интерес эта полемика вызывает еще и потому, что проливает новый свет на наличие в Александрии двух христианских идейных течений, одно из которых опиралось на греческую физику и астрономию, другое — на учение Феодора Мопсуэстийского.

В своей борьбе против античной науки Косьма все же не всегда был достаточно последователен. В «Христианской топографии» он неоднократно использовал идеи древних греков, его источником были не только высказывания философов ионийской школы — отдельные положения своей книги он заимствовал у Аристотеля, а также из платоновской и стоической философии³.

Оба идейных течения в христианской космографии и космогонии в известной мере определили будущие направления развития средневековой науки. Учение Филопона было воспринято сирийцами и затем перешло к арабам. Через них астрономические идеи Аристотеля рас-

¹ *Wolska W.* Op. cit. P. 167–179.

² *Cosmas Indicopl.*, III, 1, 57–58; IV, 17, 20–22.

³ *Wolska W.* Op. cit. P. 161; *Anastos M. V.* Aristotle and Cosmas Indicopleustes on the World. A Note on Theology and Science in the Sixth Century, V // 'Ελληνικά, 1953, 4, P. 50.

пространились на Запад и занимали там видное место вплоть до открытий Коперника и Галилея.

Система мироздания Косьмы Индикоплова нашла свое признание в Византийской империи. В греческом мире она была столь популярной, что стерла из памяти средневековых людей представления о сферичности мира вплоть до возрождения классической образованности во времена Фотия и Пселла. Мало-помалу сочинение Косьмы проникло на Запад и в Древнюю Русь. В Древнерусском государстве «Христианская топография» Косьмы стала любимым чтением широких слоев образованных людей и пользовалась популярностью вплоть до XVII в. Популярности «Христианской топографии» во многом способствовали причудливые, экзотические, порой высокохудожественные иллюстрации — миниатюры и рисунки, украшавшие ее. Особенно знамениты миниатюры ватиканской рукописи Косьмы IX в.¹

До сих пор остается спорным, какие рисунки находились в оригинале «Христианской топографии» и делал ли их сам Косьма или какой-либо другой художник. В тексте своего сочинения Косьма не только часто упоминает, но и объясняет рисунки. Кажется вероятным, что изображения носорога, статуй во дворце царя Аксума и некоторые другие рисунки принадлежали самому Косьме. Рисунки, связанные с космографией, возможно, заимствованы у Мар-Абы. Во всяком случае, в рисунках Косьмы (или дру-

¹ *Szornajolo C.* Le miniature della Topografia Cristiana di Cosmas Indicopleuste. Codice Vaicano greco 699. Milano, 1908; *Редин Е. К.* Христианская топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1917. Т. I; *Он же.* Портрет Косьмы Индикоплова // ВВ, 1906, XII. С. 112–131; *Он же.* Исторические памятники города Адулиса в иллюстрированных рукописях Косьмы Индикоплевста // Сб. в честь М. Дринова. Харьков, 1905. С. 101–110.

гого художника) чувствуется влияние лучших образцов художественной школы Александрии — мозаик, фресок, статуй. Миниатюры и рисунки «Христианской топографии» Косьмы занимают видное место в византийском искусстве VI в.¹

По своему стилю и художественным особенностям «Христианская топография» Косьмы производит двойственное впечатление. Она как бы распадается на неравноценные части. В описании дальних путешествий и опасных приключений автор — талантливый рассказчик, язык его повествований яркий, сочный, народный; в философско-богословских рассуждениях, напротив, писатель теряет свой блеск, язык его остановится туманным, сухим и порою даже малопонятным². В сочинении Косьмы отсутствует ясный план, композиция его расплывчата, встречаются утомительные повторения.

Полемика против языческой науки, цитаты из Библии, теологические рассуждения, астрономические теории перемешаны с историческими сюжетами, географическими наблюдениями, увлекательными легендами. И подчас трудно проследить внутреннюю связь между отдельными частями этого труда.

Произведение Косьмы Индикоплова носит печать двойственности и противоречивости мировоззрения его автора. Эта противоречивость проявляется прежде всего в соединении, казалось бы, несоединимых элементов:

¹ О миниатюрах «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова см.: *Haussig H. W.* Op. cit. P. 398 sq., 417; *Wessel K.* Op. cit. S. 330 f.

² *Wittmann J.* Sprachliche Untersuchungen zu Kosmas Indikopleustes. München, 1913; *Айналов Д. В.* Эллинистическая основа византийского искусства // Зап. Имп. русск. археолог. общества. СПб, 1900. XII, V. С. 18–24.

точных естественно-научных и географических данных, почерпнутых из личного опыта писателя, и наивно-спиритуалистических, порою даже фантастических, оторванных от реальной действительности библейских представлений о природе вещей и строении Вселенной. В «Христианской топографии» Косьмы сочетаются трезвый прагматизм расчетливого купца и любознательного путешественника со слепым провиденциализмом и преклонением перед авторитетом Священного Писания монаха-христианина, безоговорочно принявшего библейскую концепцию мироздания. Стихийный эмпиризм в описании неведомых стран и народов как бы окутан спиритуалистической завесой библейских сказаний, а жизненно-правдивые наблюдения переплетаются с книжными, иногда весьма туманными философскими рассуждениями в несторианском духе.

Второе противоречие, которое бросается в глаза при изучении «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова, — это сохранение некоторых элементов античных знаний и античных философских идей, в частности идей Аристотеля, в труде, казалось бы, предназначенном для ниспровержения всей языческой и потому ненавистой благочестивому автору античной философии и космогонии. Выступая против языческой эллинской науки, Косьма невольно сам обращается к этому источнику знаний и черпает оттуда аргументы в пользу своих теоретических построений.

Впрочем, в этом отношении он не одинок — почти все византийские писатели, современники Косьмы, в той или иной степени в своих произведениях опирались на античную культуру. Косьму скорее отличают от них ярко выраженный христианский прозелитизм, искреннее благочестие и непримиримость к язычникам.

«Христианская топография», несмотря на заимствования из эллинской науки, была отнюдь не детищем ан-

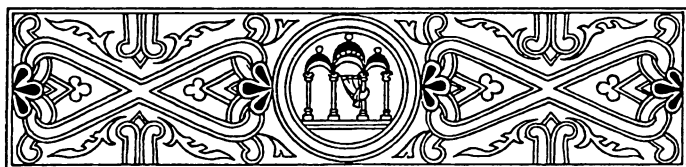
тичного мирозерцания, а скорее знамением рождения новой средневековой христианской литературы, хотя и не свободной от родимых пятен античности¹. Кроме того, «Христианская топография» была создана в Египте и во многом под воздействием идей, порожденных персидско-несторианской культурной средой и привнесенных в империю с Востока.

Этот восточный колорит отличает ее от многих других памятников византийской литературы того времени.

Космографические представления Косьмы, ставившего своей целью на основании изложенной им системы мироздания доказать истинность Священного Писания и христианского вероучения, бесспорно были шагом назад по сравнению с системой Птолемея и принесли вред развитию науки о Вселенной. «Христианская топография» Косьмы во многом затормозила прогресс науки о мироздании в средние века. Противоречия же в «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова, естественно, были порождены той противоречивой переходной эпохой, в которую жил автор, — эпохой гибели античной цивилизации и становления новой культуры средневекового общества.

¹ *Guillou A.* La Civilisation Byzantine. P., 1974. P. 317, 344, 354; *Hunger H.* Reich der Neuen Mitte: der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, 1965.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века.
ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности.
ППС	— Православный палестинский сборник.
BF	— Byzantinische Forschungen.
BG	— <i>Procopii Caesariensis De Bello Gotico</i> // <i>Procopii Caesariensis Opera Omnia</i> . Vol. 2. Rec. I. Haury, G. Wirth, Lipsiae, 1963.
Byz.	— Byzantion.
BZ	— Byzantinische Zeitschrift.
DAI	— <i>Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio</i> . Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R. I. H. Jenkins. Washington, 1967.

-
- De cer. — *Constantine Porphyrogenitus*. De ceremoniis aulae Byzantinae libri II/Rec. I. I. Reiskii. Bonnae, 1829.
- Delatte*. Anecd. — *Delatte A.* Anecdota atheniensia. T. I. Liège, 1927.
- Delatte*. Portul. — *Dellate A.* Les portulans grecs. t. I–II, Liège — Brussels, 1947–1958.
- DOP — Dumbarton Oaks Papers.
- GGM — Geographi graeci minores. Ed. C. Müllerus. T. I–II. Parisiis, 1882.
- GLM — Geographi latini minores. Ed. A. Riese. Heilbronnae, 1878.
- Liber Pontificalis — Le Liber Pontificalis. Texte, traduction et commentaire par l'abbé L. Duchesne. Vol. 1–2. P., 1886–1892.
- Monumenta Cartographica — Monumenta Cartographica Vaticana. Vol. I–III. Città di Vaticano, 1944–1952.
- Ephr. Syr. — Sancti Ephraem Syri in Genesim et in Exodum commentarii. T. I–II, Louvain, 1955–1965.
- Mich. Ps.* De omm. doc. — *Psellus, Michael.* De omni-faria doctrina. Ed. L. G. Westerink. Utrecht, 1948.
- Mich. Ps.* Epitre — *Psellus, Michael.* Epitre sur la chrysopee; opuscles et extraits sur l'alchimie, la meteorologie et la demono-

- logie. Ed. J. Bidez. Bruxelles, 1928.
- PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca. Ed. J.-P. Migne. T. 1–166, Parisiis, 1857–1866.
- Pinder et Parthei — Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica. Ed. M. Pinder et G. Parthei. B., 1860.
- RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Alterthums-Wissenschaft. Bd. I–LXXX. Stuttgart, 1882–1974.
- REG — Revue des etudes grecs.
- RSBN — Rivista di studi bizantini e neollenici.
- TM — Travaux et Memoires.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Ранневизантийский период.....	7
Глава 2. Средневизантийский период	68
Глава 3. Поздневизантийский период	123
Приложение	
<i>З. В. Удальцова. Косьма Индикоплов</i>	
и его «Христианская топография»	158
Список сокращений.....	176

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректор:

Н. П. Дралова

Оригинал-макет:

Е. Н. Ванчурина

ИЛ № 064366 от 26. 12 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 15.04.2000. Подписано в печать 19.08.2000.

Формат 70×100/32. Объем 6 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3454

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), французская серия «Gallicinium» (издается с 1998 г.); «Античное христианство» (издается с 1998 г.), «Российские психологи. Петербургская научная школа» (издается с 1998 г.), «Классики русской философии права» (издается с 1999 г.),

мемуарная «Петербургская серия» (издается с 1999 г.) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные вне-серийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 300 названий книг.

Издательство «Алетейя» сегодня — это:

— высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;

— академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами в своей области;

— высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;

— возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;

— эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Лондоне, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.).

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом:

где можно приобрести очередные книги издательства «Алетейя»? Отвечаем: это можно сделать, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, e-mail: totja@cbs.spb.ru, тел.: (812) 219-6301. Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»); в книжной лавке «У Сытина» (тел.: (095) 156-8670; проезд Черепановых, 56); Московский Дом Книги (м. «Арбатская»); магазин «У Кентавра» (м. «Новослободская», Миусская пл., д. 6; тел. (095) 214-5446); магазин «Ad marginem» (м. «Павелецкая», 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7; тел. (095) 951-9360); еженедельная книжная ярмарка в «Олимпийском» (м. «Перспект мира»). В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» представлен в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел «Общественных наук и учебной литературы»); в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П. С., 82 (тел. (факс) (812) 232-2104); В. О., Менделеевская линия, 5; Невский пр., 3; в ассортиментном кабинете «Петербургского книжного центра» (Стремянная ул., 20) тел. (812) 113-1012; на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»).

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы, первые издания на русском языке:

- «Древнегреческая элегия»;
- Гигин «Мифы», «Об астрономии»;
- Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;
- М. Нильссон «Греческая народная религия»;
- Евагрий Схоластик «Церковная история»;
- А. Мачейна «Великий инквизитор», «Тайна беззакония»;
- Ж. де Местр «Санкт-Петербургские вечера»;
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои»;
- Н. Аббаньяно «Мудрость жизни», «Мудрость философии», «Введение в экзистенциализм»;
- Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;
- Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?», «Новая Вавилонская башня», «Сущность христианства», «Сущность любви»;
- К. Барт «Очерк догматики»;
- Ж.-П. Сартр «Идиот в семье»;
- Симона де Бовуар «Второй пол» и многие другие.

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиниста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмит-

рия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», сочинения в двух томах основателя русской социологии М. М. Ковалевского («Социология», «Современные социологи»), книги серии «Античное христианство» с параллельными текстами и многие другие издания.

*Издательство «Алетейя»
(Санкт-Петербург)*

*в серии «АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»
выпустило в свет*

В разделе «Литература»:

- Марк Валерий Марциал «Эпиграммы» (1994 г.);
- Ювенал «Сатиры» (1994 г.);
- «Античные поэты об искусстве» (1996 г.);
- Гигин «Поэтическая астрономия» (1997 г.);
- Катулл «Избранная лирика» (в новых переводах с параллельными текстами) (1997 г.; издание 2-е, исправленное — 1999 г.);
- «Древнегреческая элегия» (1997 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Аттические сказки».

В разделе «История»:

- Ксенофонт «Греческая история» (1993 г.) (вышло три издания);
- Арриан Флавий «Поход Александра» (1993 г.);
- Геродиан «История императорской власти» (1995 г.);
- Аммиан Марцеллин «Римская история» (1994 г.) (вышло три издания);
- Аппиан «Римские войны» (1995 г.);
- Секст Юлий Фронтин «Военные хитрости» (1996 г.);
- «Греческие полиоркеттики. Вегеций: Краткое изложение военного дела» (1996 г.);
- Павсаний «Описание Эллады» в 2-х томах (1996 г.);
- Гигин «Мифы» (1997 г.);
- «Суд над Сократом» (сборник исторических свидетельств) (1997 г.);
- Нонн Панополитанский «Деяния Диониса» (1997 г.);
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои» (с параллельными текстами) (1998 г.);
- Гай Светоний Транквилл «О жизни цезарей. О блистательных мужах» (1998 г.);
- «Первый Ватиканский мифограф».

В разделе «Философия»:

- Ксенофонт «Сократические сочинения» (1993 г.);
- Плотин «Сочинения» (1995 г.).
- А. Ф. Лосев «Античная философия истории».

В разделе «Исследования»:

- Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство» (1994 г.);
- В. С. Дуров «Нерон, или Актер на троне» (1994 г.);
- Е. В. Герцман «Музыка Древней Греции и Рима» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» (1995 г.);
- А. С. Степанова «Философия древней Стои» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Из жизни идей» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Соперники христианства» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Возрожденцы» (1997 г., 2-е издание — 1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Древний мир и мы» (1997 г.);
- В. В. Латышев «Греческие древности». Часть 1 — «Государственные и военные древности», часть 2 — «Богослужebные и сценические древности» (1997 г.);
- М. Нильссон «Народная греческая религия»;
- М. В. Скржинская «Скифия глазами эллинов»;
- Т. Гомперц «Греческие мыслители» (в 2-х томах) (1999 г.);
- Р. Пёльман «Очерк греческой истории и историографии» (1999 г.);
- А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев «Греческая культура в мифах, символах и терминах» (1999 г.);
- «Ранняя греческая лирика» (1999 г.);

— Ф. Ф. Зелинский «Римская империя» (пер. с польского) (1999 г.);

— Д. О. Торшилов «Античная мифография: мифы и единство действия» (1999 г.);

— Э. Р. Доддс «Греки и иррациональное».

В серии «Античная библиотека» готовятся к изданию многие новые книги, среди которых:

— А. О. Маковельский «Софисты»;

— «Античные мифографы» (полный корпус сочинений греческих и латинских авторов, под ред. М. Л. Гаспарова);

— Аппиан «Римская история» (новый перевод с обширными комментариями);

— Фюстель де Куланж «Афинская община»;

— «Эллинская культура»;

— Ф. Ф. Зелинский «Римская республика»;

— «Римская элегия»;

— Лукиан «Сочинения» в 2-х томах (впервые полностью публикуются все тексты великого сатирика древности. Под общей редакцией проф. А. И. Зайцева).

Эти и некоторые другие книги выйдут уже в этом году.

В серии «ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

вышли следующие книги:

В разделе «Источники»:

— Анна Комнина «Алексиада» (1996 г.);

— Иордан «О происхождении и деяниях гетов (Гетика)» (1997 г.);

— Иоанн Кантакузин «Диалог с иудеем» (перевод с греческого);

— Прокопий Кесарийский «Война с вандалами. Война с персами. Тайная история» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное);

— Евагрий Схоластик «Церковная история»;

— Олимпиодор Фиванский «История» (с параллельным греческим текстом).

В разделе «Исследования»:

— Ю. А. Кулаковский «История Византии» в 3-х томах (1996 г., готовится новое издание);

— Е. В. Герцман «В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей»;

— А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»;

— И. П. Медведев «Византийский гуманизм»;

— Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;

— Г. Г. Литаврин «Византийский лечебник XIV в.»;

— А. А. Чекалова «Константинополь в VI в. Восстание Ника»;

— А. П. Каждан «Византийская культура»;

— М. В. Бибииков «Византийская историческая проза»;

— И. В. Кривушин «Ранневизантийская церковная историография»;

— А. П. Лебедев «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века»;

— А. П. Лебедев «Очерки внутренней истории византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках»;

— А. П. Лебедев «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века (От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.)»;

— А. П. Лебедев «История разделения Церквей»;

— А. П. Лебедев «Церковная историография...»;

— А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин «Византия и южные славяне»;

— А. А. Васильев «История Византийской империи» в 2-х томах;

— Я. Н. Любарский «Византийские историки и писатели»;

— Г. Г. Литаврин «Византия и славяне»;

— С. П. Карпов «Латинская Романия»;

— «Византия между Востоком и Западом»;

— В. П. Буданова «Готы в эпоху Великого переселения народов»;

— Е. Ч. Скржинская «Византия, Италия, Русь»;

— О. Р. Тафт «Византийский церковный обряд».

Издание «Византийской библиотеки» на сегодня является приоритетной задачей издательства, поэтому и планы выпуска новых книг здесь наиболее обширны. В наших ближайших планах выпуск в свет следующих уже подготовленных для печати книг:

— Михаил Пселл «Хронография. Малые исторические сочинения»;

— «Советы и рассказы Кекавмена»;

— Константин Багрянородный «Об управлении империей»;

— М. В. Бибииков «Византийские источники по истории Древней Руси»;

— Прокопий Кесарийский «Война с готами (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное)

и многие другие книги.

Из внесерийных изданий наиболее заслуживают внимания: первое издание на русском языке сочинений великого французского мыслителя Жозефа де Местра в 3-х томах («Размышления о Франции», «О папе», «Санкт-Петербургские вечера»); полное собрание сочинений Г. Адамовича; «Курс русской истории» в 4-х книгах замечательного русского историка Е. Ф. Шмурло; первая публикация на русском языке итоговой книги Ж.-П. Сартра «Идиот в семье» и многие, многие другие книги.

Издательство приглашает к сотрудничеству авторов,
переводчиков, редакторов.

Телефон редакции: (812) 567–2239,

fax: (812) 567–2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13,
издательство «Алетейя»

**Для получения книг почтой
заказы направляйте по адресу:**

199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»

факс (812) 218–4422, тел. (812) 218–7763,

а также заказав их через отдел «Книга — почтой»

Санкт-Петербургского Дома Книги,

прислав заказы по адресу:

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28

• О. Р. БОРОДИН, С. Н. ГУКОВА •

ВБ

